

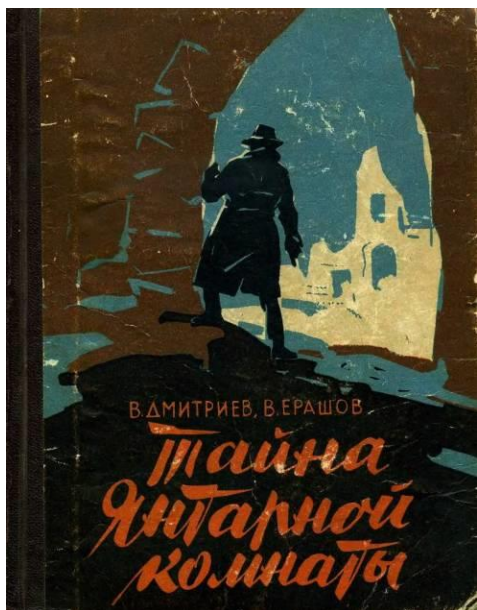
Вениамин Дмитриевич Дмитриев, В. Ерашов

Тайна янтарной комнаты

Повесть

Художник Т. Банис

Рига, Латвийское государственное издательство, 1961



ОТ АВТОРОВ

В годы Великой Отечественной войны гитлеровские захватчики, осуществляя политику разорения и разграбления временно оккупированных ими районов, вывезли из Советского Союза огромное количество материальных ценностей. Значительное место среди них занимали произведения искусства.

В числе похищенных фашистами уникалов была и знаменитая янтарная комната Екатерининского дворца-музея в городе Пушкине под Ленинградом.

Вскоре после окончания боевых действий стало известно, что детали убранства янтарной комнаты вместе с другими музейными экспонатами были отправлены по распоряжению одного из ближайших сподручных Гитлера - гауляйтера Эриха Коха - в город Кенигсберг (ныне Калининград).

В первые послевоенные годы была организована комиссия по розыскам сокровищ, украденных гитлеровцами. Комиссия проделала большую работу, целью которой являлось возвращение советскому народу принадлежащего ему достояния. Поиски янтарной комнаты продолжаются и сейчас.

Летом 1958 года областная газета «Калининградская правда» напечатала серию статей, рассказывающих о янтарной комнате, истории ее похищения и поисков. Затем вышел отдельной брошюрой очерк В. Дмитриева «Дело о янтарной комнате» (Калининградское книжное издательство, 1960 г.). Эти материалы нашли широкий отклик у читателей. В редакцию газеты, в издательство, а также в партийные и советские органы Калининграда поступило и продолжает поступать большое количество писем. В них трудящиеся спрашивают о том, что представляла собой янтарная комната, просят более подробно рассказать обо всем, что связано с ней, изъявляют желание оказать посильную помощь в ее розысках.

Стремясь ответить на эти вопросы, авторы предлагают вниманию читателей повесть «Тайна янтарной комнаты».

Книга построена на документальной основе. Авторы ее, участники розысков янтарной комнаты, использовали многочисленные архивные и музейные документы, относящиеся к описанию похищенного сокровища и изложению его истории, справочные и монографические материалы по истории Кенигсберга, а также материалы комиссии по розыскам янтарной комнаты.

Авторы пользуются случаем, чтобы выразить глубокую благодарность товарищам, оказавшим помощь в сборе материалов для книги. Особенно признательны авторы профессору Берлинского университета доктору Гергардту Штраусу (ГДР), товарищу Карлу-Хайнцу Вегнеру - главному редактору журнала «Фрайе Вельт» («Свободный мир»), издаваемого Обществом германо-советской дружбы, а также заведующей научным отделом дворца-музея в г. Пушкине Е. С. Гладковой.

В. Дмитриев,

В. Ерашов.

г. Калининград, январь 1961 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ КАК ЕЕ УКРАЛИ

1

Июльским вечером 1941 года в кабинете директора парков и музеев в г. Пушкине состоялось срочное совещание.

- Товарищи, - сказал представитель обкома партии. - Я думаю, не надо разъяснять, насколько серьезно положение. Могу только сообщить то, что, видимо, каждый понимает сам: Ленинграду угрожает непосредственная опасность. Областной комитет партии и облисполком обращаются к вам: надо сделать все возможное для спасения музейных ценностей! Будет трудно. Транспорт используется для военных нужд, выделим лишь ограниченное количество вагонов. Рабочих рук тоже не хватает - в первую очередь решено спасти художественные ценности Эрмитажа. Сами понимаете, насколько это важно. Туда переброшены те силы, которые можно еще использовать. Вам помогут лишь командиры и бойцы войск противовоздушной обороны города. Повторяю: надо сделать все, что в наших силах.

В Екатерининском дворце-музее начались дни, полные тревог и напряженной, непривычной работы.

Надев, как всегда, матерчатые туфли, сотрудники осторожно снимали с подставок хрупкие вазы, укладывали в ящики золото и хрусталь, накатывали на покрытые сукном деревянные валы полотна картин, отбирали образцы мебели - наиболее ценные, уникальные, чтобы, в случае беды, восстановить по ним утраченное. Упаковывались книги, ковры, детали деревянной резьбы.

А в парке бронзовый Пушкин задумчиво сидел на скамье, словно терпеливо ожидая своей участи.

Так прошло два месяца.

- Что будем делать с Пушкиным? - спросила как-то экскурсовод Анна Ланская.

- Закопаем. Вывезти все равно не удастся.

- А янтарная комната?

- Ее придется оставить. Для того чтобы демонтировать и упаковать все панно, потребуется слишком много времени. Слышите?

Раздался глухой взрыв.

- Осталось километров двадцать. Не успеем.

Вечером рыли котлованы. Солдаты снимали мраморные статуи с постаментов, опускали их в землю и забрасывали рвы, как могилы.

Потом с пьедестала подняли статую Пушкина. Каждый бросил в яму горсть сухого песка. Заработали лопаты. К полуночи тщательно замаскировали свежее пятно.

Парк шумел, роняя первые желтые листья. Наступал рассвет, а люди еще не ложились спать. Они торопливо застилали днища ящиков ватой, заворачивали в холсты фарфоровые чаши.

- Может быть, все-таки успеем спасти хотя бы главные панно янтарной комнаты? - задумчиво спросила Анна Константиновна.

Ответить ей не успели.

В дверях Картинного зала появился директор музея - пожилой, седовласый человек. Вид его был необычен. Никто не успел удивиться тому, что на директоре защитного цвета шинель с двумя ромбиками в петлицах и фуражка со звездой. Он уступил дорогу своему спутнику - тоже в командирской шинели.

Наступила тягостная тишина.

- Друзья! - тихо произнес военный. - Мы оставляем город. До свидания, родные. Ждите нас.

Он круто повернулся и пошел к выходу.

Первый луч солнца пробился сквозь поредевшие кроны деревьев, пробежал по глади пруда. Стояла тишина - настороженная, тревожная. Все, кто оставался во дворце, сидели у стен янтарной комнаты на музейных стульях, еще сохранивших таблички «Руками не трогать», и прислушивались, ожидая выстрелов. Тишина пугала сильнее, чем грохот.

И вот внизу, на парадной лестнице, послышались голоса, чужая, отрывистая речь. Топот сапог. Одиноким выстрел.

- Пришли, ироды, - прошептала старушка-смотрительница. - Какое сегодня число-то? Запомнить надо.

- Семнадцатое. Семнадцатое сентября, - тихо отозвалась Анна Константиновна.

За окнами в парке еще было тихо. Но вдруг безмолвие сразу взорвалось. Послышались пулеметные очереди, залягали танки, завывали мины, затрещали автоматы - в город вступали фашистские войска.

Дверь в янтарную комнату с треском распахнулась. Высокий солдат в мышинного цвета мундире, с автоматом, прижатом к животу, вырос на пороге. Он вскинул ствол, приноравливаясь дать очередь, но властная рука опустилась ему на плечо.

- Хальт! - скомандовал невысокий офицер с худым лицом, обезображенным шрамом. - Хальт! Хир ист бернштайнциммер!¹

Анна Константиновна вздрогнула, услышав, как уверенно назвал янтарную комнату немец.

«Сейчас он что-нибудь крикнет, а потом солдат полоснет очередью по янтарным панно, по бемским стеклам, по паркету...» - мелькнула мысль. О себе Ланская не подумала в эту минуту.

Но гитлеровец не кричал и не стрелял. Отстранив солдата, он осторожно шагнул к стене и, сняв перчатку, протянул руку к панели. Анна Константиновна невольно подалась вперед. Немец вежливо улыбнулся и сказал вдруг на довольно чистом русском языке:

- Простите, фрау. Я нечаянно. Я понимаю, что музейные экспонаты не полагается трогать. Уверю вас, это понимает каждый культурный человек, особенно мы, немцы.

Сотрудники музея молчали, настороженно глядя на офицера. Казалось, он не замечал этого враждебного молчания. Мягко, даже слишком мягко ступая по паркету, обер-лейтенант вышел на середину зала.

- Я прошу вас, господа, покинуть дворец. Отныне он становится достоянием великой Германии, - торжественно провозгласил он.

Солдат за его спиной выразительно щелкнул затвором автомата.

2

Генерал-фельдмаршал Кюхлер решил отдохнуть после обеда: несколько бессонных ночей вывели его из работоспособного состояния. Плотнo задернув шторы, чтобы шум кенигсбергских улиц не мешал вздремнуть, генерал прилег на диван.

¹ Стой! Здесь янтарная комната! (нем.)

- Разбудить через час. Никого не принимаю. Телефон переключить, - отрывисто бросил он дежурному по приемной.

Но поспать генералу так и не удалось. Через несколько минут дежурный виновато шепнул над самым ухом:

- Простите, господин генерал. Вас к аппарату.

- Я же приказывал - не будить! - спросонья буркнул Кюхлер.

- Но, господин генерал. Это господин гауляйтер Кох!

- Что? Кох? Почему ты сразу не сказал, дьявол тебя побери!

С любимцем фюрера шутить не приходилось - генерал это усвоил давно.

- Генерал Кюхлер? - услышал он среди легкого потрескивания мембраны.

- Да, господин гауляйтер. Я вас слушаю.

- Вот что, Кюхлер. Фюрер поручил вам ответственное и почетное дело. Вы обязаны руководить эвакуацией из пригородов Ленинграда принадлежащих отныне фатерлянду ценностей. За всеми консультациями обращаться ко мне. Надеюсь, вы понимаете, как дорого мне все, что связано с искусством? Вот так. Ждите письменных указаний.

Настроение у Кюхлера испортилось безнадежно. Генерал отлично знал, в чем заключается «любовь к искусству» Эриха Коха: гауляйтер задумал любыми средствами перещеголять Германа Геринга в сборе коллекций. «Теперь придется вертеться между Герингом и Кохом. Каждый потащит добро к себе, а я должен буду отдуваться перед ними обоими», - невесело подумал Кюхлер.

Он повернул рычажок радиоприемника. Знакомый голос Розенберга загремел на весь кабинет: Мы занимаемся сбором научного материала для изучения важнейших проблем славяноведения. Мы принимаем все меры к тому, чтобы спасти культурные ценности русского народа от варварства большевистских комиссаров...

«Высочка! Тоже мне «культуртрегер». Наверное, и речь ему сочинил Геббельс. Чувствуется его рука. Впрочем, кто их там разберет...»

После недолгих размышлений Кюхлер приказал вызвать к себе доктора Роде.

3

Аллеи тенистого парка пересекались глубокими траншеями. Там и тут мелькали пятна порыжелого дерна - здесь недавно заложили противопехотные мины. Как исполинские пальцы, торчали стволы зенитных орудий. Оскаливались из-под брустверов станковые пулеметы. Словом - оборонительная система, знакомая и привычная. Надоело.

Вальтер фон Рихард отвернулся от окна. Ничего нового пока не увидел он в этом знаменитом Царском Селе. Городишко как городишко. Правда, говорят, дворец великолепный.

Накинув на плечи плащ, полковник вышел из лимузина. На крыльце дворца его не встретили ни часовой, ни дежурный. «Бордель», - презрительно подумал генштабист, прислушиваясь к звукам пьяной песни.

Он всегда презирал армейщину - потомок древнего рода фон Рихардов, воспитанник Лейпцигского университета, доктор искусствоведения, волею судеб надевший теперь мундир полковника.

Рихард медленно прошел по вестибюлю и поднялся на второй этаж.

Первая же дверь на пути оказалась закрытой. Рихард толкнул ее и остановился на пороге.

Сизый дым выстрелов застилал помещение. Прищурив глаза, полковник рассмотрел несколько фигур. Клубы поднимались вверх, становилось светлее с каждой секундой. Теперь генштабист видел все. На него пока никто не обращал внимания. Каждый занимался своим делом.

На сверкающей атласной обивке дивана лежал офицер в грязных сапогах и сплевывал на пол, стараясь попасть в серединку круга на паркете. Другой, усердно сопя, пририсовывал усы к тонкому лицу красавицы на старинном портрете. Третий медленно водил пистолетом по стенам, выбирая новую мишень. Обломки золоченой инкрустаций уже валялись на затоптанном паркете. Четвертый нехотя, как бы между делом, отламывал ножки от стула красного дерева и совал их в пылающий камин.

Рихард помедлил секунду. Потом щелкнул каблуками:

- Хайль Гитлер!

Первым вскочил тот, кто лежал на диване. Вслед за ним вытянулись и остальные. Они проревели хрипло и недружно:

- Хайль!

- Кто вы такой? - спросил один из офицеров.

- Я полковник генерального штаба фон Рихард. С особым поручением генерала-фельдмаршала Кюхлера, - медленно процедил полковник. - Вы пойдете со мной, капитан. Укажите мне кабинет командира дивизии.

4

С того дня ограбление дворца и парка было поставлено на «научную основу». Началось систематическое «изъятие» отделки парадных покоев дворца. Грабители - теперь уже с прославленной немецкой аккуратностью, о которой вспомнили после приказа начальства, - тщательно снимали картины, плашка за плашкой разобрали пол Лионской гостиной - уникальный паркет, украшенный пластинками перламут-

ра. Из дворцовой церкви похитили работы живописца Шебуева, стащили с пьедесталов и вывезли величественные бронзовые фигуры Геркулеса и Флоры, красовавшиеся у Камероновой галереи.

Летом 1942 года пришла очередь янтарной комнаты.

Кое-кто из бывших сотрудников музея, оставленных при нем в качестве дворников и уборщиц, видел это страшное зрелище своими глазами.

Гитлеровцы не таились: они чувствовали себя полновластными хозяевами на оккупированной земле. Тугое кольцо блокады стискивало город Ленина, с педантичной точностью в одно и то же время ежедневно велись обстрелы северной столицы, а здесь, в нескольких десятках километров от непокоренного города, захватчики делали свое черное дело.

Однажды в начале июля у подъезда дворца остановились грузовики, на которых громоздились ящики и кипы ваты. Вскоре прошел слух: немцы собираются вывозить янтарную комнату.

Близко ко дворцу никого не подпускали, автоматчики мерно шагали по дворцу. В здании циркумференции², часть которого занимали бывшие работники музея, было приказано плотно закрыть окна.

Там, в душных комнатах, осторожно поглядывая во двор через запыленные стекла, люди переговаривались между собой. Молодые строили фантастические планы спасения янтарных панно. Другие, постарше и потрезвее, понимали: предотвратить преступление они не в силах. Оставалось стиснуть зубы и молчать.

Так миновал полдень, потом наступила обеденная пора. Солдаты весело зашагали в столовую, перебрасываясь шутками с часовыми. А сидевшие в циркумференции забыли о еде. Они с трепетом ждали: что будет дальше? Немцы давно перенесли ящики во дворец и пока не вытаскивали их обратно.

Наконец обед кончился. Щеголеватый офицер построил солдат неподалеку от центрального входа, что-то коротко разъяснил, потом послышалась отрывистая команда, и солдаты скрылись во дворец. Прошло еще несколько томительных минут.

Анна Константиновна прильнула к окну.



На широком крыльце показалась первая пара. Солдаты бережно несли продолговатый ящик. Они ступали осторожно, еле передвигая ноги, почти не отрывая подошвы сапог от ступеней, и все-таки офицер прикрикнул на них:

- Форзихт! Дас ист бернштайнциммер!³

Теперь сомнений не оставалось.

Анна Константиновна повернулась к своим и шепнула:

- Товарищи, это янтарная комната! Я слышала!

К окнам бросились все. И сразу свет заслонила фигура автоматчика.

- Цурюк!⁴ - повелительно крикнул он.

Пришлось подчиниться. Все внимательно прислушивались к звукам, стараясь понять, что происходит там, во дворе.

Топали тяжелые сапоги: это немцы избегали на крыльцо. Потом шаркали подошвы и покрикивал офицер: солдаты возвращались с грузом в руках. Наконец послышалось:

- Фертиг!⁵

- Форвертс!⁶ - последовал приказ. И сразу же чуть сильнее заработали приглушенные до того моторы.

² Одноэтажное полукруглое здание, ограждающее двор Екатерининского дворца. В нем находились подсобные и хозяйственные помещения.

³ Осторожно! Это янтарная комната! (нем.)

⁴ Назад! (нем.)

⁵ Готово! (нем.)

⁶ Вперед! (нем.)

Слышно было, как часовой у ворот окликнул сидевших на машине и кто-то усталый, но радостный ответил ему

- Кенигсберг ин Пройсен!

«Кенигсберг в Восточной Пруссии», - мысленно перевела Анна Константиновна.

Вот, значит, куда отправлялась янтарная комната в свое, может быть, последнее путешествие! ..

5

Невысокий пожилой мужчина, подвижный и чем-то возбужденный, торопливо нажал кнопку звонка у калитки небольшого дома на Кункельштрассе. Он спешил, но все-таки с удовольствием окинул хозяйским взглядом чисто выметенный тротуар, аккуратно подстриженные кусты за изгородью и начищенную медную табличку с готической вязью: «Доктор искусствоведения Альфред Роде, директор музея «Художественные собрания Кенигсберга».

Полная женщина в белом переднике открыла калитку.

- Что с тобой, Альфред? - удивленно спросила она. - Ты, кажется, помолодел сегодня!

- Да, Гертруда, да, дорогая моя, - ответил Роде, порывисто обнимая жену, - я пережил сегодня великую радость - в музей привезли янтарный кабинет!..

Более десяти лет работал Роде в музее Королевского замка.

Здесь были собраны сотни картин, скульптуры, вазы, гобелены, ковры и различная утварь. Все эти ценности бережно хранил, изучал, описывал и с удовольствием показывал посетителям доктор Альфред Роде.

Но не живопись и не скульптура были предметом истинной страсти ученого. Подлинную творческую радость приносил ему янтарь.

Еще со студенческой скамьи Роде изучал и коллекционировал янтарь, которому посвятил свою докторскую диссертацию. Вскоре Роде - директора художественного собрания - одновременно назначили и на вторую должность: он стал директором-хранителем янтарного музея, которым когда-то заведовал Иммануил Кант. Коллекции янтаря переместили из старого здания музея в Королевский замок, и они начали увеличиваться день ото дня.

Роде удалось собрать несколько тысяч различных янтарных изделий и кусков натурального янтаря. Среди них был уникальный, едва ли не самый крупный из всех известных, - самородок весом более шести килограммов. Особую ценность представляли куски янтаря с заключенными в них жуками, личинками, комарами. Но больше всего Роде гордился экспонатом, который он по праву считал единственным в мире: в желтой толще спала вечным сном замурованная ящерица.

- Ей миллионы лет, господа, вы понимаете - не менее пятидесяти миллионов лет! - с присущим ему пылом говорил доктор коллегам, почти молитвенно складывая руки, словно боясь невзначай прикоснуться к витрине с драгоценностью.

Роде чувствовал себя почти счастливым. Но только почти. Зависть не давала ученому ни минуты покоя: он никогда не забывал, что есть сокровище, которое превосходит всю кенигсбергскую коллекцию, - янтарная комната Екатерининского дворца.

И вот это сокровище в его руках! К нему в музей привезли из России знаменитый янтарный кабинет, еще так недавно украшавший Екатерининский дворец в Царском Селе!

Тогда Роде и стал, по собственному признанию, счастливейшим человеком на земле.

Казалось, он потерял рассудок. Всегда ревностный служака, доктор Роде теперь словно позабыл свои обязанности, как позабыл о семье и обо всем, что существует на свете.

- Где господин доктор? - спрашивали сотрудники музея.

- Ш-ш-ш, - отвечал инспектор музея Хенкензифкен, всюду сопровождавший Роде, вероятно не столько из уважения к нему, сколько по поручению местной организации национал-социалистской партии. - Ш-ш-ш! Доктор там! - И инспектор многозначительно указывал глазами на массивную дверь, запертую изнутри.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИСКУССТВОВЕДА СЕРГЕЕВА

Короткий, словно обрубленный поезд, осторожно нащупывая дорогу, пробирался по рельсам, грохочущая на стыках. Облупленные вагоны заметно покачивало. Сгущались сумерки, но проводники не зажигали огарки свечей - до Кенигсберга оставалось всего минут пятнадцать пути. По обеим сторонам полотна тянулись еще заметные в вечерней дымке одинаковые серо-красные домики, сады с голыми деревьями, потом замелькали развалины зданий покрупнее, и наконец, лягнув на повороте, состав замедлил ход.

Сергеев первым соскочил на перрон и остановился в недоумении.

Вместо привычной суеты вокзала, переполненного людьми, ярко освещенного, говорливого и шумного, приезжих встречали безмолвие и темнота. Только в стороне, за путями, угадывались смутные очертания барачных зданий да поодаль из распахнутой двери деревянного сооружения, похожего на огромный ящик, выливалась ленивая полоса неяркого света.

Холодный ноябрьский ветер метался вдоль путей, как бы силясь сдвинуть с места обломки камня и кирпича. Немногочисленные пассажиры – среди них почти не было женщин и детей - быстро шагали через рельсы и скрывались во мгле.

Сергеев закурил и стал раздумывать, попроситься ли ему переночевать у дежурного, либо отправиться одному в город, чтобы отыскать пристанище. Правильнее всего, очевидно, скоротать ночь здесь, - решил он после недолгих размышлений.

Подняв легкий дорожный чемодан, он направился к одному из барачков, заранее готовясь к длинному разговору и морщась от чувства неловкости. Но тут его окликнули:

- Простите, можно вас на одну минуту?

Приезжий остановился.

- Простите, - повторил голос из темноты, - вы Сергеев? Олег Николаевич?

Интонация была вопросительной и в то же время уверенной. Человек встал рядом, небрежно играя фонариком. Выглядел он несколько необычно: серый макинтош с короткими наплечниками, серая летняя шляпа с обвислыми полями, измазанные кирпичной пылью ботинки. Но лицо - молодое, сухощавое, слегка горбоносое, с глазами светлыми и, пожалуй, немного наивными, доверчивыми и добродушными, - успокоило Сергеева. Он спросил уже приветливо:

- Я вас слушаю. Чем могу служить?

- Служить должен я, - вежливо улыбаясь, отозвался молодой человек. - Мне поручено встретить вас и устроить на ночлег. Я из временного управления по гражданским делам.

Сергеев отличался доверчивостью. Это качество не раз приносило ему неприятности. Правда, он утешал себя обычно тем, что «нарвался» на подлеца, на исключение из общего правила, и успокаивался. Конечно, на фронте, сталкиваясь с врагом, он рассуждал по-иному. Но война миновала, и после демобилизации Олег Николаевич, как он сам признавался, снова несколько «оттаял», решив, что теперь наступила пора покоя и благоденствия, что можно немного «отпустить» нервы, натянутые до предела. Почему бы не поверить славному парню!

Пройдя несколько шагов, спутник извинился:

- Машину взять не смог. Впрочем, может быть, это к лучшему: в объезд далеко. Пешком проще. Да и надежнее. Быстрее доберемся. Прощу вас, Олег Николаевич.

Новый знакомый оказался разговорчивым, но не назойливым. По обязанности гида, а возможно и просто из желания развлечь попутчика, он принялся сообщать Сергееву сведения об истории города, о его достопримечательностях. Услышав же, что искусствоведа довелось и бывать здесь перед войной, и штурмовать эту крепость, проводник стал еще более словоохотливым.

- Итак, город вам знаком. Но я надеюсь, вы окажете мне честь сопровождать вас завтра в первой прогулке по городу? Вам трудно будет его узнать, дорогой Олег Николаевич.

Да, узнать город было трудновато. Сергеев шел и вспоминал.

2

Он остановился тогда в одной из лучших гостиниц города - «Парк-отеле», недалеко от замка.

Портье снабдил иностранца рекламным путеводителем.

Сергеев вычитал там, что Кенигсберг представляет собой самостоятельную административную единицу, имеет свой устав, своего обер-бургомистра, свое самоуправление, даже низшие органы которого назначаются германским министерством внутренних дел. «Понятно, - подумал Олег Николаевич, - крепость есть крепость, надо ее держать в руках как следует, вот и налажена эта административная машина».

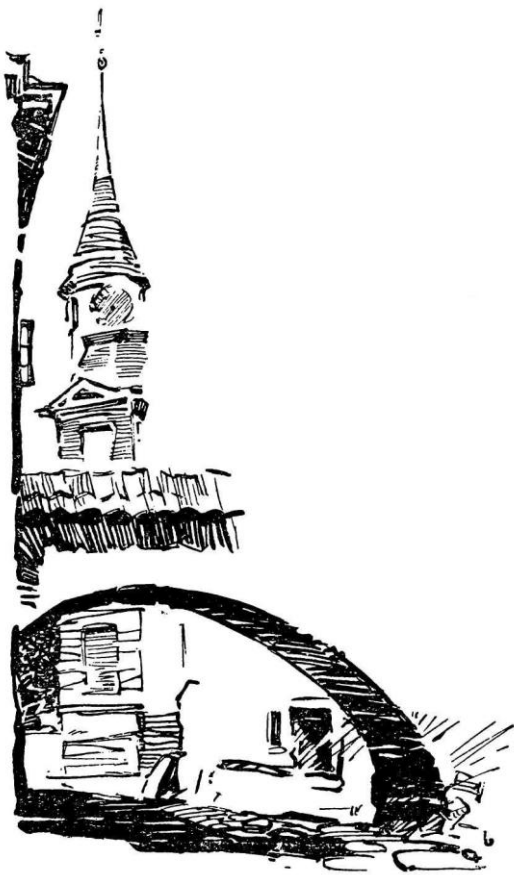
В путеводителе говорилось о территории «прусской столицы», которая составляет сейчас, в 1940 году, 193 квадратных километра, что, подчеркнуто сообщалось в справке, равнялось площади Москвы. Население - 372 тысячи человек.

Всюду Сергеев видел кичливый герб города. Одноглавый черный орел, увенчанный массивной короной, веером распустил крылья. Под ним - затейливый вензель, а еще ниже - три щита. На центральном щите - опять корона и крест. Справа - снова корона с двумя звездами. Слева - все та же корона и два пастушеских рожка. Огромные когти стервятника угрожающе торчат книзу.

Каждый день Сергеев осматривал несколько улиц и с сожалением думал, что срок командировки велик и познакомиться со всеми кварталами ему не удастся.

Он бродил по центру - старым улочкам, узким пересекающимся переулками и тупиками, застроенным многоэтажными каменными зданиями; ходил по окраинам, где небольшие виллы и стандартные домики утопали в зелени, побывал в рабочих поселках там унылые длинные трехэтажные дома тянулись на весь квартал от угла до угла.

Всюду царило оживление: сплошные вереницы автомашин, тротуары, заполненные гуляющими. Сразу же бросалось в глаза, что, несмотря на будничность дня, многие жители празднично одеты. Из окон домов свешивались красные флаги с черной свастикой посреди белого круга. И, как бы давая объяснение происходящему, из уличных громкоговорителей летел лающий голос диктора: «Германские войска маршируют по улицам поверженного Парижа. Гений фюрера вознес славу германской нации на недостижимую высоту. Но это только начало великого пути, на который мы вступили и который приведет Германию к окончательной победе. Об этих днях победы и торжества нации историки будут говорить вечно».



Сергеев на минуту остановился перед одним из многочисленных плакатов на стене дома. На Олега Николаевича в упор смотрело наглое, улыбающееся лицо немецкого солдата в стальной каске, сфотографированного на фоне Эйфелевой башни. А внизу крупными буквами было написано: «Ему принадлежит мир».

Этот плакат Олег Николаевич вспоминал полтора года спустя под Ленинградом, глядя на обледенелые трупы немецких солдат, вспоминал его и в 1943 году, провозжая взглядом бесчисленные вереницы пленных гитлеровцев, которых гнали в тыл наши автоматчики, вспоминал, глядя на Кенигсберг в памятные апрельские дни 1945 года.

А сейчас он не спеша шел между разодетыми людьми, особенно остро чувствуя себя одиноким и чужим в этом шумном, многолюдном и странном городе, где средневековые здания соседствовали с постройками стиля «модерн», а в волшебную прелесть сказок Гофмана врывались речи имперского министра пропаганды Геббельса.

Сергеев шел по улице Миттельтраххайм от гостиницы к замку, свернув по пути к зданию правительства. Здесь между выступами подковообразного корпуса поблескивала вода в бассейне, на каменной балюстраде крыши застыли сизые голуби, похожие на изваяния.

Потом он надолго задержался возле нового здания университета - трехэтажного, с полукруглыми сводчатыми арками, с галереей вдоль первого этажа, с каменными богинями на углах крыши, с горельефом всадника на фронтоне.

Сергеева не могла обмануть эта внешняя академическая солидность. Он отлично знал: с университетских кафедр теперь все реже и реже произносятся имена Шиллера

и Гёте, зато все громче звучат в аудиториях речи, больше похожие на воинственные призывы партийных фюреров, чем на лекции профессоров.

Профессора. Наверное, это они проходили сейчас мимо Сергеева - люди в черных сюртуках со значками национал-социалистской партии на лацканах, люди, при встрече с которыми студенты вытягивались, выбрасывая вперед руку.

...К зданию подкатили грузовики. В них быстро рассаживались студенты, послушные команде перетянутых ремнями офицеров рейхсвера. Взревели моторы, грузовики тронулись. Через час где-то на пригородном стрельбище Гансы и Оскары будут методически выпускать пулю за пулей в мишени, изображающие красноармейцев.

Штурмовики в коричневых мундирах и крагах, с повязками на рукавах сновали взад и вперед, толкая прохожих. Из репродукторов гремел фашистский молодежный гимн «Хорст Вессель» Противно. А ведь был бы город как город, настоящий культурный центр, если бы, если бы не этот нацистский дух!

Раскрыв путеводитель, Сергеев пробежал глазами строки. В городе сильно развита машиностроительная и военная промышленность. В книжонке говорилось о судостроительной верфи и машиностроительном заводе акционерного общества Шихау, о вагоностроительном заводе, заводе сельскохозяйственных машин.

Но Сергееву было уже известно и то, о чем путеводитель стыдливо умалчивал: в Кенигсберге на полную мощность действовали завод зенитных орудий, авиамоторный завод «Оренштайн и Коппель», заводы автомобильных запасных частей, авиационный, боеприпасов. Швейные фабрики выпускали военное обмундирование, склады обувных предприятий забиты тяжелыми солдатскими ботинками. На длинные переходы рассчитаны были кованые их подошвы! «Готовятся, каждый час готовятся к войне, - подумал Олег Николаевич. - Франция - лишь начало. Гитлеровцы ни перед чем не остановятся, и Восточная Пруссия для них - отличный плацдарм. Да, нелегко нам придется в случае войны.

До обеда Сергеев работал в университетской библиотеке. Русского научного работника приняли там вежливо, но сухо и с недоверием. Впрочем, на сердечность он и не рассчитывал. Зато литература о янтаре здесь оказалась богатой, такого собрания книг по этому вопросу Олегу Николаевичу еще не доводилось встречать. Торопливо, стараясь успеть сделать как можно больше, сокращая слова, заменяя их лишь одному себе понятными знаками, он делал выписки, время от времени поглядывая на часы: хотелось побродить по городу, ведь в кои-то веки доведется еще побывать за границей!

Глава диссертации, посвященная истории янтарных промыслов, обещала теперь стать интересной. Впереди еще несколько дней, можно успеть многое прочитать и многое записать. Надо лишь работать систематически, надо сочетать кабинетные занятия с разумным отдыхом, с прогулками по городу.

Мимо приземистого блиндажа, спрятанного в земле, Олег Николаевич прошел к красному зданию главного почтамта и очутился возле замка.

Как гигантский часовой, возвышался он над городом. Вдоль западной стены тянулась каменная ограда из огромных необтесанных булыжников. Семь массивных контрфорсов расчленили стены на равные части, прикрывая собой высокие стрельчатые окна. Асфальтированная дорожка капризным изгибом врывалась в ворота и исчезала во дворе. Олег Николаевич пошел туда, припоминая все, что ему было известно о замке.

Когда начата его постройка? Ага, в 1255 году. Впрочем, с той поры замок неоднократно реконструировался, современный вид он принял только в начале позапрошлого столетия. В память о совместной борьбе русских и немцев с наполеоновским нашествием один из самых крупных покоев получил название «Московитерзаал». Тут, после победы русского оружия в Семилетней войне, гостил у своего отца, губернатора Восточной Пруссии, Александр Васильевич Суворов.

Выйдя на широкий, похожий на большую площадь двор, Сергеев огляделся. Вдоль северной, самой древней стороны шла сводчатая галерея с резной балюстрадой. Отсюда в средние века феодальная знать любовалась рыцарскими турнирами. Под галереей вход в знаменитый ресторан «Блютгерихт»⁷, прославленный не столько качеством своих вин, сколько своеобразным оформлением. Олег Николаевич не удержался от соблазна посмотреть на него.

Низкие, нависшие над головой потолки, громадные бочки на постаментах. Их днища разукрашены затейливой резьбой. Приземистые старинные столы и стулья с прямыми спинками, причудливая серебряная и дубовая посуда - блюда, кружки поставцы - все это создавало определенный колорит старины. Сергеев ненадолго задержался здесь. Спросив у кельнера кружку пива, он с наслаждением выпил горьковатую влагу и хотел выйти во двор, но внутренняя дверь оказалась запертой.

- О нет, сегодня туда нельзя, - поспешил к Сергееву кельнер, - сегодня во дворе замка какая-то церемония, и с утра закрыты все входы, кроме главного. Церемония еще не началась. Попробуйте пройти через главный вход. Может быть, вас и пропустят.

Выйдя из ресторана, Олег Николаевич сразу же обратил внимание на то, что в левом углу призамковой площади стояло десятка полтора легковых автомобилей, а около стрельчатого входа, ведущего во внутренний двор замка, медленно прогуливались два офицера-эсэсовца в черных мундирах с белыми кантами. Сергеев направился прямо к ним.

Неожиданно рядом оказался маленький, юркий человечек, назвавший себя служащим администрации замка.

- Что нужно господину?

- Я хотел осмотреть замок, - ответил Сергеев.

- Это невозможно.

- Но ведь замок открыт для экскурсантов?

- Я хочу сказать, что это невозможно сделать сегодня. Через час ожидается приезд гауляйтера Коха, который от имени фюрера будет вручать золотые партийные значки некоторым генералам и офицерам, вернувшимся на днях из Франции.

- Очень жаль, - медленно проговорил Олег Николаевич. - Я иностранец, у меня очень мало времени. Я вряд ли сумею побывать здесь в другой раз.

- Ничего не могу поделать, развел руками человечек. - Но если у господина есть какие-либо вопросы, связанные с историей замка, с его прошлым, я охотно отвечу. Кстати, мы можем подойти поближе к входу, оттуда видна часть двора замка, и мне легче будет рассказывать.

- Прошу, если вас это не затруднит, - откликнулся Сергеев, протягивая несколько марок.

- Благодарю. Извольте посмотреть сюда. В восточной части двора, над рестораном и далее, вы видите здание судебных установлений. Так назывался раньше законодательный орган провинции. Эта стена заканчивается восьмиугольной башней «Хабертурм». Ворота Альбрехта, которые господин видит правее, названы в честь герцога Бранденбургского. Над аркой можно увидеть круглые герольдические щиты.

- А южная часть?

- На южной стороне - музеи. Там историко-краеведческий музей «Пруссия», музей изобразительных искусств, который называется «Художественные собрания Кенигсберга». Директор его - доктор Альфред Роде, весьма почтенный и уважаемый человек.

- Роде? Автор книги об янтаре?

- Господин не ошибся. Действительно, доктор Альфред Роде - крупнейший специалист по янтарию.

- Скажите, я не мог бы с ним познакомиться?

- Сейчас нет. Доктор отдыхает во Франции. Может быть, позже, если господин не покинет наш город.

- Жаль, но я уезжаю. Продолжайте, прошу вас.

- Здесь же расположена богатейшая библиотека старинных книг, ценные археологические материалы и гордость нашей провинции - коллекция янтаря



⁷ «Суд крови» (нем.).

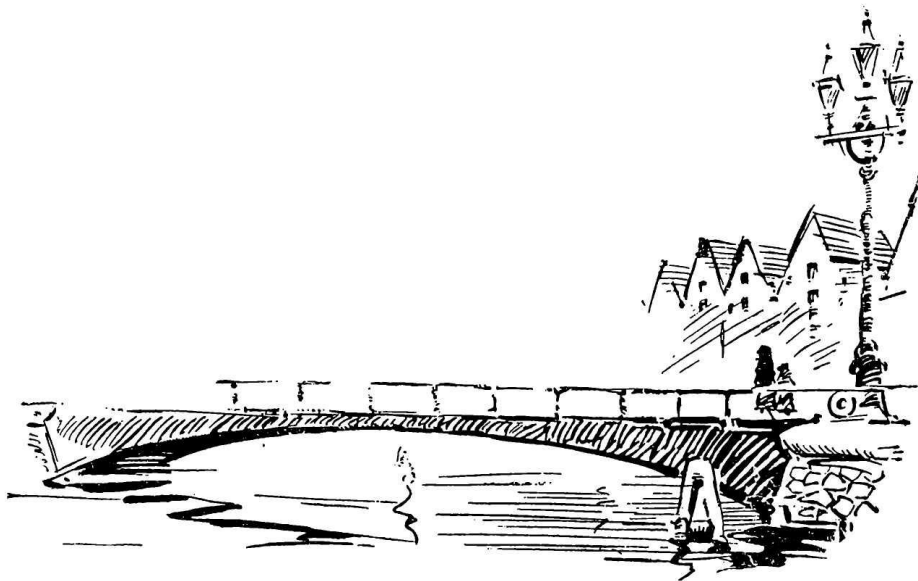
- Каков порядок их осмотра?

- О, довольно простой. Если господин придет в другой день, я смогу сопровождать его.

- Спасибо, постараюсь воспользоваться вашим приглашением. А сейчас расскажите мне, пожалуйста, о замке. Я слышал, что один из залов носит название Зала москвитов? Мне это интересно, как русскому.

На вопрос Сергеева человек ответил не сразу. Господин, очевидно, прочитал об этом в путеводителе. Но путеводитель издан полгода назад... Сейчас Зал москвитов переименовали в Знаменный зал. В нем проводятся наиболее важные заседания высших партийных руководителей. В этом зале недавно выступал сам доктор Геббельс. Но, с вашего разрешения, я продолжу свой рассказ. Западная часть здания - кирха и помещения, где хранятся коллекции старинного огнестрельного и холодного оружия. Башня, которую вы видите перед собой на южной стороне, достигает почти ста метров. Это самое высокое здание в городе.

Расставшись со своим случайным гидом, Сергеев спустился по увитой зеленью южной террасе к статуе Фридриха-Вильгельма I, вышел на мост Кремербрюке и вскоре очутился на острове Кнайпхоф.



Он уже знал, что это - деловой, коммерческий центр города. Именно здесь, да еще на улице Штайндамм, что спускалась сюда, вливаясь в площадь Кайзер-Вильгельм-плац, - именно здесь, а не в правительственном здании на Миттельтрагхайм, решались судьбы провинции и определялась ее политика, строилась ее экономика, культивировалась фашистская идеология. Именно здесь.

Олег Николаевич медленно прошел по улице Кнайпхоф-Ланггассе до следующего моста. Неподалеку высилось величественное здание биржи. «Ренессанс», - прикинул Сергеев, глядя на ряды колонн, тянувшихся вдоль боковых фасадов, на широкие ступени входа, охраняемого каменными львами со щитами в лапах, на сквозную галерею вдоль берега Прегеля.

Из биржи доносилась веселая музыка. Удивленный этим, Олег Николаевич поднялся по ступеням и спросил у привратника:

- Почему здесь веселятся? Ведь это же биржа?

- О да, вы не ошиблись, - ответил швейцар. - Но, видимо, вы впервые в нашем городе и еще не знаете, что в определенные дни недели здесь проводятся собрания, празднества, воскресные игры. Милости просим! Вы можете осмотреть собрание картин и редкостей, потанцевать. Не угодно ли?

Но в этот момент, заглушая доносившуюся из биржи музыку, раздались резкие звуки военного марша. Движение мгновенно остановилось, машины прижались к тротуару. Из-за поворота улицы показались музыканты, а за ними ряды одетых в коричневую форму людей.

- Гитлерюгенд идет! - крикнул швейцар и заспешил вниз, на тротуар. Сергеев последовал за ним.

Шли почти мальчики в коричневых рубашках с засученными рукавами. На левой руке у каждого - повязка со свастикой. Впереди колонны юнец нес высоко поднятый штандарт, на котором золотом блестели слова: «Германия да возродится!»

- Это наше будущее, будущее Германии! - надрывно выкрикнул стоявший рядом с Олегом Николаевичем толстый пожилой немец. На отвороте пиджака у него болтался потускневший от времени железный крест.

И вдруг прозвучал тихий, но отчетливый голос:

- Это начало конца Германии!

Толстяк застыл с открытым ртом, словно боясь повернуться, чтобы взглянуть на говорившего.

И только тут Олег Николаевич увидел позади себя двух мужчин, одетых в замасленные рабочие куртки. Суровые лица, плотно сжатые зубы лучше всяких слов передавали чувства, которые испытывали они, глядя на марширующих юнцов.

- Пойдем, Ганс, - проговорил наконец один из них, - а то этот жирный боров уже побежал искать полицейского. Сумасшедшие!

Сергеев понял, что это последнее слово относилось в равной степени и к тем, кто маршировал по улице, и к тем, кто, стоя на тротуаре, приветствовал гитлеровских молодчиков. С огромным трудом поборов желание броситься к этим незнакомым, чужим людям и по-братски обнять их, Олег Николаевич отошел немного в сторону и увидел, как через несколько минут прибежал запыхавшийся толстяк в сопровождении двух одетых в штатское людей. Но рабочих уже не было.

Пока до сумерек еще оставалось время, следовало побывать и в знаменитом соборе. Его громада виднелась над крышами домов, но Сергеев не спешил туда. Неторопливо шагая по узким старинным улочкам и переулкам острова, он прошелся по Домштрассе, Фляйшбенкенштрассе, осмотрел бывшую ратушу, в которой размещался теперь городской музей, и только тогда вышел к собору.

Собор заложен был в 1297 году как оборонительное сооружение. Но всемогущий гофмейстер Лютер Брауншвейгский повелел возвести здесь «дом господень», и к 1332 году строительство кафедрального собора было закончено. Громоздкое здание в староготическом стиле с асимметричным плоским фасадом, высокой правой башней, стрельчатыми арками входов стало теперь одной из главных достопримечательностей города. По традиции, начиная с 1701 года, прусские короли в коронационной кирхе дворца возлагали на себя корону, а здесь они завершали свой путь по «грешной земле»: в подвалах собора находились королевские усыпальницы. Все это Сергеев уже знал из путеводителя, из рассказов горожан.

Привратник в черной мантии с крестом на груди распахнул перед пришельцем резные двери.

Собор оказался пуст. Одинокая фигура Сергеева терялась в огромном зале с высоким потолком, шаги гулко отдавались под сводами. Прямо перед глазами, на дальней восточной стене, сверкал позолотой клирос со старинными каменными изображениями святых. Правее поднималась отделанная художественной резьбой каменная кафедра для проповедника.

В усыпальницу Сергеева не пустили, зато разрешили осмотреть Тауфкапеллу - место крещения, где посредине стояла огромная, похожая на вазу купель из серого песчаника. Он побывал в библиотеке, на первом этаже главной башни, а затем через узкий лаз вошел в северную башню и, поднявшись по винтовой лестнице, увидел город с пятидесятиметровой высоты.

Потом Олег Николаевич подошел к могиле Канта, который всю свою жизнь провел в Кенигсберге, никогда его не покидая. Воздвигнутый совсем недавно - в 1924 году - в ознаменование двухсотлетия со дня рождения философа, мавзолей с порфирными розовыми колоннами привлекал строгостью линий и горделивой простотой. Над каменным саркофагом была высечена лаконичная надпись: «Иммануил Кант (1724-1804 гг.)». Незатейливая металлическая решетка окружала могилу.

Вечерело. Но отправляться в гостиницу Олегу Николаевичу не хотелось, хотя «ноги у него гудели. Он сел в трамвай.

- Ярмарка! - громко объявил кондуктор. - Северный вокзал!

Олег Николаевич поспешил выйти.

Сгущалась вечерняя мгла, но на улицах зажглись огни и снова стало светло. Небольшая площадь перед Северным вокзалом казалась оживленной и людной, как днем. Посвистывали под мостом паровички, гремели радиорепродукторы.

Из серого четырехэтажного здания, расположенного левее вокзала, вышла группа людей в штатских костюмах. Они зашагали в ногу, будто в строю, громко переговариваясь. Прохожие уступали им дорогу. «Гестапо, гестапо», - услышал Сергеев шепот. Он посмотрел на дом, потом на следующий - желтый, с башенками наверху.

- Что там? - спросил он прохожего, указывая на желтое здание.

- Полицайпрезидиум, - недовольно буркнул тот, подозрительно взглянув на Олега Николаевича.

Сергееву стало не по себе. Он решил не обращаться больше с расспросами, удовлетворяясь сведениями, почерпнутыми из путеводителя.

Кстати, настала пора вернуться «домой», поужинать и уснуть, чтобы завтра спозаранку снова побродить по городу, а потом усесться за книги до обеденного часа.

Однако в этот вечер суждено было произойти еще одному событию, которое не только взволновало, но и возмутило Сергеева. Олег Николаевич, собираясь поужинать у себя в номере, зашел в залитый электрическим светом небольшой продовольственный магазин. Покупателей в нем почти не было, и продавец сразу же устремился к Сергееву.

- Вы хотите взять себе что-нибудь на ужин? - угадав желание посетителя, проговорил продавец. - Могу предложить вам этот чудесный сыр. Мы получили его только что из Дании. Рекомендую эти великолепные бельгийские шпроты. Кроме того, у нас богатейший выбор французских вин. После великих побед нашего славного оружия товары текут к нам рекой, текут без пошрины. В нашем магазине есть все!

- Нет, не все!

Эти слова принадлежали высокому немцу, стоявшему рядом с прилавком.

- На наших полках нет украинского сала, русской икры, грузинского винограда. - И верзила захохотал во все горло.

Олег Николаевич почувствовал, как кулаки его невольно сжались, как напряглись мускулы всего тела. С каким бы наслаждением свалил он этого наглого арийца!

«Спокойно», - скомандовал самому себе Сергеев. Когда немец перестал хохотать, Олег Николаевич медленно, отчетливо произнес:

- История знала многих охотников до украинского сала и русской икры. В тысяча девятьсот девятнадцатом году они еще сумели унести ноги. Но если, забыв печальный урок, пойдут снова, то им может не представиться больше такой счастливый случай.

- Я не знаю, кто вы, - надменно ответил немец, - да мне, собственно говоря, на это в высшей степени наплевать. Судя по произношению, вы иностранец, а следовательно, многого не в состоянии понять. Поэтому слушайте и запоминайте то, что скажу вам я, Густав Ренке, член национал-социалистской партии Германии, верный солдат фюрера! Мы сейчас сильны, как никогда, и нет такой преграды, которая бы помешала нашему движению. Мир уже лежит у наших ног. Осталось протянуть руку, чтобы взять его.

Потом, вспоминая этот случай, Олег Николаевич никак не мог понять, каким образом ему удалось сохранить самообладание. Глядя в упор на фашиста, он громко, так, что на его голос обернулись немногочисленные покупатели, сказал:

- Если рука протянется, она будет отрублена, а вместе с ней полетит и голова протянувшего руку. Это говорю вам я, Олег Сергеев, член Всесоюзной Коммунистической партии большевиков! - И, резко повернувшись, вышел из магазина.

* * *

Сергеев очнулся от воспоминаний.

- Осторожнее, не споткнитесь! Прошу направо. Теперь уже скоро, - обнадежил попутчик. Сзади нарастал стрекот мотоцикла и пробивался сквозь развалины свет фары. - Теперь уже скоро.

Они свернули в переулок.

- Может быть, закурим? - предложил проводник.

- Не возражаю.

Сергеев достал сигарету, протянул портсигар спутнику и склонился над сложенными ковшиком ладонями, чтобы прикурить.

От тяжелого удара сознание помутилось мгновенно. Не успев даже вскрикнуть, Олег Николаевич медленно опустился на грудь щебня. Быстрые руки пробежали по карманам пальто. Потом - или ему только померещилось это? - Сергеева подняли на руки и понесли. А затем густая, липкая, непроглядная тьма окутала его.

3

Начальник управления государственной безопасности принимал ежедневный доклад помощника. Высокий майор, стоя у письменного стола, держал на одной ладони раскрытую папку, а пальцами другой руки проворно поворачивал листы, коротко и четко сообщая генералу о важнейших событиях за сутки. Наконец, закрыв папку, он умолк.

- Все?

- К сожалению, нет, товарищ генерал. Видимо, предстоит запутанное дело. Искусствовед Сергеев...

- Из Ленинграда? - перебил генерал.

- Да. Вчера он прибыл, как и было условлено, московским поездом. Встречать полагалось работнику гражданского управления Соломатину. Он опоздал на несколько минут. Помчался вдогонку. Заметил впереди две фигуры, но пешеходы тут же свернули в переулок и сразу исчезли. Соломатин забеспокоился. Стал осматривать местность, обнаружил носовой платок, а поодаль - вот...

Майор протянул помятую фотокарточку. На ней был изображен Сергеев, стоящий возле развалин Екатерининского дворца.

- Все? - снова спросил генерал.

- Да, все. Обнаружить Сергеева не удалось.

Начальник управления внимательно рассматривал фото.

- Странно. Почему Сергееву пришло в голову фотографироваться таким расстроенным? Видите? Вероятнее всего, снимок сделан без его ведома и вряд ли принадлежал самому Сергееву. Очевидно, его обронил тот, другой.

- Я тоже так думаю.

- Хорошо. Сергеева нужно искать. И найти во что бы то ни стало. А главное, надо искать тех, кто заинтересовался им. Вы отлично понимаете, что сделано это неспроста...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ТАЙНА ОСТАЕТСЯ ТАЙНОЙ

1

Разбирая утреннюю почту, профессор Барсов обнаружил странный зеленоватый конверт с несуразной надписью: «Герр оберст профессор фон Барсов»⁸ и штемпелем - 16 декабря 1945 года.

⁸ Господину полковнику профессору фон Барсову (нем.).

Усмехнувшись над аристократической приставкой «фон», сделанной неведомым корреспондентом, профессор с привычной аккуратностью вскрыл конверт костяным ножом и развернул лист лощеной бумаги.

Немецкий врач почтительно извещал о смерти доктора Альфреда-Карла-Готлиба Роде и его супруги Анны-Гертруды, последовавшей в результате острой дизентерии.

2

В помещении, где разместилась привезенная в Кенигсберг янтарная комната, Роде проводил почти круглые сутки.

Он собственноручно, никому не доверяя, осторожно вскрывал длинные ящики и, едва сдерживая нетерпение, вынимал драгоценные детали. Он пробегал по ним тонкими, как у музыканта, пальцами, проверяя, нет ли на янтаре хотя бы малейших царапин, зазубрин, щербинок. Роде довольно улыбался: что и говорить, солдаты выполнили приказ на совесть! Положив деталь на приготовленную заранее подушку, доктор принимался за осмотр следующей.

Дни бежали за днями. Роде систематизировал детали панно, раскладывал их на полу, прикидывая, как все это разместить в новом помещении, вычерчивал планы, запершись в дальней комнате замка.

Но вскоре доктору пришлось оторваться от захватившего его занятия.

В Кенигсберг прибыли экспонаты из минского музея, доставленные сюда по приказу рейхскомиссара оккупированной Украины Эриха Коха, власть которого распространялась и на Белоруссию.

Эрих Кох считал себя знатоком и ценителем искусства. Любовь к прекрасному выражалась у него весьма своеобразно: гауляйтер грабил все, что мог; в его руках оказались огромные культурные ценности. Только коллекции Германа Геринга могли соперничать с теми, что выкрал Эрих Кох. Часть награбленных экспонатов рейхскомиссар передавал германским музеям: даже его многочисленные усадьбы и дачи не могли вместить всех сокровищ. Так в королевском замке и оказались многие экспонаты из Минска: картины кисти русских живописцев восемнадцатого века, произведения советских художников, старинная мебель и коллекции русского и берлинского фарфора.

Все это богатство необходимо было разместить в залах и подготовить к экспозиции. Роде пришлось на время оставить янтарную комнату.

Кое-как разделившись с минскими экспонатами, доктор снова приступил к любимому делу.

И наконец настал день; о котором давно мечтал ученый. Роде выбрал зал на третьем этаже южного крыла замка. Единственное окно выходило в сторону Прегеля. Это показалось Роде очень удобным. Комната, по его мнению, находилась в относительной безопасности. Здесь, под руководством и наблюдением Роде, специалисты начали монтировать янтарные панно. Доктор и радовался и досадовал одновременно: часть деталей при перевозке утеряли, пришлось восстанавливать их по фотографиям. Восстановлением занимались не слишком умелые мастера, получалось значительно хуже, чем хотелось бы.

- Олухи! Солдафоны! - негодовал Роде. - В Царском Селе остались зеркальные пиллястры, резные золоченые фигуры. Их по снимкам не воспроизведешь!

И в самом деле, пришлось обойтись без пиллястр и резьбы. Комната выглядела значительно беднее, чем в Екатерининском дворце. Но даже в таком виде красота ее была необычайна. Роде приходил в нее каждое утро и вечером, покидая музей, не забывал заглянуть сюда.

И снова радость переплеталась с огорчениями: власти запретили демонстрировать янтарный кабинет горожанам. Только летом 1943 года в газете «Кенигсбергерцайтунг» появилось сообщение о том, что в королевском замке создана новая экспозиция. Избранных допустили к ее осмотру, а Роде получил разрешение опубликовать в берлинском искусствоведческом журнале «Пантеон» специальную статью. В ту пору он готовил к переизданию свою книгу «Янтарь» и дополнил ее новой главой с подробным описанием янтарного кабинета.

Впрочем, вскоре доктору вновь пришлось отложить дорогое сердцу занятие. В замок доставили, украденные на сей раз из харьковского музея, экспонаты: картины западных художников и русских живописцев XIX века, коллекцию икон. Хлопот у Роде прибавилось, следовало разместить картины в залах, подготовить к демонстрации. Делал это доктор без удовольствия. Если янтарной комнате он радовался, как только может радоваться человек, осуществивший давнюю, почти несбыточную мечту, то новые приобретения вызывали в нем какое-то смутное беспокойство. Доктор старался поскорее разделаться со всеми заботами и при первой возможности возвращался в янтарную комнату.

Тут и произошло событие, которое помогло Роде прояснить то смутное чувство беспокойства, какое он испытывал в последнее время. Ветреным декабрьским днем во двор замка въехали грузовики, груженные ящиками с новой надписью «Киев-Кенигсберг». А вскоре в замке появился и новый человек - невысокого роста худощавая немолодая женщина, в добротном пальто и сером шерстяном платке на голове, никак не гармонирувавшем со всем ее видом. Это несоответствие и было первым впечатлением от вновь прибывшей. Приезжую сопровождала старуха с большим родимым пятном во всю щеку.

- Научный работник Ангелина Павловна Руденко, - представилась женщина. - Фонды Русского и Западного музеев Киева и коллекции икон из Киево-Печерской лавры, - показала она рукой на ящики, сложенные грудой во дворе.

Доктор Роде сухо и церемонно поклонился. Он сохранял, казалось, полное бесстрашие, только глаза его на секунду изучающе остановились на лице Ангелины Павловны. Но женщина смотрела куда-то в сторону и, по-видимому, не замечала обращенного на нее взгляда. Это было второе впечатление,

оставшееся у доктора Роде от встречи с этой женщиной. У нее были странные глаза, вернее странный взгляд - немного косящий, направленный куда-то в сторону.

Вот тогда-то, слушая, как Руденко на чистом немецком языке перечисляет содержимое ящиков, доктор Роде понял, почему ему так неприятны были привезенные из России экспонаты, казалось бы обогащавшие художественное собрание королевского замка. Он никогда не был любителем чужого. И русская женщина, которая доставила ценности, внушала ему антипатию. Однако по неписаным, но привитым с детства правилам благовоспитанности Роде старался скрыть неприязнь и оказывал приезжей все знаки внимания. Он даже водил ее по замку и демонстрировал свои художественные собрания. Доктору Роде пришлось отдать должное осведомленности, знаниям и заинтересованности Ангелины Павловны. Только янтарную комнату Роде упорно скрывал от нового научного сотрудника. Стоило ей заговорить о его увлечениях янтарем, как доктор становился замкнутым, сдержанным и поспешно переводил беседу на другую тему. Но однажды Роде не выдержал и дал Руденко свою книгу о янтаре. А следующим этапом была янтарная комната. Руденко выразила такое восхищение книгой, так заинтересовалась подробностями, что Роде не устоял. Неожиданно для самого себя он пообещал Руденко показать ей такое, что необыкновенно поразит ее.

Ангелина Павловна, конечно, немедленно выразила согласие, и доктор Роде повел ее на третий этаж южного крыла замка. Тяжелая дверь открылась, и Руденко застыла на пороге.

- Это же янтарная комната! - тихо произнесла Руденко. - Я видела ее в Пушкине. Однако там...

- Вы хотите сказать, что там еще были пиястры, зеркала и редкой красоты резные украшения? - спросил Роде. - Это осталось там, в России, воспроизвести их невозможно.

Ящики, доставленные Руденко, не стали распаковывать. В замке уже не хватало места для хранения ценностей, похищенных по приказанию имперского министра Розенберга и гауляйтера Эриха Коха.

Несколько дней девяносто восемь ящиков с картинами и ценнейшими собраниями икон лежали во дворе. Потом их куда-то увезли, а вместе с ними уехала и Руденко.

3

Два года прошло с тех пор, как осуществилась заветная мечта Роде - он «владел» янтарной комнатой. Но привыкнуть к этому доктор все еще не мог. Он жил в своем заколдованном мире, не зная, что происходит вокруг. А между тем в мире многое изменилось. Изменилось и положение на фронтах. Победам германской армии пришел конец.

Было раннее утро 30 августа 1944 года. Один из английских военных аэродромов, как обычно, жил напряженной и лихорадочной жизнью. Техники расчехляли моторы, проверяли исправность приборов, бензовозы сновали взад и вперед по зеленому полю, в санитарной части укомплектовывали аптечки, в офицерской столовой готовили усиленный завтрак.

Тем временем летчики лежали группками на притоптанной чахлой траве, дымили трубками, хотя это и категорически запрещалось на поле в обычные дни. Но накануне полетов им разрешалось почти все - им, кого считали национальными героями Великобритании.

Расстегнув кожаную куртку на молниях и сбросив наземь планшет, командир эскадрильи Генри Джонсон вытянулся во весь рост и задумчиво посмотрел в голубое, казавшееся мирным небо.

- А известно ли вам, Билли, куда мы летим сегодня? - спросил он второго пилота, беспечно уплетавшего бутерброд.

- Разумеется. Стукнем по Кенигсбергу. Достанется сегодня этой берлоге! Шутка сказать - триста пятьдесят тяжелых бомбардировщиков! От казарм и заводов не останется и следа, я думаю!

- Вы еще молоды и, простите меня, глупы, Билли. Сколько вам лет?

- Не так мало, Генри, как вам кажется: двадцать шесть.

- О, это ерунда! Мне тридцать четыре, но я старше вас на столетие. Я пережил Пирл-Харбор. Я был в Африке. Я попадал под разрывы этих чертовых «фау-два», придуманных немцами! И сейчас я скажу вам такое, отчего ваша ветчина превратится в горчицу. Отложите свой сэндвич, пока не поздно. Ну?

Билл заинтересованно посмотрел на командира, ожидая каверзы. Но тот оставался серьезным.

- Слушайте, мой юный и наивный друг: сегодня заводы и казармы Кенигсберга, судьбу которых вы предрешили здесь со свойственным вам пылом, останутся почти невредимыми. Или совсем невредимыми.

- Как? Вы получили приказ об отмене полета?

- Нет. Вылет состоится. Но бомбы мы сбросим вот сюда.

Джонсон потянулся за планшетом, сел и положил на колени покрытую желтоватым целлулоидом карту.

- Видите? Вот что мы будем бомбить сегодня: центр города. Здесь, насколько мне известно, - правительственные здания, университет, оперный театр, музеи в королевском замке и дома - жилые дома, здесь больницы и дачи, библиотеки и отели. Ясно вам, юноша?

Уэбб вскочил на ноги.

- Вы говорите правду, Генри? Если это шутка, - она слишком жестока!

Зеленая ракета взвилась в воздух.

- Видите сигнал? К машинам! - крикнул Джонсон, поднимаясь и застегивая куртку. - К сожалению, все это не шутка, Билл. Русские - славные парни, я знаю, но они слишком торопятся вперед. А кое-кому у нас

в Англии не по нутру это. Да и разделить с ними лавры победы вряд ли согласятся наши генералы. Вот поэтому мы и летим с вами сегодня. Не советую делиться своими мыслями по этому поводу ни с кем. Мы принимали присягу, и наш долг - служить королеве.

Эскадрильи бомбардировщиков шли на большой высоте. Линию фронта удалось пройти благополучно, только один самолет потерял высоту и тут же, попав под заградительный огонь, клюнул носом и пошел вниз, оставляя за собой черный шлейф. Остальные выровняли строй и, рокоча моторами, строго выдерживали заданный курс.

Вдали показалась вытянутая с запада на восток коричнево-зеленая полоса.

- Приготовиться! Кенигсберг! - раздалось в наушниках шлемофона. - Идем на снижение!

Командир эскадрильи Джонсон прикоснулся рукой к грудному карману куртки. Там - он словно видел ее воочию - лежала небольшая фотокарточка: жена и крохотная Джен - в белых кудряшках, со смешной куклой в руках, беззаботная и розовощекая. Сколько таких Джен прячутся сейчас со своими матерями в темных подвалах и бомбоубежищах, прижимая к груди своих кукол! Джонсон резко встряхнул головой. Сейчас не время думать об этом. У командира должны быть холодный ум и стальная воля...

- Приготовиться к бомбометанию! - отрывисто приказал он. - Квадрат 44-22. Внимание!

В зеркальце, укрепленном спереди, он видел, как побледнел второй штурман. Наверное, этот мальчишка Узбб успел все-таки проболтаться. Впрочем, это неважно, все неважно.

- Внимание! - повторил командир. - Ап!

Второй штурман нажал кнопку. Джонсон представил себе, как внизу, под брюхом самолета, открылись люки и тяжелые туши фугасок ринулись вниз. Он выглянул в окошечко. Вот они: каплевидные, тупорылые, черные, летят, будто торопятся обогнать друг друга. Доли секунды. Сейчас начнутся взрывы.

Второй пилот перевел рукоятки. Самолет развернулся на обратный курс. Звук взрывов они не услышали. Но черные клубы поднимались теперь там и сям, застилая обзор.

Джонсон вытер ладонью пот. Стало жарко. Стало очень пусто на душе.

«Командиру авиационного корпуса сэру Митчелу Стэнбоку от командира Н-ской авиационной дивизии. Рапорт. Боевое задание по бомбардировке Кенигсберга выполнено успешно. Потери - три машины. Экипажи погибли».

«Повелением Ее Королевского Величества за успешное выполнение боевого приказа 30 августа сего года награждаются орденом Бани летчики Френсис У. Арвид, Валлентайн С. Андерсен, Генри Б. Джонсон...»

«Как стало известно корреспонденту, близкому к хорошо информированным кругам, вчера наша авиация повторила крупный налет на Кенигсберг, по масштабам значительно превосходящий налет 30 августа. В результате бомбардировок 30 августа и 2 сентября полностью разрушена центральная часть города. По агентурным данным, потери населения составляют 25 тысяч человек».

4

30 августа 1944 года Роде, как обычно, приехал на работу утром. Он прошел в янтарный кабинет и присел на стул, чтобы полюбоваться переливами чудесного камня в первых лучах летнего солнца.

В дверь торопливо застучали:

- Господин доктор, господин доктор, самолеты! Скорее в укрытие!

Роде распахнул дверь.

- Я останусь здесь. На всякий случай.

- Я тоже, - отозвался неизменный спутник доктора Хенкензифкен, - я тоже останусь.

Оглушительный свист прервал разговор. Земля дрогнула и, казалось, опрокинулась. Со звоном полетели стекла. Сразу запахло удушливой гарью.

- Пожар! - истошно крикнул кто-то.

- Пожар! - повторило сразу несколько голосов.

Взрыв повторился. За ним последовал второй, третий...

В замок начал просачиваться густой сизый дым. Через окно в конце коридора видно было, как пламя, словно огромная вспугнутая красная птица, бьется в противоположных окнах замка. Хенкензифкен метался по комнате.

- Доктор, боковая лестница... мы еще выберемся!

- Я никуда не пойду, - с каким-то ему самому непонятным спокойствием и упрямством повторял Роде.

Подоспела команда ПВО. Доктора удалось увести по боковой лестнице вниз, а солдаты принялись за работу.

Когда через некоторое время Роде снова поднялся наверх, пожар уже ликвидировали. Но стены были так обезображены, что доктор ужаснулся.

- Майн готт!⁹ - воскликнул он. - Еще два таких налета, и от всего этого останется гряда кирпичей!

Но янтарная комната почти не пострадала, что очень утешило Роде. Он провел бессонную ночь, тщательно исследуя следы повреждений. Утром, даже не побывав дома и не переодевшись, Роде сел за донесение в Берлин тайному советнику Циммерману:

⁹ Боже мой! (нем.)

«Несмотря на значительные разрушения, благодаря усиленным мерам противовоздушной защиты «Художественные собрания» в основном уцелели. Янтарная комната осталась неповрежденной, кроме шести цокольных пластинок...»

В этот день доктору Альфреду Роде так и не пришлось побывать дома и привести себя в порядок. Доктор получил приказ городской управы: немедленно демонтировать янтарный кабинет.

Худой, сутулый, с плотно сжатыми тонкими губами, с красными от бессонницы и напряжения глазами, Роде почти трое суток не отходил от ящиков, в которые снова укладывали знаменитые янтарные панно. Ящики Роде распорядился оставить во дворе замка, прямо под открытым небом - так, считал он, будет безопаснее при бомбардировках.

Предосторожности оказались не напрасными. Налет английской авиации повторился с новой силой. От Южного вокзала до Северного квартала были полностью разрушены. Сгорело здание университета, превратился в прах оперный театр. Серьезные повреждения получил кафедральный собор. Снова досталось и замку: прямые попадания бомб крупного калибра причинили ему немало разрушений. Некоторые помещения были сожжены дотла.

Наверное, каждому доводилось наблюдать, как мечется кошка с котятками, стараясь укрыть их от опасности. Она то положит их на одно место, то начинает перетаскивать на другое, потом снова берет каждого за загривок и тащит еще куда-то.

Роде поступал так же - почти инстинктивно, почти не рассуждая. Он потерял голову от страха за «свои» сокровища.

Новым местом для хранения янтарных панно доктор выбрал помещение в подвале северного крыла замка, под рестораном «Блютгерихт».

Но и оно показалось ему ненадежным. Роде принялся лихорадочно искать выход из положения.

«Князю Александру цу Дона, замок Шлобиттен, - писал доктор. - Покорнейше прошу позволения разместить в Вашем замке некоторые наиболее ценные экспонаты янтарного музея и «Художественных собраний Кенигсберга».

Пять дней Роде с нетерпением ждал ответа. Одиннадцатого сентября его посетил личный секретарь князя.

- Князь цу Дона приносит доктору свои извинения, - с подчеркнутой вежливостью произнес вышколенный секретарь. - К сожалению, его скромное имение никак не может служить столь ответственным целям.

- Прошу передать князю мои глубокие извинения за беспокойство, - в том же тоне ответил Роде. И, едва закрылась дверь, стукнул кулаком по столу. - Трусит, подло трусит! Еще бы - русские того и гляди очутятся здесь!

Через месяц Роде побывал у графа фон Шверин в имении Вильденгоф. Граф оказался сговорчивее, возможно потому, что в его замке уже находилась Руденко со своими коллекциями. Туда же перекочевали некоторые картины из кенигсбергского музея.

- Может быть, и янтарный кабинет следует поместить в Вильденгоф? - вслух рассуждал доктор, меряя шагами кабинет. - Впрочем, слишком большое количество ценностей там сосредоточивать не годится. Нет, надо поискать еще.

Тем временем янтарные панно упаковали, подготовив к перевозке. Об этом Роде доносил 21 октября некоему Лау. А затем неутомимый доктор исчез из города. Только после его возвращения сотрудники узнали: директор музея успел побывать в Саксонии.

В середине декабря он отправил очередное донесение:

«Его Превосходительству доктору Виль, обер-бургомистру Кенигсберга. Имею честь доложить, что

мною осмотрены замки Вексельбург и Бург-Крипштайн в Саксонии, которые сочтены подходящими для размещения в них музейных ценностей и, в первую очередь, янтарного кабинета, представляющего собою уникальное сокровище».

Обер-бургомистр не ответил. Ему было теперь не до янтарной комнаты.

5

Фронт неумолимо приближался к Кенигсбергу.

- Хорошо, что наша Эльза вовремя вышла замуж и уехала! Может быть, туда не доберутся эти русские, - сказал однажды Альфред Роде жене. - Мне кажется, Гертруда... прикрой, пожалуйста, дверь и присядь поближе, - мне кажется, что дело пахнет концом. Да-да, не смотри на меня так, дорогая, надо трезво оценивать обстановку.

Роде прислушался. За окном стояла тишина.

- Вот что говорит Геббельс. Его речь на митинге национал-социалистской партии в Берлине.

Доктор развернул «Кенигсбергерцайтунг» и негромко прочитал:

- «Братья, друзья! Большевики, собрав свои силы, на отдельных участках сумели прорвать нашу стойкую оборону и кое-где вступили на священную землю фатерланда! Это не должно обескураживать нас. Каждый немец понимает, что война немислима без временных неудач, которые рано или поздно ликвидируются сильнейшим. Сильнейшей стороной являемся мы - это бесспорно...» - Да, тут идет обычная пропагандистская истерия. Гм, посмотрим дальше. Вот: - «Чтобы оказать наиболее действенное сопротивление русским, фюрер призывает нас создать новую, еще невиданную ранее организацию для

борьбы с противником на временно оккупированной им территории. Это будет «вервольф». Волк-оборотень, персонаж из милой нашему сердцу детской сказки, оживает, чтобы показать большевикам свои стальные зубы!

Отдадим свои сбережения и силы для создания тайных складов оружия и продовольствия. Волк-оборотень должен быть сытым, сильным и вооруженным до зубов!

Друзья! «Фольксштурм», «вервольф», новое оружие и фюрер - вот что спасет отечество!

Наша победа неизбежна!»

За окном тихо прошуршала машина. Анна-Гертруда осторожно приподняла штору. Напротив, у дома тайного советника Шульмайстера, суетились люди.

- Смотри, Альфред, еще один удирает! А мы по-прежнему сидим и ждем. Чего мы ждем, Альфред?

- Да, они удирают. Но мы останемся здесь. Мы останемся здесь, пока существует музей, пока цело то собрание, которому я отдал всю свою жизнь. И ты не вправе требовать от меня, чтобы я покинул город!

Долгие годы гитлеризма научили Роде осторожности. Даже жене он не сказал правды.

А правда была такова. Как только доктор вернулся из Саксонии, его вызвали в гестапо. С ужасом и содроганием поднимался Роде по низким широким ступеням серого дома на Адольф-Гитлер-плац. Пропуска не потребовали: видно, никто не приходил сюда по доброй воле. Только мрачный офицер встретил ученого за стеклянной дверью вестибюля и, не предложив раздеться, коротко сказал:

- Доктор Роде? Следуйте за мной.

Роде послушно шел по темным, сумрачным коридорам. Ему вспомнились слышанные когда-то от друзей рассказы о таинственных подземельях этого здания. Он совершенно точно знал, что никаких трехэтажных подземелий здесь нет, что все эти басни раздуты чьим-то большим воображением. Но не менее точно Роде знал и другое: камер пыток здесь достаточно. Отсюда редко возвращаются.

Доктор пожалел, что скрыл вызов от жены и не попрощался с ней.

Роде ввели в длинный полутемный кабинет без мебели. Лишь в дальнем углу стоял письменный стол, похожий на катафалк.

Провожатый ушел, оставив доктора одного. Роде пугливо озирался, не зная, можно ли сесть, закурить, не зная, что его ждет здесь.

Потайная дверь отворилась бесшумно. Шагов Роде тоже не услышал. И только когда хозяин кабинета вырос за столом, Роде, увидев его, вздрогнул от неожиданности.

- Садитесь, доктор Роде. - Голос гестаповца показался перепуганному ученому почти приветливым. - Разговор будет недолгим. Нам поручено предупредить вас о персональной ответственности, которую вы несете за судьбу экспонатов янтарного музея и, в частности, янтарного кабинета. Поэтому вы обязаны либо принять меры по их эвакуации, либо, если она окажется совершенно невозможной, укрыть ценности с полной гарантией их сохранности. Эвакуация предпочтительнее. Вы меня поняли?

- Да.

- Вам запрещается покидать Кенигсберг до вывоза экспонатов. В случае их захоронения в городе вы остаетесь при любых обстоятельствах и отвечаете за сохранение тайны. Понятно и это?

- Да, - ответил Роде.

- Отлично. До свидания, доктор. Надеюсь, вы хорошо запомнили все.

Да, Роде все это хорошо запомнил.

- Они уносят ноги, - задумчиво сказал доктор, глядя в окно. - Отовсюду: из Кенигсберга, Тильзита, Гумбинена, Инстербурга... Я видел на дорогах машины разных марок. Они идут и идут. Что ж, они правы. Русские не пощадят тех, кто затеял эту войну.

- Они не пощадят и тебя, Альфред!

- Меня? Что я для них? Простой работник музея, никогда не интересовавшийся политикой.

- А русские ценности? А янтарный кабинет? Ты забыл о нем, Альфред.

- Нет, разумеется. Но в чем моя вина? В том, что я бережно храню эти сокровища? Спи спокойно, дорогая. Если снаряды пощадят нас, ничего не случится. Все будет в порядке.

6

- Все в порядке, - сказал жене доктор Гёрте. - Два-три дня, - и мы будем во Франкфурте.

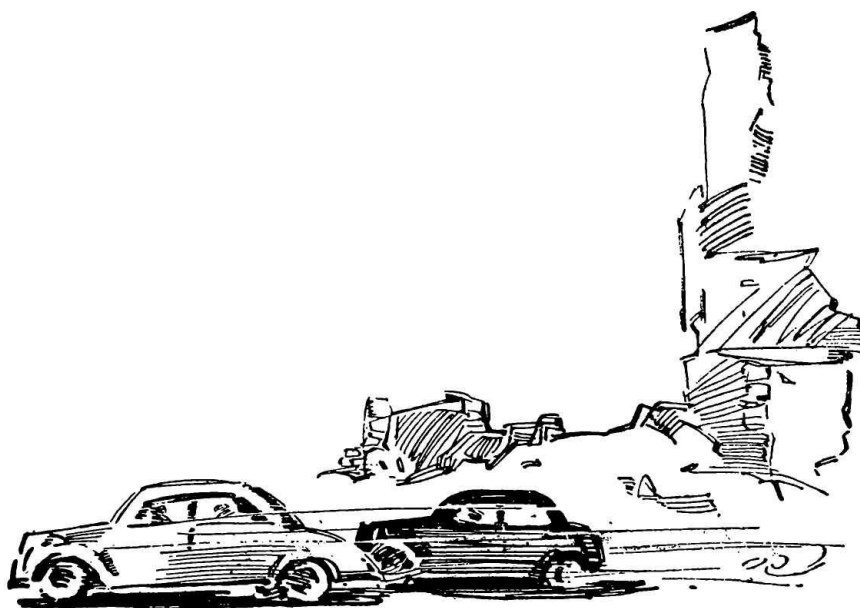
Через час директор исторического музея «Пруссия» доктор Гёрте гнал свой «оппель» по автостраде. На заднем сиденье придерживала обеими руками чемодан фрау Гёрте.

- О, эти славяне! - сквозь зубы бормотал беглец. - Я всегда говорил, что это дикари и варвары.

Да, он говорил это, доктор Гёрте. Он высокомерно хвастал своей дружбой с имперским министром пропаганды Иозефом Геббельсом. Гёрте так и называл его: «Мой друг Иозеф». Он никогда не упускал случая, чтобы напомнить о посещении музея заместителем фюрера Гессом. Он с удовольствием вспоминал, как рейхсмаршал Геринг, по дороге к одной из своих многочисленных охотничьих вилл «Герман Геринг ягдтшлосс», заезжал со своей свитой в ресторан «Блютгерихт», где его подобострастно встречал тот же Гёрте.

Но все это уже в прошлом. А сейчас доктор Гёрте мчался по ночным дорогам, склонившись к рулю, мчался без остановок и отдыха, чтобы поскорее удрать от русских.

И, наверное, он уносил с собою немало сведений об янтарной комнате - директор музея «Пруссия» был в курсе многих дел, творившихся в королевском замке.



Гёрте мчался по автостраде. Обгоняя его, идя вровень и отставая, по шоссе двигались десятки, сотни машин разных марок, фасонов, размеров. Они держали путь на запад.

Туда же держали курс и перегруженные суда. Подняв якоря в Кенигсбергском порту, накренившись набок от неравномерной нагрузки, корабли спешили миновать морской канал, порт Пиллау и выйти в Балтийское море. Туман, этот извечный враг судоходства, стал теперь союзником беглецов. Только он да еще темные ночи могли уберечь гитлеровцев от гибели на море.

А в Кенигсберге на главном - Южном - вокзале сотни обезумевших от страха людей штурмом брали вагоны поездов. Переполненные до предела составы тоже тянулись на запад.

7

Только доктор Роде никуда не спешил. Его энергия была направлена совсем на другое. Он лихорадочно искал пути спасения музейных ценностей.

Это ему плохо удавалось.

- Начальство занято своими собственными делами, все отмахиваются, и никто не хочет помочь, - говорил Роде, ища сочувствия у сотрудников музея.

Вероятно, эти разговоры дошли наконец до доктора Фризена - провинциального хранителя памятников Восточной Пруссии. В начале января он пригласил к себе Роде и отдал распоряжение об упаковке янтарной комнаты в ящики, приспособленные к дальней перевозке.

12 января 1945 года Роде доносил городскому управлению культуры:

«Я упаковываю янтарный кабинет в ящики и контейнеры. Как только это будет выполнено, по распоряжению хранителя памятников панели будут эвакуированы в Саксонию, в Вексельбург, что у Рохлица».

В эти дни во дворе замка лежали двадцать семь деревянных ящиков. Возле них громоздились подушки, перины, ватные одеяла.

Десять рабочих и служащих музея под наблюдением закутанного в меховую пелерину Роде бережно выносили из бункера под рестораном «Блютгерихт» детали панно янтарной комнаты. 20-30 метров отделяли вход в подвалы от ящиков, но это расстояние преодолевали черепашьими шагами. Стоило кому-нибудь зашагать чуть быстрее, как Роде вскрикивал:

- Осторожнее! Это не глиняные горшки!

Панно укладывали в ящики, на подстеленные перины, тщательно укрывали сверху подушками и ватными одеялами. Потом ящики заколачивали с величайшими предосторожностями.

15 января, когда янтарную комнату приготовили к отправке, советские войска перерезали все основные железнодорожные пути от Кенигсберга на запад и юг, окружив крупную группировку противника в Восточной Пруссии.

Теперь оставался только воздушный транспорт, весьма опасный в этой сложной обстановке, да некоторая возможность прорваться на кораблях из порта Пиллау.

Роде побоялся использовать эти пути для эвакуации янтарной комнаты.

Она по-прежнему оставалась в замке, где теперь дневал и ночевал изнемогавший под тяжестью возложенной на него ответственности доктор Альфред Роде.

Так прошло полтора месяца.

8

4 марта 1945 года в Кенигсбергском замке неожиданно появился Эрих Кох.

В сопровождении чинов личной охраны и нескольких особо доверенных лиц гауляйтер обошел наспех приведенные в порядок помещения, время от времени задавая отрывистые вопросы и бросая короткие распоряжения. В них сквозила та нервная, подчеркнутая властность, которая обычно служит лишь маскировкой растерянности и страха.

Кох остановился в зале, где некогда был янтарный музей.

- Янтарный кабинет? Где? - бросил он через плечо.

Вперед тотчас выдвинулись Фризен и Роде. Оба молчали, преданно глядя на прославленного своей жестокостью и необузданным нравом гауляйтера.

- Господин гауляйтер спрашивает, где янтарный кабинет, - тихо и в то же время так, чтобы слышал и оценил его усердие «сам» Кох, повторил один из адъютантов.

- Янтарный кабинет здесь, в подвалах, господин гауляйтер, - почти шепотом, привстав почему-то на цыпочки, ответил Фризен.

- Не вывезен? Вы будете отвечать за это перед фюрером! - Кох ударил стеком по лакированному сапогу. - Вы понимаете, чем это вам грозит?

Фризен вытянулся еще старательнее при упоминании имени фюрера и по-прежнему глядел на Коха, как новобранец на разгневанного генерала, - глазами полными ужаса, мольбы и безрассудного повинования.

- Безобразия! - выкрикнул Кох. - Надо принимать меры!

Он сделал повелительный жест, приказывая оставить помещение. Когда все послушно двинулись к выходу, гауляйтер окликнул Фризена и Роде.

Никто так и не узнал, о чем совещались Кох и два доктора искусствоведения. Все трое умели хранить тайну. Роде об этой беседе никому не говорил.

Однако 5 апреля детали янтарной комнаты, упакованные в ящики, находились еще в Орденском зале дворца, который с утра перешел в распоряжение отряда «фольксштурма». «Тотальные» гитлеровские вояки разместились здесь со своим оружием.

В тот же день исчез доктор Роде. Где он находился до 10 апреля - неизвестно. Сам Роде утверждал впоследствии, что был болен.

9

Советские войска переправились через Прегель и вплотную подошли к стенам Кенигсбергского замка. Стало совершенно очевидно, что удержать его в своих руках гитлеровцам не удастся.

Офицеры отрядов «фольксштурма» собрались на совещание.

- Господа, надо капитулировать! - решительно сказал пожилой майор, старший по чину среди присутствовавших.

Наступило тягостное молчание.

- Но первый, кто заявит русским о капитуляции, будет приговорен заочно к смертной казни, - добавил майор, не дожидаясь ответа подчиненных. - Следовательно, нам надо найти какой-то приемлемый выход. Честь офицера не позволяет нам поднять белый флаг. Отдать приказ об этом солдатам - значит совершить должностное преступление. Как быть?

- Файерабенд!.. Господин майор, нас выручит Файерабенд! - выкрикнул молоденький лейтенант.

- Да, конечно! Единственный в замке цивилизный человек, не связанный присягой фюреру, - Файерабенд! В случае чего, можно свалить все на него и сказать, что он струсил, подняв белый флаг по собственной инициативе, если мы попадем в руки нашего командования при неудаче русских, - подтвердил высокий, тощий капитан.

- Разумеется! Это сделает Файерабенд! - разом заговорили все.

Через полчаса тучный человек, пугливо озираясь высунулся из окошка уцелевшего яруса башни и прикрепил к стене белый флаг.

Замок капитулировал.

В полночь на широком дворе, освещенном отблесками пожара, появилась группа советских автоматчиков. Тот, кто шел впереди, казалось, мало отличался от остальных: зеленый потертый и покрытый гарью ватник, солдатские шаровары с порванными наколенниками, кирзовые сапоги, автомат наизготовку. Но на плечах у него, если взглядеться, можно было увидеть полевые погоны капитана.

Капитан первым шагнул в дверь главного корпуса замка. Дневальный-фольксштурмовец, вытянувшись, заорал:

- Ахтунг! Штейт ауф!¹⁰

Гитлеровские солдаты вскочили.

- Ваффен штрекен!¹¹ - громко приказал капитан.

И тут же карабины, автоматы, пистолеты, армейские ножи, даже какой-то старинный дуэльный пистолет полетели на пол.

- Ферлассен раум!¹² - последовало новое распоряжение. И фольксштурмовцы гуськом потянулись наружу, волоча за собой набитые вещевые мешки. Капитан уже собирался выходить, как вдруг его вни-

¹⁰ Внимание! Встать! (нем.)

¹¹ Сдать оружие! (нем.)

¹² Покинуть помещение! (нем.)

мание привлекла необычная фигура: приземистый, круглый человек, с трясущимися щеками, одетый почему-то в черный фрак, перемазанный известью и кирпичной пылью, испуганно смотрел на него.

- Вэр ист зи?¹³ - спросил капитан.

- Файерабенд... Мой... имел один ресторан, - неожиданно залепетал по-русски перепуганный толстяк. - Ихь бин... шестный немец.

Что-то слишком лебезил этот «честный немец».

- Взять! - коротко бросил капитан сержанту.

Во дворе он приказал выставить часовых.

- Главное - следить, чтобы не возник пожар. Надо попытаться сберечь замок, как памятник культуры. Ясно, товарищи?

Но сохранить то, что еще оставалось от замка, не удалось: на следующий день, когда советские войска продвинулись вперед, в замке возник пожар. Только к вечеру он утих, чтобы через день, 11 апреля, уже после капитуляции города, вспыхнуть вновь, хотя, казалось, гореть здесь было уже нечему - оставались только закопченные, иссеченные осколками стены из камня и кирпича.

Замок догорал, а перед следователем полевой прокуратуры уже сидели немцы, захваченные в музейных залах, - бывшие сотрудники, бывшие служители.

Усталый следователь в погонах капитана был не слишком внимателен к ответам, он записывал их почти механически: «Ладно, потом разберемся, что к чему...»

Допрашивая Файерабенда, капитан записал в протокол: Я слышал, как офицер в форме СС приказывал солдатам поджигать развалины шлосса¹⁴. Очевидно, это делалось по плану, намеченному еще до штурма. Я полагаю, что автором плана являлся доктор Роде - фактический «хозяин» дворца, занятого музеями...»

«Роде, Роде, - подумал следователь, ставя точку. - Музейный работник... Однако при чем тут планы поджога и обороны дворца? Так и стали бы эсэсовцы советоваться с каким-то штафиркой. Пугает Файерабенд с перепугу».

И в разговоре с Роде никаких вопросов о планах обороны дворца ему не задали.

Вслед за Файерабендом перед следователем предстал академик живописи Эрнст Шауман. На вопрос о том, что ему известно о судьбе русских художественных ценностей, вывезенных сюда, Шауман ответил:

- В октябре 1944 года Роде говорил мне, что янтарная комната вывезена в Саксонию. Весной 1945 года он повторил то же самое.

Круг, казалось, замкнулся.

Но истории этой суждено было продолжаться.

10

Супруги Роде отсиживались дома. Доктор помнил слова Гертруды. Тогда он постарался ее успокоить, но в душе не был убежден, что все обойдется. У русских был счет к немцам, и немалый, он это понимал отлично. И вдруг в квартире доктора появился русский солдат!

Роде срочно вызывали в замок.

«Вот оно, возмездие», - подумал он, стараясь попасть в лад с широким шагом русского. Солдат хмуро и отчужденно смотрел куда-то вперед. Казалось, он даже не замечает своего спутника. И это еще больше усиливало опасения Роде, превращая их в уверенность.

Доктора привели к его бывшему кабинету. «Ирония судьбы», - мелькнуло в голове Альфреда Роде. Но больше он ничего не успел подумать. Солдат открыл перед ним дверь, и мужской голос тотчас произнес по-немецки:

- Доктор Роде? Прошу.

По мере того как профессор Барсов медленно, будто взвешивая каждое слово, объяснял Роде, зачем он его пригласил, у доктора что-то словно разжалось внутри. Он уселся на знакомый стул, попросив разрешения закурить. Доктор начал даже поддакивать Барсову.

- Надеюсь, вы нам поможете, - говорил между тем профессор. - Начать надо с возможно более точного и подробного описания произведений, находившихся в «Художественных собраниях». Никто не сумеет справиться с этим так хорошо, как вы.

11

Когда в Комитете по делам культурно-просветительных учреждений подбирали кандидатуру для поездки в Кенигсберг, мнения относительно Виктора Ивановича Барсова разделились.

- Отличный специалист, блестящий знаток живописи, крупнейший музейевед страны, - утверждали одни. - Ему, так сказать, и картины в руки.

- Это верно. Но нельзя забывать и личных качеств профессора. Слишком уж напоминает он пресловутых чудаков-ученых из бесчисленных пьес, - возражали другие. - Рассеян, плохо разбирается в людях, не умеет правильно оценивать их, замечать желания и настроения окружающих. А там придется работать в непривычной обстановке...

¹³ Кто вы такой? (нем.)

¹⁴ Замок (нем.).

Спор разрешил начальник главка:

- Командируем Виктора Ивановича. Искусствовед он, действительно, незаурядный, знания огромные, память превосходная. А насчет мягкости и рассеянности... Может быть, сослужит свою службу такое обстоятельство: решено на время работы в Кенигсберге присвоить профессору звание полковника. Там, понимаете, военные власти, военные порядки пока. Так будет удобнее. И Виктора Ивановича это обстоятельство несколько подтянет, должно быть.

Всем людям свойственно ошибаться. Начальники главков, к сожалению, тоже не избегают этой участи.

Те свойства характера Виктора Ивановича, о которых напоминали члены коллегии, действительно сослужили плохую службу не только самому Барсову, но и всем тем, кто был заинтересован в поисках украденных гитлеровцами сокровищ.

Помимо всего прочего, профессор был специалистом несколько односторонним. Ему и в голову не пришло искать в Кенигсберге что-либо другое, кроме картин. Как это ни странно, но о вывозе сюда янтарной комнаты он не знал вообще и никто не догадался рассказать ему об этом.

Виктор Иванович, увлеченный своим делом, не умеющий распознать, как следует человека, упустил немало возможностей для раскрытия тайны янтарной комнаты.

А такие возможности у него были.

Барсов понимал, что поиски картин необходимо организовывать не вслепую, а по заранее разработанному плану. Поэтому он пригласил для участия в работе группу немцев - бывших сотрудников музеев. Просматривая списки, он и натолкнулся на фамилию доктора Роде.

Это имя было знакомо Барсову еще по довоенной поре: ему пришлось в свое время читать некоторые работы немецкого ученого, посвященные вопросам истории живописи. Виктор Иванович искренне обрадовался: ведь Роде был не просто ученым, а ученым известным, не просто музееведом, а директором ценнейшего художественного собрания!

Итак, после товарищеской беседы Альфред Роде и его жена Анна-Гертруда стали сотрудниками советского профессора Барсова.

Право же, по тем суровым для Кенигсберга временам им жилось совсем не плохо!

Супруги Роде получили для работы отдельную комнату в одном из уцелевших зданий и с усердием и педантичностью принялись за дело.

Мелким, похожим на печатный курсив почерком, одинаковым у обоих (не зря говорят, что после долгой совместной жизни супруги становятся похожими друг на друга до мелочей), они заполняли по памяти и сохранившимся описям формулярные карточки на произведения, которые находились раньше в музее.

Маленький, сутулый, с тщательно прилизанными волосами на шишковатом черепе и красными от постоянного напряжения глазами, Роде, зябко поеживаясь, хотя на дворе стоял уже июнь, бережно перелистывал пухлые пачки списков и тома описей, передавая их Гертруде - тоже невысокой, но казавшейся куда солиднее своего мужа благодаря изрядной полноте.

В вечерние часы они зажигали свет и продолжали свою однообразную работу, пока не наступал «комендантский час», а вместе с ним и время отправляться домой, на Беекштрассе. Старики разогревали заранее приготовленный ужин и мирно спали до утра, а затем снова возвращались к привычному занятию.

Тем немногим из советских людей, кто знал в то время доктора Альфреда Роде, казалось, что в его взглядах и настроениях, в поведении и разговорах наступает пусть не резкая, но все же заметная перемена.

Поначалу он вздрагивал и недоверчиво косился на собеседника, едва только услышав слово «доктор». Он подчеркнуто именовал Барсова «герр оберст» в ответ на мягкое «уважаемый коллега». Он стонил солдат, которые трудились во дворе, разбирая завалы.

Но лед недоверия постепенно таял.

Начал таять он уже в первые дни сотрудничества супругов Роде с профессором Барсовым, когда помощник Виктора Ивановича, молодой капитан с очень странной, по мнению доктора, фамилией, с трудом подбирая немецкие слова, сообщил: завтра господин доктор может получить продовольственный паек - да-да, точно такой же продовольственный паек, какой выдается здесь советским гражданам, и еще - денежное пособие. Пока единовременное. Затем будет заработная плата.

Потом совсем юный солдат принес в дом, где работали Барсов и Роде, аккуратный сверток и, потоптавшись на месте, неуверенно протянул его доктору. Тот - так же неуверенно и даже с опаской - взял замотанную в тряпицу вещь, помедлив, развернул ее и на секунду словно онемел. А затем заговорил быстро-быстро, еле успевая произносить слова. Солдат не понял ничего, это видно было по его лицу. И тогда Роде, как-то уж совсем по-русски махнув рукой, бережно положил предмет на стол и, протирая очки, сказал:

- Данке... Спасибо, камераде.

Еле дождавшись прихода Барсова, он почти ворвался в его кабинет:

- Коллега, какая находка, какая удивительная находка! Вы только посмотрите - ведь это же один из драгоценнейших экспонатов нашей янтарной коллекции! - И, не дав профессору опомниться, продолжал: - И принес ее - простой солдат, простой русский солдат. Этот варвар... Простите, я не так сказал, простите, дорогой коллега!..

С той поры даже Барсов стал замечать, что Роде гораздо добросовестнее и охотнее относится к его поручениям, чем в первые дни. Доктор по собственной инициативе внес несколько дельных предложений, кое-что порекомендовал советскому ученому. Наверное, Роде рассказал бы все о янтарной комнате, если бы Барсов спросил о ней вовремя. Но профессор совершил непростительный промах. Он не поинтересовался янтарной комнатой и почти не обращал внимания на некоторые странности в поведении Роде. Только значительно позже Барсов вспомнил о них...

Но один совершенно непонятный случай заставил настроиться даже рассеянного Виктора Ивановича.

12

Стояла густая, влажная осенняя ночь. Барсов вместе с прикомандированными к нему капитаном Корсуненко и старшим лейтенантом Дроновым отдыхал в гостинице Дома офицеров на Бетховенштрассе.

Профессор проснулся внезапно. За стеной, у веселого лейтенанта, громко верещал старенький немецкий радиоприемник. Заканчивалась, как видно, передача последних известий. Барсов прислушался: да, вот начали отбивать четверти знакомые московские куранты. Представилось, как сейчас на Красной площади метет, наверное, первый ноябрьский снежок, как сотни проезжих стоят перед Спасской башней, прислушиваясь к перезвону, известному всему миру. Москва.

Теперь Виктор Иванович уже не мог уснуть. Неведомо откуда нахлынули воспоминания - привычные старческие воспоминания о молодости, о студенческих годах, о музеях, где приходилось ему работать на своем долгом веку. Аспирант, потом кандидат наук, а потом и профессор...

Старик встал и - этого не случилось с ним давно - потянулся к соседней тумбочке, где у Дронова лежала пачка «Беломорканала».

- Не спится, товарищ полковник? - осторожно спросил Корсуненко.

- А? Вы меня спрашиваете, Иван Прохорович? - рассеянно отозвался Барсов. Он никак не мог привыкнуть к своему воинскому чину, так же как молодые офицеры не могли приучиться называть профессора по имени и отчеству: погоны полковника их явно смущали.

Корсуненко промолчал.

- Да, не спится что-то, - задумчиво промолвил профессор. - На воздух бы надо, пожалуй, да ночь.

- Не ночь, уже утро скоро. Пять часов, - откликнулся разбуженный негромким разговором Дронов. - А что, если и впрямь прогуляться? Люблю бродить по ночам. Привычка солдатская, знаете...

Дронову совсем недавно минуло двадцать три, и он еще любил немного порисоваться своим «солдатским» положением.

- В самом деле, пройдемся, товарищ полковник? - поддержал Корсуненко.

- Спасибо, друзья мои. Я, разумеется, не против, если вы согласны.

Одевшись, они вышли на улицу.

- Куда путь держим? - спросил Виктор Иванович своих спутников.

- Да куда ж еще, как не на площадь Трех Маршалов, - охотно отозвался Дронов. - От нее, как от печки, все в Кенигсберге танцуют.

Миновав площадь, они направились по знакомой дороге к замку - месту, где работали чуть ли не ежедневно.

Днем здесь расчищали улицы от завалов. Солдаты проложили узкий проезд для автомашин, однако к делу приступили сравнительно недавно, и на новой трассе встречные машины могли разминуться лишь с большим трудом. Тротуары оказались погребенными под горами битого кирпича, и каждый раз, чтобы пропустить автомобиль, пешеходам приходилось взбираться на кучи щебня.

Уже начало светать, когда ранние «путешественники» подошли к шлоссу.

Негромко разговаривая, они подошли к воротам.

Неожиданно мелькнула черная тень.

Дронов надавил рычажок фонарика, прицепленного к пуговице шинели, а Корсуненко выхватил из расстегнутой кобуры пистолет.

- Стой!

- Стой! - повторил Дронов, направляя вслед неизвестному узкий луч фонарика. Все трое успели заметить, как человек, одетый в плащ с поднятым воротником, скрылся за камнями.

- Немец, - сказал капитан. - В шляпе. Наши пока здесь таких головных уборов не носят. Ясное дело, немец. Но почему... - Не успев закончить начатой фразы, Корсуненко прервал сам себя: - Тш-ш-ш... Смотрите!

Профессор и Дронов обернулись. Из окон здания, что примыкало к главной башне замка, тянулся длинный, тощий клуб дыма.

- Пожар? - тихо спросил Дронов.

- Гореть там нечему, - откликнулся профессор. - Все давно сгорело. Непонятно!

- Разрешите узнать, в чем дело, товарищ полковник? - обратился к Барсову Корсуненко. - Я - пойду.

- Пойдем все вместе, - просто ответил Барсов.

- Лучше бы не надо вам, товарищ профессор.



- Я сказал - идем все! - неожиданно твердо сказал Виктор Иванович.

Офицеры помогли Барсову преодолеть оконный проем. Прижимаясь к стенам, затаив дыхание, они продвигались вперед, к соседнему помещению, откуда просачивался слабый, трепетный свет и тянулся густой, с копотью, дым, какой бывает только от горящих бумаг.

Удивительная картина представилась взору Барсова и его помощников: посреди разрушенной комнаты на цементном полу полыхала груда бумаг, а перед ней, подсовывая в пламя скомканные листы, прилежался на корточках поразительно знакомый всем человек в крылатке и старинной, с узкими жесткими полями шляпе-котелке. Увлеченный своим занятием, человек не слышал, казалось, ничего.

- Роде! - прошептал Дронов.

Офицеры потихоньку приблизились к доктору. Свет пламени мешал ему заметить их, и он продолжал свое занятие. Теперь было заметно, что лицо его пожелтело, а под глазами набрякли мешки.

Обычно уравновешенный и даже несколько флегматичный, Барсов неожиданно вскипел. Забыв о возможной опасности, он сделал широкий шаг вперед и очутился рядом с Роде.

Бледное лицо доктора исказилось от ужаса. Он внезапно повалился набок, с воплем протянув вверх руки, как бы защищаясь от ударов.

- Перестаньте юродствовать! Встать! - крикнул Барсов.

Гулкое эхо разнеслось по развалинам: «А-ать, а-а-ть, а-а-а-ть!»

Роде медленно поднялся на корточки, потом почему-то встал на четвереньки, огляделся вокруг, словно ища поддержки.

- Встать! - властно повторил профессор. - Слышите? Вам приказывают!

Старик медленно выпрямился. Его губы беззвучно шевелились, глаза бегали по сторонам, на лбу прорезались глубокие морщины.

- Что вы здесь делали? Почему пришли ночью в замок? - задавал Барсов вопросы. Роде только бессмысленно шевелил губами. Стало ясно, что толку от него не добьешься. И это еще больше вывело Барсова из себя.

- Вы... вы мерзавец! Я вас... я вас... - Профессор искал нужное слово и не находил его. И вдруг, неожиданно для себя, вспомнив, что теперь он - полковник, наделенный большими правами, резко заключил: - Я вас арестовываю на пять суток. Будете отбывать наказание на гарнизонной гауптвахте!

- На гауптвахте? - изумленно переспросил Роде, обретая дар речи. - Очень хорошо, очень хорошо. - Видимо, ему мерещилась кара более строгая.

Из шлосса Роде шел, понуриив голову, шаркая подошвами по мостовой, с трудом переставляя ноги.

- Vomit virt эс аллес беэндет, vomit virt эс аллес беэндет?¹⁵ - шептал он.

А наутро профессор Барсов отменил свое приказание, удивляясь собственной неумеренной горячности. Он рассуждал так: безусловно, Роде совершил недостойный поступок, уничтожил тайком какую-то, весьма важную переписку. Но в переписке ли суть, когда нужны картины, украденные из нашей страны? И ведь вполне возможно, что переписка носила личный характер. И еще надо узнать, какие обстоятельства заставили пожилого, почтенного человека бродить по ночам в развалинах. Словом, многое оставалось невыясненным. И как бы то ни было, но сажать известного ученого на гауптвахту, как провинившегося солдата, - никуда не годилось!

Так рассуждал Барсов, стараясь всеми силами замять неприятную для него историю. Он чувствовал себя крайне неловко: не сумел правильно воспользоваться властью, распетушился, как мальчишка-лейтенант, только что выпущенный из училища,

Он даже не спросил Роде, какие бумаги тот жег.

Рассуждая подобным образом, профессор Барсов снова не заметил перемены в поведении Роде.

Казалось, доктор не только не помнил обиды, но даже искал встречи с советским коллегой, стремился остаться с ним наедине. А в присутствии своих соотечественников становился замкнутым, умолкал, озирался вокруг, словно чего-то боясь.

Но Виктор Иванович так и не заметил ничего. Зато заметили другие.

13

На углу улиц Хаммерверг и Ратслинден, неподалеку от здания Академии художеств, стояли двое. Огоньки сигарет освещали их лица.

- Шеф недоволен вами... э-э... как там вас... да, Леонтьев. Неплохая фамилия. Звучит. Но вы не оправдываете наших надежд, Леонтьев, и это уже звучит плохо. Прежде всего, для вас. Понимаете?

Второй молчал.

- Вам нечего сказать? Впрочем, слова от вас не требуются. Нам нужны дела. Не для того мы обеспечивали вас русскими деньгами, отличными документами и дефицитным продовольствием, чтобы вы покупали себе девочек и кейфовали. Это может плохо кончиться, Леонтьев. И мне жаль вас. Вы еще молоды, у вас все впереди - западная зона, блестящие «мерседесы» и... женщины. Но это надо заслужить!

- Что я должен делать? - глухо спросил тот, кого называли Леонтьевым. - Я готов выполнить любое задание.

¹⁵ Чем все это кончится? (нем.)

- О, прекрасно! Как это говорят ваши русские? «Я слышу речь не мальчика, но мужа». Видите, я тоже знаю русскую литературу, недаром Дерптский университет был когда-то моей «альма матер». Впрочем, это к делу не относится. Слушайте.

Огонек спички на мгновение осветил кустистые, словно приклеенные брови. Раскурив сигарету и спрятав ее в рукав, незнакомец продолжал:

- Вы знаете Роде? Разумеется, знаете. Так вот, его поведение нам не нравится. Доктор слишком близко сошелся с русскими. Не сегодня-завтра он может разболтать им то, что доверено сохранять ему. И приказ шефа таков...

Он наклонился еще ниже и прошептал что-то на ухо Леонтьеву.

Тот вздрогнул. Помолчав, негромко сказал:

- Хорошо. Будет сделано. Деньги?

- Жалованье платят после работы. Пока.

Человек исчез в темноте.

14

Получив сообщение о смерти Роде, Барсов немедленно поехал в военную комендатуру, а оттуда, в сопровождении следователя, на Беекштрассе, 1,

Квартира Роде оказалась закрытой на ключ. Следователь вскрыл замок и распахнул двери.

Все свидетельствовало о том, что здесь недавно побывали посторонние: и окурки сигарет, и грязные следы на полу, и наскоро вынутое из шкафа белье.

Жители соседних домов рассказали, что прошлой ночью из квартиры Роде вынесли два гроба, установили их на повозку, и скромный траурный кортеж отправился неведомо куда. Его сопровождали несколько незнакомых мужчин.

Тщательный обыск, произведенный в квартире Роде, не дал поначалу никаких результатов.

Казалось, следовало успокоиться и остановиться на версии о смерти, причиной которой послужила острая дизентерия, тем более что болезнь эта и в самом деле вспыхнула в те дни в городе, а врач, подписавший свидетельство о смерти, под присягой подтвердил свое показание.

Но вдруг уверенность эта оказалась весьма серьезно поколебленной.

Выяснилось, что доктор Пауль Эрдман, лечивший Роде, исчез из города.

Однако главное началось позже.

Поздним вечером следователь Борис Резвов в последний раз пришел в дом на Беекштрассе. Присев в задумчивости у письменного стола, он машинально забарабанил пальцами по верхней его доске, насвистывая легкомысленную песенку, - это помогало думать, как он уверял товарищей.

Погрузившись в размышления, капитан вдруг заметил, что крышка стола словно поддалась под его указательный палец. Заинтересованный этим, он нажал сильнее, и тогда где-то внутри щелкнуло, а потом над большим ящиком стола открылся другой, совсем неглубокий, спрятанный в доске.

Резвов быстро, как будто боясь, что ящичек захлопнется, заглянул в него и ловко вытащил папку в сафьяновом переплете с монограммой «А. Р.».

В папке лежало несколько листов бумаги, исписанных знакомым теперь следователю почерком Роде. «Моя исповедь», - прочитал капитан.

Роде начал свое повествование издалека. Он подробно рассказывал о детстве, юности, годах учения, о своей любви к искусству, о янтаре. Он говорил о ценностях, привезенных в Кенигсберг во время войны из фондов минского и харьковского музеев, - словом, о том, что, в сущности, было уже известно советскому командованию. И в каждом слове капитан интуитивно чувствовал некую недомолвку, нечто недосказанное; следователя все время не покидало ощущение, что основного Роде еще не написал. Резвов даже перевернул было странички, чтобы заглянуть в конец, но устыдился собственной поспешности и терпеливо продолжал читать по порядку.

На следующей странице его внимание привлек такой абзац:

«Картины харьковского музея, упакованные в ящики, мы вывезли в Вильденгоф, близ Цинтена (50 километров от Кенигсберга) в декабре 1944 года. В этот же замок вывезли в 98 ящиках и собрание киевского музея, в том числе 800 икон - ценнейшую в мире коллекцию. Их доставила научный сотрудник Руденко».

Следователь сделал карандашом пометку: «Вильденгоф. Осмотреть обязательно. Кто такая Руденко?», - и продолжал читать:

«Янтарный кабинет, полученный мною из Царского Села летом 1942 года, размещен в замке. В июле 1944 года перенесен в безопасное помещение, от налета английской авиации не пострадал. В начале 1945 года упакован под моим наблюдением и спрятан в левом крыле замка. 5 апреля, накануне штурма, находился на том же месте. Затем он...»

Здесь записи обрывались.

Напрасно Резвов вспарывал острым ножом подкладку папки. Напрасно он взломал стол, расщепил на мелкие дощечки ящик. Все было напрасно. Других бумаг он не нашел.

Загадочная фраза: «Затем он...», фраза, несомненно начинавшая повествование о том, где укрыли янтарную комнату, так и осталась загадкой. Разрешить ее мог, видимо, только сам Роде. Но доктор был мертв, и даже труп его находился неведомо где.

Впрочем, через несколько дней органы государственной безопасности установили, что гибель Роде и его жены не была столь обычной, как утверждал немецкий врач Пауль Эрдман.

Никакими болезнями Роде и его супруга не страдали.

Их отравили.

И еще выяснилось, что доктора медицины Пауля Эрдемана никогда не было в Кенигсберге.

Стало ясно и многое другое, на что раньше не обращали внимания: и вечная настороженность Роде, и его стремление поговорить наедине с Барсовым, и угнетенное состояние, вызванное необходимостью выполнять чьи-то тайные поручения, и, наконец, то, почему он и его жена погибли именно в тот вечер, когда доктор готов был рассказать о тайне, известной немногим.

Все это теперь стало ясным, но тайна янтарной комнаты оставалась тайной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ СЕРГЕЕВ ВСПОМИНАЕТ

1

Сергеев открыл глаза. Высокий потолок мутно белел над ним, качалась, расплываясь лампочка, не прикрытая абажуром, Она то становилась больше, то меньше, то вдруг начинала кружиться на шнуре. Пришлось опять смежить веки. Сколько прошло времени, он не знал. Олег Николаевич снова очнулся от ласкового прикосновения руки.

- Наконец-то в себя пришли, - услышал он заботливый женский голос. - Может, пить хотите?

Теперь Сергеев, кажется, действительно пришел в себя по-настоящему. Чуть приподнявшись, он обвел взглядом незнакомую комнату. Она оказалась совсем небольшой и почти пустой. Только возле кровати стояла тумбочка, покрытая салфеткой, да у стены одинокий стул с резной спинкой.

- Больница... - проговорил Олег Николаевич.

- Госпиталь, - коротко поправила женщина.

Сергеев с усилием повернулся к ней.

- Неделю пролежали без сознания, - ответила она на молчаливый вопрос. - Сильно вас, видно, ударили. Ничего, теперь все позади. Поправитесь. У нас врачи хорошие. Больниц пока нет, военный госпиталь всех обслуживает. Отдыхайте. Скоро поесть вам принесу.

Потянулись дни долгие, серые, утомительно похожие друг на друга.

Олег Николаевич чувствовал себя все еще неважно. Часто сознание мутилось, наступали часы и даже сутки беспомыслия. Потом снова делалось легче, можно было немного поговорить с дежурной сестрой, перебраться лишней фразой с врачом.

Сергеев вспоминал, преодолевая провалы в памяти, о событиях, предшествовавших той встрече на вокзале в Кенигсберге, что привела его сюда, на госпитальную койку.

2

Олег Николаевич возвратился после демобилизации в Ленинград погожим сентябрьским утром.

Стояла благодатная, прозрачная и тихая осень - на редкость сухая, без туманов, без дождей и слякоти, осень, щедро украшенная бездонной голубизной неба и воды в Неве, Невках и каналах, ласковая и теплая.

Сергееву пообещали работу во вновь организованном городском экскурсионном бюро. Но пока бюро создавать, как видно, не спешили, и у Олега Николаевича вдруг оказалась уйма свободного времени. Это его не слишком огорчило.

Сергеев поднимался рано и, наскоро выпив крепкого чаю, отправлялся по местам знакомым, родным и постоянно волновавшим его.

Начало прогулок было всегда одинаковым. Сев на Звенигородской в трамвай, Сергеев ехал вдоль улицы Марата, которую издавна недолюбливал за отсутствие зелени и облупленные фасады, выходил на последней остановке у Невского и затем брел по проспекту в сторону Дворцовой площади. Он задерживался у Аничкова моста, в тысячный раз любуясь великолепными в своей мужественной простоте фигурами юношей, живой игрой мускулатуры бронзовых коней и не переставая удивляться - тоже в тысячный раз - мастерству их создателя Клодта, косился на закопченный Гостиный двор, в молчании стоял под величественным Александрийским столпом возле Зимнего, а потом, быстрыми шагами пройдя садик, останавливался напротив Медного Всадника. Он подолгу рассматривал взметенную вверх скалу, читал латинскую надпись на цоколе, вспоминал знакомые с детства пушкинские строки. Запрокидывая голову, глядел на покрашенный сейчас камуфляжем купол Исаакия и только потом вновь садился в трамвай и ехал - то на Петроградскую, то на Васильевский, то к Нарвской, то еще дальше - в Автово.

Возвращался Сергеев затемно, усталый, голодный, но в приподнято-радостном настроении - ни дать ни взять юноша после свидания!

Так прошла неделя, и Олег Николаевич решил, что Ленинграду уделит времени достаточно. Теперь пришла пора наведаться в город Пушкин, с которым связывалась у него одна из самых памятных страниц биографии.

Подготовив с вечера пакет скромной снеди, Сергеев лег спать пораньше, поставив стрелку старенького будильника на шесть часов.

3

На рассвете его разбудил телефонный звонок. Незнакомый мужской голос попросил товарища Сергея прибыть к девяти часам по такому-то адресу, где ему будет заказан пропуск.

Немного встревоженный и одолеваемый любопытством, Олег Николаевич без десяти минут девять стоял у подъезда большого здания с широченными окнами, разделенными лишь узкими простенками.

Капитан, совсем не похожий на чекистов с пронизывающими взорами, которых любят описывать в приключенческих книжках, спросил у Сергея фамилию, имя, отчество и прочие данные, потом захлопнул тощую папку и попросил рассказать о себе - «подробнее, знаете ли, и попроще».

Все еще недоумевающая, для чего понадобилась его «житейская повесть» этому усталому человеку, обремененному, наверное, более важными делами, Олег Николаевич начал говорить.

Пока речь шла о детстве, об архитектурном институте, капитан слушал, казалось, равнодушно. Но когда Сергеев заговорил о своем увлечении историей искусства, о том, как он, уже будучи архитектором, поступил на искусствоведческое отделение университета и написал свою диссертацию, - капитан ожилился, в глазах его блеснул неподдельный интерес.

- Диссертация, говорите, о янтарной комнате? Единственная в Союзе на эту тему? Защитили успешно? Рад за вас! Ну, и где она, ваша диссертация? Опубликована? Нет? Почему?

Услышав о том, что во время первых обстрелов города Олег Николаевич забыл чемоданчик в бомбоубежище и не смог его отыскать, а на другой день ушел в народное ополчение, - капитан вдруг улыбнулся.

- Отлично! Отлично.

Радость капитана была явно неуместной, но Олег Николаевич не успел даже рассердиться. Капитан подошел к сейфу и распахнул тяжелую дверцу.

- Держите. Рады помочь вам, Олег Николаевич, - и протянул оторопевшему Сергееву знакомую папку.

- Как... как она у вас оказалась? - удивился Сергеев.

- Служба такая. Нашли. Нет, специально не искали. Так уж получилось. Попала к нам. Да ладно, ладно. Я тут ни при чем, не благодарите. Только уговор: услуга за услугу! Ваши знания о янтарной комнате вскоре, очевидно, смогут понадобиться. Я имею в виду гражданское управление в Кенигсберге. Попросят тогда не отказывать нам.

...Сергеев взял такси, ему не терпелось поскорее добраться домой.

Всю ночь Олег Николаевич не спал, листая и перелистывая страницы своей диссертации, и вспоминал...

4

Сергеев часто бывал перед войной в Пушкине, готовя диссертацию.

Он присоединялся к какой-либо группе экскурсантов и медленно брел с ними по Анфиладе, прислушиваясь к объяснениям экскурсовода Анны Ланской и ловя себя на том, что проверяет почти каждое ее слово. Но Анна знала историю дворца и комнаты совсем неплохо! Сергееву не удавалось «поймать» ее на ошибке. Наверное, понимая, под каким «негласным контролем» она находится, Ланская лукаво и насмешливо улыбалась Олегу Николаевичу, с которым была уже знакома несколько месяцев, и он отвечал ей улыбкой.

Вот и янтарная комната. Сделав несколько шагов, Анна Константиновна останавливалась, экскурсанты немедленно обступали ее. Люди замолкали, восхищенные теплым, живым отсветом янтаря.

- Скажите, и долго еще будет существовать эта комната? Не испортится, не разрушится ли со временем янтарь? - спросил однажды кто-то.

Анна Константиновна улыбнулась.

- Не беспокойтесь, товарищи. Янтарю, из которого сделаны все эти украшения, не меньше семидесяти миллионов лет. И никаких видимых изменений с ним не произошло. Янтарная комната будет существовать вечно!

Сергеев отложил диссертацию в сторону.

Да, все-таки янтарной комнаты нет! И не беспощадное время разрушило ее. Уничтожить все это - какое преступление!

Сергеев распахнул окно. Утренний прохладный воздух ворвался в прокуренную комнату вместе со звонками трамваев, гудками автомобилей.

«Надо ехать немедленно!»

Олег Николаевич снял трубку:

- Будьте добры, скажите, когда отправляется ближайший поезд в Пушкин?

5

Пригородные поезда с Витебского вокзала ходили редко. Выстояв полчаса в длинной очереди, Сергеев бережно упрятал желто-зеленый картонный билет, купил свежую газету и вышел на улицу.

Моросил дождь, фонари еще не погасли, их расплывчатые огни отражались в мокром асфальте.

Мужчина средних лет, в хорошем пальто и когда-то модной шляпе с узкими полями, чуть прихрамывая, поднялся по ступенькам и остановился перед указателем вокзальных помещений. Внимательно прочитав его, человек огляделся по сторонам и обратился к Сергееву:

- Прошу прощения, вы не скажете, который час?

- Пожалуйста. Девять семнадцать.

- Премного благодарен.

Незнакомец уставился на Олега Николаевича. Сергею стало как-то не по себе от этого открыто изучающего взгляда. Пересилив себя, он не отвел глаза и тоже внимательно посмотрел на своего собеседника: худое лицо с холодными серыми глазами, чуть вислым носом и кустистыми, словно приклеенными бровями.

Еще раз поблагодарив, прохожий шагнул в вагон.

Поезд тянулся до Пушкина больше часа, почему-то часто останавливался, хотя, помнилось Сергею, станций и платформ здесь не бывало и в помине. Наконец паровоз прогудел и встал, видимо надолго, потому что пассажиры, как по команде, поднялись с мест и пошли к выходу.

Олег Николаевич выглянул в окно.

- Разве это Пушкин? - вырвалось у него.

- Конечно. Вздремнули малость? - насмешливо ответил кто-то.

Сергеев спрыгнул на платформу.

Да, это был Пушкин. Но как изменился он за эти страшные годы! На месте знакомого с давних лет маленького уютного вокзала мрачно темнела груда битого кирпича. И за площадью тут и там торчали ощеренные развалины с печными трубами, похожими на могильные памятники.

Ждать автобуса Олег Николаевич не стал. Он пошел пешком, внимательно вглядываясь в родные и такие странно чужие улицы и здания. И чем дальше он шел, тем сильнее щемило сердце: а как дворец, каков он?

Сергеев, разумеется, читал в газетах и видел снимки разрушенного Екатерининского дворца. Но где-то в глубине души таилась надежда: может быть, не так все это страшно, возможно, для снимков выбрали самые «показательные» места, может, хоть внутри что-нибудь сохранилось...

Сказать, что картина, представшая перед Олегом Николаевичем, ошеломила его - значит не сказать ничего. Такого давящего, гнетущего впечатления ему, пожалуй, еще не приходилось испытывать.

Миновав облупленное, закопченное здание лица и обогнув дворцовую церковь, он остановился перед парадными воротами дворца.

Сквозь ажурную литую решетку, теперь изрядно ажурную, ржавую, кое-где опутанную колючей проволокой, Сергеев увидел парадный фасад.

Он ухватился руками за чугунные витки ворот и, прильнув лицом к холодным переплетам, не боясь поранить кожу шипами колючей проволоки, смотрел на дворец - длинный, сравнительно невысокий, четко разделенный на части полупрозрачными некогда галереями... Но как неузнаваемо изменился его облик!

Бирюзовая окраска стен, иссеченных теперь осколками, и ослепительная белизна полуколонн превратились во что-то унылое, грязно-серое. Многие скульптуры исчезли, другие чудом держались на своих местах, как раненые солдаты, оставшиеся в строю. Капители полуколонн обвалились, обнажив арматуру. От стекол не осталось и следа. Позолоту начисто уничтожил огонь, проложив взамен длинные полосы копоти. Крыша рухнула в нескольких местах. Особенно велик оказался провал над Большим залом. Видно было даже отсюда, что междуэтажные перекрытия рухнули тоже. Штукатурка оползла, облетела, и во многих местах проглядывали багрово-бурые пятна кирпичной кладки. Широкие ступени подъездов были усыпаны битым кирпичом, щебнем, обломками украшений, просторный плац, огражденный циркумференцией, завален мусором и хламом.

В оконных проемах уныло завывал ветер, которого не слышно было до той минуты, пока Сергеев не подошел сюда. Моросил липкий, пронзительный дождь, и оттого, должно быть, вся картина казалась еще более мрачной.

Сергеев смотрел и чувствовал, как тугой комок подкатывает к горлу.

Тяжелая рука легла ему на плечо.

Солдат в мокрой плащ-палатке смотрел на Сергеева со смешанным выражением суровости (служба, дело такое!), недоверия (мало ли кто тут ходит), сочувствия (каждому понятно!) и смущения, которое всегда испытываешь, глядя на скупые слезы взрослого и сильного мужчины.

- Вам придется отойти, гражданин, нельзя здесь, - сказал солдат, помедлив.

Теперь пришла очередь смутиться Сергею. Успокоившись, он отправился просить разрешения осмотреть развалины. Должно быть, на начальника караула подействовал титул кандидата искусствоведения. Вскоре Сергеев уже подходил к калитке в центральных воротах.

И тут он снова вдруг увидел человека в шляпе с узкими полями, с которым утром перебросился двумя-тремя фразами на ступеньках Витебского вокзала. Человек этот фотографировал дворец новеньким аппаратом. Они кивнули друг другу, и Сергеев прошел было в калитку, распахнутую предупредительным сержантом, но мужчина в шляпе окликнул его:

- А вы здесь раньше не работали, прошу прощения?

Сергеев обернулся.

- Нет, не работал.

Он намеревался идти своей дорогой, но не в меру общительный незнакомец снова задержал его.

- А мне показалось... Я видел, как вы давеча у решетки...

Олег Николаевич поморщился. Оказывается, его слезы видел и этот человек. Не годится. Надо держать себя в руках.

Незнакомец снова вскинул аппарат и быстро щелкнул затвором раз и другой.

Если бы Сергеев знал, как дорого обойдется ему впоследствии эта встреча!

Сержант запер калитку и ушел, оставив Сергеева одного посередине плаца. Постояв в молчании среди мусора, Олег Николаевич зашагал к стенам дворца.

То, что увидел он внутри здания, было еще страшнее. Ободранные голые стены вдоль и поперек испещрены непристойными надписями на немецком языке и срамными рисунками, сделанными мелом и углем. Над головой, вместо расписанных лучшими мастерами потолков, виднеется небо. Вырван инкрустированный паркет. Кругом грязь, обломки, кучи мусора и хлама. Сплошные развалины вместо прежде великолепия!

С трудом ориентируясь в знакомом прежде, как собственная квартира, здании, Сергеев пришел к парадной лестнице. С риском свалиться ему удалось взобраться через провалы на второй этаж. Миновав место, где раньше находился Картинный зал, - комната чудом сохранилась, даже плашки паркета кое-где уцелели! - Олег Николаевич шагнул к проему двери, ведущей в янтарную комнату, и едва удержался. Еще полшага - и он полетел бы вниз.

Перекрытие между первым и вторым этажами было здесь начисто снесено. Стены и тут стояли голые, даже без штукатурки. В них одиноко торчали металлические основания бра - все, что сохранилось от убранства комнаты. В оконные проемы со свистом и завыванием врвался ветер, заноса колючие капли дождя.

Послышались неторопливые шаги. Олег Николаевич вздрогнул и обернулся.

Женщина в ватной куртке и тяжелых резиновых сапогах, чуть склоняясь под тяжестью двух корзин, вошла в Картинный зал и, осторожно опустив ношу на пол, распрямилась. Ее лицо наполовину прикрытое стареньким пуховым платком, показалось Сергееву удивительно знакомым. Где-то он уже видел эти ясные карие глаза, прикрытые длинными ресницами, прямой нос, эти насмешливые губы...

- Анна Константиновна! - неуверенно произнес Сергеев, не двигаясь с места.

Женщина вздрогнула.

- Я же Сергеев, Олег Сергеев!

Ланская недоверчиво покачала головой, а потом неожиданно бросилась к Олегу Николаевичу, не проронив ни слова.

Они поцеловались - и сами удивились этому: раньше их отношения не были настолько близкими. С минуту смущенно молчали.

Первой заговорила Анна Константиновна.

- Видите, что тут у нас теперь...

- Да. Неужели совсем ничего нельзя было сделать?

- Что могли, - сделали...

6

Второй час они разговаривали, сидя на обломках кирпича, словно не ощущая ни холода, ни колючих капель дождя.

- Итак, янтарную комнату вывезли в Кенигсберг, в Восточную Пруссию, - сказала Анна Константиновна. - Вот куда отправилась она в свое, может быть, последнее путешествие...

- Что же происходило здесь потом? - спросил Сергеев.

- Потом. Потом то, что не успели сделать грабители, довершили пожары, - все так же грустно продолжала Ланская. - Сначала огонь вспыхнул в середине дворца. Говорят, во время очередной попойки разгулявшиеся бандиты вздумали жечь факелы, от них пламя и перекинулось на стены. Сгорела почти половина дворца - от центральной лестницы до места, где мы с вами сейчас находимся. Сгорело и то, что еще оставалось в янтарной комнате: все украшения, золоченые орнаменты, которыми мы с вами когда-то любовались. Рухнул пол. Вот только железные остовы от бра и остались.

Они замолчали надолго, как люди, которым трудно говорить. Потом Сергеев снова осторожно спросил:

- Анна Константиновна, простите, а что вы здесь сейчас делаете?

- Работаю вместе с товарищами. Что же время терять! Дворец будут восстанавливать. Сейчас готовимся к этому.

- А как с внутренним убранством?

- Сначала снаружи надо сделать, потом и за внутреннюю отделку примемся. Пока, правда, придется кое-где пойти на имитацию. Вот вашу янтарную - трудно восстановить! Произведения искусства неповторимы, Олег Николаевич. Надо либо искать старую комнату, либо обойтись без нее.

- Я с вами не согласен, Анна Константиновна, - возразил Сергеев. - Искать, конечно, надо. Но если не найдем - тут вы неправы, остались фото, план, а мастера наши сделают. Умельцами наша земля всегда славилась.

- Не знаю. Не будем спорить сейчас. Вам пора домой. Скоро последний поезд уйдет.

Они попрощались как-то сдержанно, то ли потому, что разошлись во взглядах под конец разговора, то ли потому, что вспомнили вдруг свой неожиданный поцелуй и снова почувствовали себя неловко. Даже адресами не обменялись.

Об этом Сергеев пожалел сразу же, как только вернулся домой.

На двери он нашел записку, приколотую булавкой: «Был у вас, прошу позвонить по телефону А-22-47».

Олег Николаевич набрал номер. Он узнал голос капитана, вручившего ему диссертацию.

- Товарищ Сергеев, есть убедительная просьба - надо поехать в Кенигсберг. Там кое-что предпринимается по розыскам янтарной комнаты. Я же говорил вам, что ваши знания пригодятся! Как, согласны?

Сергеев не раздумывал.

- Да, да, конечно!

7

Ворочаясь с боку на бок на жестковатой госпитальной койке, Олег Николаевич заново передумывал прошлое. Теперь его мысли возвратились к событиям более ранним, к тому, что было весной 1945 года.

Начальник штаба фронта как-то спросил:

- Вы, кажется, архитектор, старший лейтенант?

- И архитектор тоже.

- Что значит - тоже?

- Я еще и искусствовед.

- Что ж, и это не помешает. Слушайте меня внимательно. Задача такова...

Задача оказалась сложной, интересной и важной. Сергееву и группе других товарищей предстояло в течение месяца сделать точный макет Кенигсберга и его окрестностей. Макет должен был облегчить командованию задачу спланировать и провести грандиозную по своему размаху операцию штурма города. Группе выдали планы города, данные о его обороне, о том, в каком состоянии находится прусская столица сейчас.

- Ясно?

- Так точно, товарищ генерал.

- Ваша обязанность, ваш долг - сделать макет, использование которого облегчит штурм сильной, крепости, поможет нам сберечь тысячи, а может быть и десятки тысяч жизней наших солдат и офицеров, да и не только наших людей, но и немецкого населения. Чем тщательнее и продуманнее будет подготовлен штурм, тем меньше будут потери. Хотя, - генерал на мгновение умолк, - хотя их, конечно, не избежать. И больших потерь, старший лейтенант! Война идет к концу. Это ясно. Ясно и другое: враг будет сопротивляться жестоко. Ну, что ж. Не мы это затеяли. Настала пора заканчивать. Идите. Вас ознакомят с основными документами. Немецким языком владеете?

- Да. Свободно.

- Отлично. Тогда... Впрочем, через несколько дней мы с вами еще встретимся и поговорим. Пока поезжайте в Лабиау.

Еще в 1913 году, накануне первой мировой войны, Кенигсберг получил наименование крепости первого класса. К этому времени город имел многочисленные укрепления долговременного и полевого типа. Система его обороны включала в себя два пояса - внешний и внутренний, а также приспособленные к обороне кварталы и отдельные здания.

Внешний пояс обороны города протяженностью сорок пять километров включал в себя пятнадцать фортов, построенных в 1846-1870 годах. Гитлеровская пропаганда окрестила их «ночной рубашкой» Кенигсберга. Кроме того, во внешний пояс обороны прусской столицы входил широкий и глубокий противотанковый ров длиной около 50 километров, свыше четырехсот дотов, две линии траншей, проволочные заграждения и минные поля, убежища, кирпично-земляные и прочие сооружения.

Внутренний пояс обороны состоял прежде всего из двенадцати мощных фортов, названных в честь королей и полководцев: форт I - «Штайн», II - «Бронзарт», III - «Король Фридрих III», IV - «Гнайзенау», V - «Король Фридрих-Вильгельм III», VI - «Королева Луиза», VII - «Герцог Гольдштайн», VIII - «Король Фридрих», IX - «Дер Дона», X - «Канитц», XI - «Донхоф», XII - «Ойленбург».

Форт - это пятиугольное кирпично-бетонное крепостное сооружение. Толщина каменной кладки центральных стен форта достигала 7-8 метров. Со всех сторон форты опоясывались рвами шириной в 10-15 метров, наполненными водой. Передняя стенка рва, одетая камнем, опускалась к воде отвесно, что делало невозможным форсирование рва танками. Задняя, наклонная, стенка переходила в земляной вал. Все изгибы рва простреливались.

В каждом форте размещался гарнизон численностью 300-500 человек, орудия калибра от 210 до 405 миллиметров с дальностью стрельбы до 30-35 километров. Все форты были надежно связаны друг с другом огневой системой, шоссейными дорогами, а некоторые и подземными ходами сообщения, по которым пролегал узкоколейка.

Кроме фортов внутренний пояс обороны имел более пятисот дотов, а также множество укрепленных домов и наблюдательных пунктов. Во внутренний пояс включался Литовский вал, построенный в середине XIV века, - высокая и широкая земляная насыпь с фортами, дотами, убежищами и бронированными огневыми точками. Вал представлял серьезное препятствие для наступающей стороны.

Гарнизон крепости насчитывал около 130 тысяч человек, в основном уроженцев Восточной Пруссии. Гитлеровское командование рассчитывало на то, что, защищая родные места, их битые войки окажутся более боеспособными, более ожесточенными.

Сергеев уже собирался приступить к работе над макетом, когда 4 марта его снова вызвали к начальнику штаба фронта.

- Вы бывали в Кенигсберге до войны?

- Так точно.

- С какой целью?

- В научной командировке.

- Долго пробыли в городе?

- Около недели.

- Отлично. Так вот, над макетом пока потрудятся другие. А вам предстоит дело посложней. Слушайте...

8

...Солнечным мартовским утром 1945 года по многолюдным улицам Кенигсберга шел молодой, среднего роста, худощавый обер-лейтенант. Дымя сигаретой, он рассеянно поглядывал по сторонам, не забывая, впрочем, отдавать честь тем, кто встречался на пути, - старшим вежливо и старательно, младшим снисходительно и слегка фамильярно. На сером его мундире кое-где виднелись пятна от окопной грязи. Несколько месяцев назад это, наверное, вызвало бы уважение во взглядах прохожих. Но сейчас кенигсбергцам было не до пятен на мундирах обер-лейтенантов.

Город переживал тревожные дни. По слухам, которые подтверждались многими очевидцами, гауляйтер Эрих Кох удрал из осажденного города в свое имение под Пиллау и там отсиживался в бомбоубежище, только изредка отваживаясь на несколько часов прилетать в прусскую столицу. Руководство обороной было возложено на генерала от инфантерии Отто фон Лаша, чье имя почти не было знакомо горожанам, и на фюрера города Вагнера, не смыслящего в военном деле ни на пфенниг.

А русские сидели в траншеях на самой окраине Розенау, и каждый горожанин понимал: штурм приближается, как приближается и конец войны, конец в пользу русских.

Никто не сопротивляется так отчаянно, как обреченный на неизбежное поражение, наверное потому, что ему уже не остается ничего, что жаль было бы потерять. Как загнанный зверь, Кенигсберг огрызался.

Сюда стекались со всех сторон остатки разгромленных частей, сюда собирались беженцы из окрестных районов. Жилищ не хватало, располагались в общественных зданиях, находили временные пристанище в парковых павильонах, торговых палатках, а то и просто на улицах, под наспех поставленными шатрами из брезента и одеял. Немудрено, что во всей этой сутолоке и неразберихе никто не обращал внимания на обер-лейтенанта в помятом мундире.

Такое невнимание не огорчало офицера. Равнодушный, немного усталый, как, впрочем, и все фронтовики, он шел по улицам, рассеянно поглядывая вокруг.

Мимо пронеслись грузовики с необычными пассажирами: старики, женщины и подростки, вооруженные лопатами и кирками, ехали на оборонительные работы. Таков был приказ Лаша: ежедневно не менее шести-восьми тысяч человек направлять для создания внутренней обороны города. Вместе с солдатами горожане замуровывали окна первых этажей зданий, оставляя лишь узкие бойницы для пулеметов, тащили на крыши тяжелые ящики с песком, укладывая их по краям, ломами пробивали амбразуры в стенах домов.

Кое-где обер-лейтенант вынужден был обходить устроенные поперек улиц завалы, баррикады, рельсовые «ежи». В некоторых местах под свежим настилом булыжника угадывались замаскированные «волчьи ямы». На главных магистралях торчали каменные надолбы - немцы называли их «зубами дракона».

На углу Штайндамм и Врангель-штрассе обер-лейтенанта остановил комендантский патруль. В тщательно отутюженном мундире, словно ничего не изменилось вокруг, в начищенных, как для парада, сапогах, юный лейтенант с двумя обер-ефрейторами позади, четко козырнув, попросил документы.

- Обер-лейтенант Герман Дитрих? Трехдневный отпуск к родным? Как вам удалось это, обер? - завистливо протянул он, возвращая удостоверение личности и отпускной билет.

- Воевать надо, малыш, - покровительственно и пренебрежительно протянул Дитрих, - воевать надо не на улицах, с повязкой на рукаве, а в окопах. Там либо дают бессрочный отпуск на тот свет, либо держат в грязи неделями и месяцами. Но некоторым счастливым выпадает и то, что досталось на мою долю. Все еще не понимаете? Меня наградили Железным крестом первой степени. И пока не отменено старое доброе правило - дали отпуск, как и полагается кавалеру этого ордена. Понятно, юноша?

Обер-лейтенант двинулся дальше. И только свернув в переулок, вытер платком пот со лба.

Вскоре он оказался возле Северного вокзала. Здесь его внимание привлекла странная картина.

Шеренга оборванных, грязных людей в военной форме стояла лицом к вокзалу и спиной к мосту, под которым проходила линия железной дороги. Напротив вытянулись солдаты с автоматами наизготовку. Несколько сотен горожан жались друг к другу поодаль, боязливо глядя на офицера с бумагой в руках. Было тихо. Потом тишину прорезал хрипловатый голос:

- По приказу начальника гарнизона господина генерала фон Лаша приговорены к расстрелу дезертиры: Альберт Банк, Рихард Венцель, Герхардт Штумпф, Франц Гальске...

- Франц! Мой Франц! - Пронзительный женский крик заставил офицера на мгновение замолчать. Потом он продолжал, словно ничего не произошло:



- Ганс Риттер, Отто Шрамм... - Он перевернул лист и закончил: - Вальтер Каченовский. Внимание! Приготовиться!

Седовласая женщина в старомодной шляпке со страусовыми перьями рванулась из мужских рук.

- Фра-нц!..

Все это произошло в одно мгновение. Женщина вырвалась, сделала отчаянный прыжок и метнулась к шеренге. Добежать до сына она не успела. Огненная строчка прошла ее наискось, а рядом покорно лег на серый асфальт тот, кого она звала.

В толпе даже не ахнули. Только низенький, плешивый старичок тихо - его услышал, наверное, один лишь обер-лейтенант Дитрих, сказал:

- И так каждый день.

Обер-лейтенант шел по Адольф-Гитлер-штрассе. На длинном здании имперского радицентра желтели обрывки каких-то афишек. Он прочитал одну из них. Это были слова полковника генерального штаба фон Редерна, сказанные еще в 1914 году, после поражения русской армии в районе Мазурских озер:

«Русские были загнаны в глубь своей земли. Желание вновь вернуться в Восточную Пруссию они, вероятно, потеряли навсегда...»

Возле памятника Шиллеру обер-лейтенант остановился. Снег уже сошел, на газонах торчала жесткая и редкая прошлогодняя трава, полинявшие за зиму скамейки просохли. Дитрих сел на одну из них и закрылся газетой.

- Морген, господин обер-лейтенант! - услышал он негромкий, веселый голос.

Не опуская газетного листа, Дитрих отозвался:

- Морген, господин майор.

Они обменялись крепким рукопожатием. Вокруг было пусто.

- Ну, как дела, Олег? - спросил «майор».



сил «майор».

- Хорошо. А у тебя - все в порядке?

- Да. Где ночуем?

- Я думаю, на частной квартире. В гостиницах переполнено. А комнату за большие деньги снять ненадолго можно. Встретимся вечером возле замка, у восьмиугольной башни?

- Там не стоит. Район весь разрушен. Встретимся здесь же.

- Хорошо. Будь здоров.

- До свидания.

Ничего существенного не было сказано во время этой короткой встречи, но уходил Сергеев с просветленной душой. Наверное, только впервые он понял, как близок и дорог родной человек в такой обстановке и как плохо оставаться одному среди волков!

На здании имперской почтовой дирекции он прочитал: «Мы встретим большевиков новым оружием!»

Этот очередной трюк геббельсовской пропаганды был уже знаком Сергееву. Очевидно, понимали всю его вздорность и сами немцы. Они проходили мимо торопливой походкой, низко склонив головы, не обращая внимания на плакаты. Весь город словно затаил дыхание. Только из репродукторов раздавался хрипловатый голос фюрера города Вагнера. Сергеев остановился и прослушал речь. В ней повторялись одни и те же фразы - о бдительности, о стойкости, о необходимости драться до победного конца.

- Сражайтесь, как индейцы, боритесь, как львы! - закончил свое очередное обращение «фюрер». Слушатели оставались равнодушными. Только несколько штурмовиков аплодировали на углу, вызывая поглядывая на прохожих.

Олег Николаевич направился к замку.

От цветущей, веселой, полной жизни Парадеплац после английских налетов остались только мрачные развалины. Ни одной живой души не попалось навстречу. Коричнево-багровые, закопченные руины жались друг к другу, словно калеки, готовые вот-вот упасть, если их не поддержит сосед. Обломки кирпича пирамидами высились во дворах, остатки вывесок жалобно скрипели под порывами весеннего ветра. Мертвый город...

Олег Николаевич свернул к университету. Правая половина здания оказалась разрушенной. От оперного театра остался только угол и груда кирпича. Ближе Сергеева не пустили. Хмурый фельдфебель, став навтыжку, пояснил:

- Вход только по особым пропускам.

«Здесь же ставка начальника гарнизона генерала фон Лаша!» - сообразил Олег Николаевич, вспомнив разведсводки.

Пропуска у Сергеева, разумеется, не было, да и вообще не следовало искушать судьбу. Он повернул назад, к замку.

Замок на первый взгляд показался невредимым. Но это только на первый взгляд! Подойдя ближе, Олег Николаевич увидел, что южная его сторона - та, где находились музеи, изрядно повреждена крупными фугасками.

Он спустился на Кайзер-Вильгельм-плац и, как тогда, до войны, по мосту вышел на остров Кайпхоф.

Трудно было узнать это место. На острове не осталось ни одного целого дома. Вернее, домов не было вообще - на их месте лежали все те же холмы из щебня, обломков кирпича и рухляди. Приблизившись к собору, Олег Николаевич понял, что именно сюда сбросили англичане основной запас своего смертоносного груза.

Крыша рухнула. Крупная фугаска пробила перекрытия подвалов, уничтожив усыпальницу королей; осколки иссекли алтарь и кафедры, превратили в жалкие обломки статуи святых. На месте знаменитой библиотеки оставалось теперь пустое, обгорелое помещение. Только могила Канта сохранилась чудом, одинокая и трагичная среди этой вакханалии руин.

Смело, стерло с лица земли и старый университет, и городскую библиотеку.

По знакомой витой лесенке в стене Олег Николаевич поднялся наверх. Отсюда он мог хорошо видеть чуть ли не весь город.

От замка к пруду и дальше по Кенигштрассе, Миттельтрагхайм, Гранцераллее тянулись сплошные кварталы развалин. Над ними возвышались только одинокие строения, в которых Сергеев угадал здания правительства Восточной Пруссии, «Парк-отель» и политическую тюрьму.

«Для чего нужны эти бессмысленные разрушения? Другое дело - заводы, военные объекты. Но ведь здесь их не было! Для чего? Сгорела Серебряная библиотека в университете. Погибли экспонаты музеев. Для чего?» - снова и снова спрашивал себя Сергеев, стоя на площадке. И пока не находил ответа - того самого, который нашел значительно позднее, поняв до конца сущность политики тех, кого в годы войны считал, как и другие советские люди, своими верными союзниками.

Он вернулся к памятнику Шиллеру поздно вечером, усталый, измученный, переполненный до краев впечатлениями, разнообразными и противоречивыми. Майор Фриц Гершке, он же капитан Советской Армии Василий Ильич Николаев уже ожидал товарища.

- Товарищ генерал, ваше задание выполнено!

Они стояли в кабинете начальника штаба фронта - оба в немецкой форме, перемазанной липкой глиной, местами порванной о провололочные заграждения. Осунувшиеся лица, успевшая отрасти за ночь щетина на подбородках.

Генерал вышел из-за стола.

- Вернулись? Молодцы! - сказал он, словно самой главной заслугой обоих было именно то, что они вернулись живыми и невредимыми. - Спасибо. Что принесли?

- Извините, товарищ генерал. Разрешите присесть?

- Прошу.

Сергеев оторвал подошву своего сапога.

- Вот. Схема расположения огневых точек на юго-западной и южной окраинах города, в полосе наступления армии Галицкого. И еще: схема коммуникаций между фортами того же участка. О настроениях населения разрешите доложить устно.

- Молодцы! - совсем весело сказал генерал. - Но сперва - два часа на отдых. Два часа могу подождать.

- Товарищи офицеры!

Все поднялись, вытянулись по стойке «смирно».

- Товарищ генерал, офицеры штаба фронта по вашему приказанию собраны на служебное совещание.

- Товарищи офицеры, прошу садиться. Старший лейтенант Сергеев доложит нам сейчас о положении в Кенигсберге. Теперь уже не секрет, можно сообщить: старший лейтенант только что вернулся из города после выполнения ответственного задания. Пожалуйста, товарищ Сергеев. Мы слушаем вас.

Тщательно выбритый, в новенькой, специально для такого случая надетой гимнастерке, Сергеев говорил медленно, тщательно подбирая слова. Он уже не раз продумал свое выступление и теперь уверенно рассказывал о том, что удалось ему увидеть, узнать и понять за несколько дней, проведенных в осажденной прусской столице.

28 января 1945 года советские войска перерезали железную дорогу Кенигсберг-Эльбинг, - последнюю трассу, связывающую Восточную Пруссию с центральной частью Германии.

Кенигсберг был окружен.

Кенигсберг был обречен на гибель.

На гибель было обречено все, что, как чертополох, разрасталось здесь: человеконенавистничество и милитаризм, прусская кичливость и варварская жестокость, реваншистские идеи и дух стяжательства.

Об этом гитлеровская пропаганда умалчивала. Зато она не жалела красок, пугая жителей города теми ужасами, которые ждут их после прихода русских.

28 января советские войска перерезали последнюю нить, связывающую осажденный Кенигсберг с Центральной Германией.

Судьба города была решена.

В городе началась паника.

Ранним утром радио предупредило:

- Внимание, внимание, в девять часов слушайте речь господина правительственного советника Драгеля, начальника провинциального управления! Слушайте речь господина советника Драгеля!

Горожане прильнули к приемникам и репродукторам. Они ждали напрасно: выступление Драгеля не состоялось. К девяти утра господин правительственный советник был уже в двух десятках километров от столицы: в комфортабельном «оппеле» он удирал по направлению к Пиллау, надеясь сесть там на паром и уехать подальше от сих беспокойных мест.

Слухи распространялись с космической скоростью. К полудню десятки тысяч перепуганных, растерянных, сбитых с толку людей беспорядочной толпой двинулись по шоссе на Пиллау.

Кто на новеньких, кто на потрепанных машинах, кто на бричках, запряженных лошадьми, кто просто толкая перед собой тачку со скарбом, иные - погрузив домашние вещи на детские санки, другие - с туго набитыми рюкзаками, - шли кенигсбержцы по голому, продутому морозными ветрами, скользкому шоссе, шли навстречу неизвестности, шли, надеясь на последнее, что осталось им: на посадку в трюмы пароходов.

Шли старики, женщины и дети. Мужчин и даже подростков среди них не было: по приказу Эриха Коха все мужское население города в возрасте от 15 до 65 лет зачислялось в фольксштурм.

Старики, женщины и дети шли, сгибаясь под тяжестью вещей, шли, спотыкаясь и падая. Многие, упав, не поднимались больше: их скрюченные тела сковывал жестокий, непривычный мороз, их заметала злая поземка.

Шли матери с мертвыми младенцами на руках. Ковыляли согбенные старцы, повязав головы женскими платками. Их обгоняли ревущие от натуги машины, радиаторы отшвыривали людей в стороны, толпа едва успевала расступиться перед бешено мчавшимися по обледенелой дороге «оппелями» и «мерседесами», «гономаками» и «штеерами».

Удирали в Пиллау члены правительства Восточной Пруссии, видные имперские чиновники - заместитель обер-президента Коха доктор Гофман, другой его заместитель Айхарт, уполномоченный по эвакуации населения доктор Джубба. Они намеревались пробраться в город Кеслин, что в Померании: там было назначено место сбора восточно-прусского правительства в случае крайней необходимости. Правда, приказа о выезде фюрер не отдал, но кому было в тот день до приказов!

Сбежали генеральный прокурор провинции Жилински и президент высшего окружного суда. Тремя днями позже стало известно: оба пойманы на заставе и казнены по распоряжению Гитлера.

Люди шли и шли по продутому студеными ветрами шоссе. На второй день к вечеру, растеряв по пути, половину, они ворвались в Пиллау.

И тут же стало ясно: никаких кораблей у причалов нет.

Тогда обезумевшие люди бросились по льду через пролив Фриш-Гаф на косу Фриш-Нерунг чтобы по косе пешком пробраться внутрь страны.

Здесь, у деревушки Нойтиф, их встретили полицейские и армейские заставы. Толпа повернула назад.

И снова долгий, томительный, страшный путь - теперь уже на восток, снова трупы на обочинах дороги и рев автомобильных моторов, снова отчаянные вопли детей и причитания матерей.

Страшный, мертвый город встречал беглецов.

В эту ночь и в последующие три дня Кенигсберг стал трупом.

Остановилась городская электростанция, прекратилась подача воды, газа, замер городской транспорт. Перестали выходить газеты, умолкла радиостанция, она передавала лишь - экономя энергию - приказы командования фольксштурмом.

Патрули хватали на улицах мужчин, безусых юнцов, стариков и загоняли их на сборные пункты.

«Народ с великим энтузиазмом вступает в ряды ополчения», - вещал Берлин.

Здесь в Кенигсберге люди злобно

усмехались: они давно потеряли веру в спасение, они давно потеряли веру во все, что им говорили.

В ополчение шли добровольно лишь мальчишки, привлеченные возможностью подержать в руках настоящее оружие. Остальные надевали повязки фольксштурмовцев лишь под угрозой расстрела.

Уже давно разуверились горожане и в слухах насчет таинственного нового оружия, которым Гитлер угрожал союзным войскам. Ехидная песенка родилась в те дни в фольксштурмовских казармах:

- Вир альтен аффен,

Вир нойе ваффен¹⁶.

Педантичные, аккуратные, приученные свято относиться к чужому имуществу, немцы словно переродились. Начались погромы и грабежи магазинов и складов. Искали преимущественно шнапс и вина, табак и наркотики. Пьяные оргии вспыхивали в темных, освещенных лишь стеариновыми плашками домах. Солдаты и ополченцы, нагрузив ранцы и карманы бутылками и снедью, прихватывали заодно и первых попавшихся на пути голодных и отчаявшихся женщин.

По городу прокатилась волна самоубийств. Из психиатрических лечебниц выпустили сумасшедших. Они бродили по городским кварталам, наводя ужас на прохожих, ломались в дома, дико завывали в подъездах.

Деньги потеряли цену, вещи - тоже. Никто не думал о них.

Так продолжалось три дня.

Первого февраля Кох спохватился: слишком угрожающим стало положение в Кенигсберге. Из имения Нойтиф последовал приказ: всем членам правительства Пруссии возвратиться из Пиллау в столицу. Группу чиновников, подлежавших насильственному возврату в Кенигсберг, возглавил доктор Гофман. Впрочем, пользы от их возвращения не было решительно никакой: назначенный начальником обороны города крайсляйтер Вагнер, фюрер Кенигсберга, - объявил несуществующими все городские учреждения и сосредоточил в своих руках всю полноту власти.

Надо отдать должное воле, настойчивости и распорядительности Вагнера: ему буквально в течение нескольких дней удалось восстановить подобие порядка.

Здание штаба «Рабочего фронта» - оно находилось между городским архивом и Домом радио - стало штаб-квартирой Вагнера. Жил фюрер в подвале Дома радио. Напротив, в здании имперской почтовой дирекции, расположился штаб начальника гарнизона генерала Лаша.

Теперь радиостанция Кенигсберга работала круглосуточно. Игривые, сентиментальные мелодии сменялись истерическими призывами нацистских деятелей. По нескольку раз в день звучал в репродукторах властный, самоуверенный голос Вагнера: фюрер призывал сограждан к сопротивлению до последнего вздоха.

Все население города было мобилизовано на строительство оборонительных сооружений. Одновременно проводилась эвакуация горожан в Пиллау: ежедневно грузовики вывозили туда тысячи горожан. Отказ от эвакуации грозил голодной смертью - тот, кто ослушался приказа, лишался продовольственного пайка.

Ежедневно выходила на маленьком листке газетка «Пройсиш цайтунг».

«Война не проиграна, победа придет!» - кричали заголовки.

Люди равнодушно отворачивались от газетчиков. Паника, разгул, бесшабашная удаль сменились тупой усталостью и безразличием обреченных...

- Все это не означает, товарищи офицеры, что победа достанется нам легко, - резюмировал начальник штаба, когда Сергеев кончил доклад. - Борьба предстоит жестокая, хотя, разумеется, все, о чем говорил здесь старший лейтенант, в значительной степени облегчит нам выполнение задачи...

9

- Олег Николаевич, к вам посетитель. Доктор разрешил, - проговорила санитарка. - Только с условием: долгих разговоров не заводить.

Следователь Резвов запросто присел на койку и, поглядывая на часы («Пока доктор не гонит», - весело пояснил он), коротко рассказал Олегу Николаевичу, как тот очутился в госпитале.

Сергеева нашли в развалинах большого дома с пробитой головой. На его счастье, начали разбирать высокую, чудом уцелевшую стену, которая могла обрушиться на прохожих. Иначе бы и не заметили! Там, где неизвестный ударил Олега Николаевича, была найдена фотографическая карточка.



¹⁶ Мы старые обезьяны,
Мы - новое оружие!

- Вот почему он так уговаривал меня... - задумчиво промолвил Сергеев.

- Кто? - переспросил следователь.

И тогда Олег Николаевич торопливо и сбивчиво рассказал о встрече на Витебском вокзале и у Пушкинского дворца, о своем «случайном» попутчике.

- Да-а, трудная задача. Ладно, будем искать. А вы лежите себе спокойно, отдыхайте, набирайтесь сил, - закончил разговор Резвов.

Здоровье Сергеева шло на поправку. Он иногда даже вставал и делал несколько неуверенных шагов по комнате, подходил к окну, за которым не видел ничего, кроме развалин, потом поворачивался к зеркалу, прикрепленному к стене. Оттуда на него смотрело сухощавое лицо с резко очерченными крыльями носа, с залысинами над высоким лбом.

«Сегодня хочу поговорить о главном - об Анне, - записывал он вечером в тетрадку, неожиданно ставшую дневником. - Короткий у нас был разговор и только «деловой», а все-таки теперь я понимаю, что встреча эта для меня очень важна. Не знаю, почему, наверное оттого, что мы оба одиноки, у меня такое ощущение, что нас что-то связало. Впрочем, почему я решил, что и она одинока?..»

Напишу ей сегодня же, непременно. Адреса не знаю, как не знаю, нужны ли ей мои письма и я сам. И все-таки отправлю письмо сегодня же».

Январским утром Олегу Николаевичу, наконец, вручили долгожданный ответ.

«Известие о том, что Вы в Кенигсберге, огорчило, обрадовало, встревожило и обнадежило меня - все одновременно, - читал он разбегающиеся строчки. - Огорчила и встревожила Ваша болезнь, подробности которой Вы не сочли нужным объяснить. Обрадовало и обнадежило, что Вы поправляетесь и скоро начнете поиски янтарной комнаты. Я верю тому, что Вам и Вашим новым друзьям будет сопутствовать удача. Желаю Вам больших-больших успехов, дорогой Олег Николаевич.

Обо всем остальном позвольте пока не говорить. Скажу лишь одно - мне тоже хочется видеть Вас, сама не знаю, почему. Ведь до войны мы были не очень-то близкими знакомыми, а последняя встреча оказалась слишком короткой, чтобы как-то изменить наши отношения. Впрочем, «наши отношения» звучит чересчур громко. Их нет, этих отношений. Просто, видимо, мы устали после войны и слишком одиноки. Нет, и это не так. Словом, отложим разговор до встречи. А пока - желаю выздоровления и успехов. Пишите мне. *Анна Ланская*».

Ничего не было особенного в этом коротком и, пожалуй, даже просто деловом письме. Впрочем, деловом ли? Давно кто-то сказал, что письма, во-первых, должны читаться лишь теми, кому они предназначены, и во-вторых, их следует читать между строк. Сергеев помнил старинный афоризм и попытался применить его в данном случае. Он читал и перечитывал ровные строки, пытаясь отыскать в словах нечто большее, чем просто человеческое участие и обычное проявление вежливости. То ему казалось, что он находит это «большее», то, огорченный и обиженный, - чем, он не знал и сам, - Олег Николаевич откладывал письмо в сторону, чтобы минутой спустя снова взять его.

К вечеру он решил окончательно: нет, письмо как письмо, вполне дружеское и приветливое, но никак не больше.

И этот вывод - он сразу понял - несказанно его огорчил.

В самом деле, когда человеку давно перевалило за тридцать, а он все еще остается один, его особому тянет к ласке, к душевному теплу, к тем, на первый взгляд незаметным, проявлениям внимания, заботы, чуткости и ласки, которые может ему дать, видимо, только женщина.

Когда человеку перевалило за тридцать, он не спешит с определениями, не ищет названия каждому своему чувству. Он уже понимает ту простую истину, что не каждому чувству можно дать название. Сергеев понимал это. Но понимал он и другое: произошло нечто такое, что связало его с Ланской, что тянуло его к ней. И сейчас он смятенно перечитывал короткие строки, упрямо отыскивая в них тот смысл, который хотелось бы ему найти: хотя бы немного большее, чем проявление простого участия,

10

С вечера оформив документы, Сергеев переночевал в последний раз в госпитале и вышел оттуда ранним утром.

Еще не начинало светать. Высоко над городом висела широколицая луна. Ее прозрачное голубоватое сияние струилось над Кенигсбергом, казавшимся совсем безлюдным и пустынным. Мертвые остовы зданий пугали черными глазницами окон. Груды кирпича и щебня, похожие на терриконы пустой породы возле шахт, уныло громоздились вокруг. Над ними свистел пронзительный ветер. Казалось, жизнь навсегда замерла в разбитом, разрушенном, поверженном в прах городе.

Сергееву вспомнилась прочитанная недавно в газете фраза не то американца, не то англичанина: «Русским понадобится не менее ста лет, чтобы восстановить Кенигсберг, если они вообще в состоянии окажутся сделать это».

«А может быть, они правы? - подумалось Олегу Николаевичу. - Ведь город придется строить, в сущности, заново. Это даже труднее, чем создавать его на ровном месте: сколько развалин придется снести, сколько вывезти щебня, кирпича, обломков, мусора!»

Он медленно шагал по улице, которая (ему сказали об этом в госпитале) вскоре должна была получить - впрочем, как и многие другие улицы, - новое, русское название. Ее предполагалось переименовать в Сталинградский проспект.

Олег Николаевич и не заметил, как стало почти совсем светло. Он порадовался этому: хотелось поскорее осмотреть город, вспомнить места, знакомые по той памятной, довоенной поездке и по второму, еще более памятному, пребыванию здесь.

Улица была неузнаваемой.

По обеим ее сторонам тянулись все те же обгорелые, угрюмые «коробки», тротуары были покрыты груды битого кирпича, и только посередине улицы оставалась узкая полоса, по которой двигались и пешеходы, и редкие автомашины. Лишь возле большого парка стояло чудом уцелевшее здание, тускло поблескивавшее огоньками коптилок. А рядом, напротив и дальше тянулись руины, путая своим видом - жалким и грозным одновременно.

Послышались голоса. Сергеев ускорил шаг, заметив, что впереди завалы немного расчищены и именно оттуда доносится неторопливая русская речь.

Увидев нескольких человек у почти целого дома, он подошел к ним.

- Что делаете, товарищи?

- Сено косим, разве не видишь? - насмешливо отозвался хриплый басок.

- Я не о том, - смутился Олег Николаевич. - Я хотел спросить, что тут будет?

- А... Нездешний, видно?

- Нездешний, - ответил Сергеев, не удивляясь тому, что встретил людей, уже считающих себя здешними, чуть ли не коренными жителями города.

- Понятно. Кино здесь будет. Название ему уже дано: «Заря». Хорошее будет кино. Приходи через, месячишко-другой, сам увидишь.

Сразу стало легче почему-то. Уж если начали строить кинотеатр, значит за восстановление принялись всерьез, по-настоящему. Значит, правда «город, - будет!», и будет, наверное, скоро.

Его внимание привлекла огромная площадь - знаменитый Эрих-Кох-плац, где проходили нацистские празднества. Ровное, утоптанное множеством сапог поле оставалось гладким и почти незамусоренным. По-прежнему над ступенчатыми трибунами высилась унылая четырехугольная башня, увенчанная гигантским орлом с распростертыми крыльями.

Четырехэтажное здание бывшего министерства финансов оказалось нетронутым. У входа маячили фигуры часовых.

И памятник Шиллеру оказался на прежнем месте. Подойдя поближе, Олег Николаевич увидел, что вся фигура побита и иссечена осколками, а голова памятника еле держится на изувеченной снарядами шее. «Можно привести в порядок, - окинув фигуру наметанным взглядом, подумал искусствовед. - Все можно. До всего со временем дойдут руки».

Он почти забыл о театре, прекрасном по внутренней отделке, хотя и неуклюжем снаружи. Обернувшись, Олег Николаевич с горечью увидел, что на месте театра высится закопченная развалина. «Сгорел. Одни стены остались. Жаль!»

Оглядев сгоревшее здание главной почтовой дирекции, рядом с полицайпрезидиумом (последний избежал серьезных повреждений), зияющую провалами окон коробку городского архива и выгоревший изнутри Дом радио, Олег Николаевич вышел на площадь перед Северным вокзалом.

«Площадь Трех Маршалов» - так называли ее горожане. Новое название уже существовало в проекте решения местного органа власти - площадь Победы, - но пока бытовало это, и даже немцы привыкли к нему, не решаясь называть площадь по-прежнему.

Раньше площадь была совсем невелика. Она занимала лишь пространство перед зданием вокзала, а дальше начинались строения знаменитой Кенигсбергской ярмарки. Теперь перед руинами бывшей городской ратуши лежали ставшие привычными для Олега Николаевича груды кирпича и щебня, занимая всю территорию прежней ярмарки. Только за коробкой ратуши уцелело серое здание да рядом с вокзалом высилось казарменного вида сооружение. На нем висели портреты трех маршалов Советского Союза, от которых и пошло новое название площади.

«От площади сверните налево», - вспомнил Сергеев советы товарищей и усмехнулся: в городе редко называли теперь улицы «по именам», а площадь Трех Маршалов оказалась главным ориентиром в этом лабиринте развалин. «От площади надо ехать в направлении вокзала», «От площади до нас рукой подать», «Пересечь площадь, а потом направо, третий квартал», - так говорили новые горожане.

Пройдя еще метров триста, Сергеев остановился перед домом с высоким крутым крыльцом. Здесь и помещалось управление по гражданским делам, в которое он направлялся (позже ему не раз приходилось бывать там - в здании разместился областной совет профсоюзов).

В холодноватых комнатах уже был народ. Судя по всему, многие из работников здесь же и ночевали - не хватало топлива, обогревать квартиры было трудно. Разнокалиберные столы, стулья, шкафы, собранные, видимо, «с бору по сосенке», составляли все убранство помещений. Было тесновато, но, как видно, сотрудники прочно усвоили принцип: «В тесноте, да не в обиде», - и не жаловались на неудобства.

Немолодая секретарша с усталым лицом проводила Сергеева в кабинет начальника политотдела.

- Денисов, - отрекомендовался, вставая из-за стола, мужчина средних лет, стриженный наголо, с козым шрамом под левым глазом и с глубокими морщинами на лбу, одетый в потертую гимнастерку со следами недавно споротых погон. - Я слышал о вас, товарищ Сергеев, интересовался вашим здоровьем. Вы могли оказать нам немалую помощь. К сожалению, сейчас, очевидно, много сделать уже нельзя. Несколько дней назад умерли доктор Роде и его жена.

Из тех, кто близко знал Роде, в Кенигсберге нашли двоих: директора ресторана «Блютгерихт» Файерабенда и академика живописи Эрнста Шаумана. Обоих пригласили в политотдел.

Через несколько дней приехал и профессор Барсов.

Сергеев в присутствии Денисова долго беседовал с каждым из них. Воспоминания трех очевидцев были противоречивы и путанны.

Вот что сказал Файерабенд:

- Последний раз я видел янтарный кабинет, вернее его детали, упакованные в ящики, 5 апреля 1945 года. Потом, насколько мне известно, сокровище было вывезено из замка. Естественно, что эвакуировать ценности из Кенигсберга в то время не имелось почти никакой возможности. Значит, вероятнее всего, янтарный кабинет находится где-то здесь. Таково мое личное убеждение.

Академик живописи Эрнст Шауман заявил:

- В октябре 1944 года я встречался с доктором Роде, интересовался судьбой янтарного кабинета. Господин доктор сообщил мне под большим секретом, что готовится вывоз кабинета в Саксонию. В январе 1945 года мы вернулись к этому разговору, и Роде сказал, что кабинет находится там, где предполагалось. Я понял это заявление так, что сокровище вывезено в один из саксонских замков. Вероятно, более точные сведения мог бы сообщить художник-реставратор Ганс Шлехт, который был ближайшим сотрудником доктора Роде. Я знаю, что перед окончанием войны он служил в полицейских частях, потом находился в лагере, но в настоящее время его судьба мне неизвестна.

Более значительными оказались сведения, сообщенные профессором Барсовым.

- Когда я работал с доктором Роде в 1946 году, он неоднократно подводил меня к бункеру на улице то ли Штайндамм, то ли Лангерайе и говорил, что здесь скрываются большие музейные ценности. Но так как вход в нижний этаж бункера оказался заваленным, то требовались значительные работы по расчистке, которые все время откладывались. Кроме того, я неоднократно спрашивал Роде, есть ли там картины. И каждый раз он отвечал мне: «Картин там нет». Это меня успокаивало. Как я уже имел возможность подчеркивать не раз, я, к сожалению, интересовался только картинами. Все остальное как-то не затрагивало по-настоящему моего внимания, не вызвало интереса. Теперь я понимаю свою оплошность, но, к несчастью, это прозрение пришло слишком поздно.

Денисов, Сергеев и Барсов поехали по улицам разрушенного города. Барсова просили указать хотя бы приблизительно место расположения бункера. Но все оказалось бесполезным. Профессор сокрушенно качал головой и тихо, виновато говорил:

- Я не узнаю города. И память стала не та, и развалины как-то выглядят по-иному. Не узнаю, товарищи, извините меня, старика.

Попробовали ходить пешком по тем же улицам, заглядывая в каждый двор, обследуя развалины и подвалы. Порой Барсов оживлялся: ему казалось, что он, наконец, нашел то место, где беседовал с Роде. Но проходила минута, вторая, и Виктор Иванович, безнадежно махнув рукой, отвечал на безмолвный вопрос Денисова:

- Нет, товарищи, снова не то.

Наконец профессора оставили в покое - поняли, что вспомнить все он просто не в состоянии. Виктор Иванович собирался уже уезжать обратно в Москву, но перед отъездом, непривычно возбужденный и встревоженный, снова пришел к Денисову.

- Дмитрий Георгиевич, я вспомнил. Вспомнил!

Профессор упал в кресло. Денисов бросился к нему со стаканом воды. Он опоздал. Барсов побледнел, холодный пот выступил у него на лбу, глаза стали мутными, а дыхание прерывистым.

- Врача! - крикнул Денисов.

У Барсова начался сильный сердечный приступ. Его поместили в госпиталь, совсем недавно покинутый Сергеевым.

А сам Сергеев в тот же вечер получил телеграмму, которая его тоже основательно встревожила:

«Жду вашего приезда как можно скорее. Вы мне необходимы. Ланская».

Одновременно пришло и письмо. Кандидата наук Сергеева вызывали на работу в Ленинград.

Но Сергеев не мог уехать сейчас, как ни рвалась его душа к Ленинграду, как ни тянуло его к Анне.

Отправив Ланской ответную телеграмму, - что случилось и можно ли повременить немного? - Олег Николаевич стал ждать новой весточки.

Потянулись долгие дни, бессонные ночи, полные мучительных раздумий о янтарной комнате, о Ланской, о том, как сложится их жизнь.

Через три дня, встретившись с Олегом Николаевичем, как обычно, поутру, Денисов молча протянул ему узкий листок серой бумаги. Сергеев прочитал:

«Дорогой Дмитрий Георгиевич! Снова виноват перед Вами, хотя на сей раз это от меня и не зависело. Не смог рассказать Вам лично и не могу дожидаться часа, когда вывернусь из рук эскулапов. Поэтому пишу».

Вынужден огорчить Вас. Я действительно кое-что вспомнил. Но вспомнил вещи весьма неутешительные.

Дело в том, что, побывав в замке в день первого своего приезда сюда, в Кенигсберг, 20 апреля, я заходил в то помещение, где размещалась янтарная комната. Только сейчас меня осенило: это была именно она! Тогда такая мысль не приходила в голову. Там я увидел следы большого пожара: на полу толстым слоем лежала масса пепла, торчали обломки обгорелых досок, а порывшись в прахе, Я выудил оттуда две медных навески для дверей. Тогда я не придавал этому значения. Теперь я твердо убежден: навески были точно такие же, как в Екатерининском дворце, если судить по фотографиям. Очевидно, янтарная комната сгорела. Кстати, красноармейцы в беседе со мною заявляли, что 9 и 11 апреля они не заметили в замке ничего, кроме обгорелых стен.

Итак, к сожалению, я вынужден констатировать, что янтарная комната погибла и поиски ее бессмысленны.

Уважающий Вас В. Барсов».

- Вы помните, что такое метод исключенного третьего? В математике? - неожиданно спросил Сергеева Денисов.

- Нет, признаться.

- Жаль. Хороший метод. Давайте посидим ночку, подумаем, переберем все варианты. Может быть, придем к некоторым выводам.

Они сидели в остывшей за ночь комнате, спорили, пока действительно не пришли к выводам более или менее определенным.

Вот что они решили той зимней ночью.

Есть три предположения о судьбе янтарной комнаты: либо она вывезена в Саксонию, либо сгорела в замке, либо спрятана в Кенигсберге или его окрестностях.

Какой из этих вариантов более правдоподобен?

Можно предположить, что комната вывезена в Саксонию.

На первый взгляд, это вполне вероятно. Об этом говорили Шауман и - первоначально - Файерабенд. Правда, позже он утверждал другое. Известно, что Роде ездил в Саксонию, а затем доносил Кенигсбергскому управлению культуры о том, что место для захоронения выбрано там. Известно, наконец, что часть культурных ценностей из Кенигсберга была действительно эвакуирована в Центральную Германию.

Все это - доводы «за». Но есть и серьезные доводы «против».

Прежде всего, Файерабенд и Шауман путаются в своих показаниях. Так, Файерабенд заявлял, что Роде ездил в Саксонию в октябре и через месяц ящики с деталями янтарной комнаты были вывезены из замка. А потом говорил, что 5 апреля 1945 года он видел ящики с янтарными панно в замке, опровергая, в сущности, самого себя.

По словам академика Шаумана, в январе 1945 года Роде сообщил ему о вывозе янтарной комнаты. Между тем 12 января Роде, как видно из его донесения, лишь приступил к упаковке янтарных панно, а 15 января дороги из Восточной Пруссии в Германию были перерезаны нашими войсками.

Кроме того, Файерабенд рассказывал, что в начале марта Эрих Кох ругал Фризена и Роде за то, что они не успели вывезти комнату, и давал им какие-то указания.

Таким образом, версию об эвакуации янтарной комнаты следует, видимо, считать недоказанной.

Есть второе предположение: детали комнаты сгорели во время пожара 9 или 11 апреля 1945 года.

Об этом говорит профессор Барсов. После пожара от замка остались лишь стены. И там находилась в то время янтарная комната. Она не могла уцелеть.

Но была ли она там?

Скорее всего, нет.

Почему?

Для ответа надо подумать над третьей версией.

Вполне возможно - и даже вероятнее всего, - что комната спрятана в Кенигсберге или его окрестностях.

Доводы таковы.

После приказа Коха спасти комнату во что бы то ни стало Фризен, а затем Роде не могли не предпринять решительных мер. Они должны были выполнить приказ гауляйтера.

Далее. После 5 апреля 1945 года ящиков с янтарными деталями не видел никто. Именно 5 апреля Роде внезапно исчез из замка и не появлялся в нем больше. Не мог же он бросить комнату на произвол судьбы накануне штурма?

Наконец, и это, пожалуй, самое важное, - Роде остался в Кенигсберге. Почему? Как-никак, он был городским чиновником немалого масштаба и имел право на эвакуацию наряду с Фризеном, Гёрте и другими. Личные привязанности? Вряд ли они оставались. Дом Роде сгорел во время бомбежки. Дочь Эльза еще в 1944 году вышла замуж за офицера и уехала к его родным в Центральную Германию. Значит, нечто другое заставило Альфреда Роде остаться здесь. Это «нечто» могло быть одним: преданный своему делу до конца, Роде не мог покинуть сокровища музея, да и разговор в гестапо сыграл, очевидно, свою роль. Пока в Кенигсберге находилась комната, при ней оставался и ее хранитель.

Нельзя не принять во внимание и таинственное поведение Роде, когда он работал с Барсовым, и его исповедь, и его внезапную смерть. Все это доказывает одно: очевидно, янтарная комната и другие музейные ценности скрыты где-то здесь, неподалеку.

- Правильно, Олег Николаевич?

- Наверное, правильно, Дмитрий Георгиевич.

Денисов вздохнул. Сергеев с удивлением глядел на него.

- Очень рад, что и вы это подтверждаете, - сказал Денисов. - Но поиски янтарной комнаты придется временно прекратить.

- Почему же?! - возразил пораженный Сергеев. - Сами же утверждаете, что она где-то здесь, неподалеку.

Денисов невесело усмехнулся.

- Неподалеку, где-то под развалинами. А где? Может, придется все развалины переворосить, чтоб найти тот проклятый бункер или подвал, где она упрятана. Нет, сейчас мы за это по-настоящему не сможем взяться.

Не глядя на подавленного Сергеева, Денисов подробно развивал свою мысль. Наспех организованные поиски янтарной комнаты не удались, это надо признать, как ни печально. Сейчас речь должна идти о систематическом обследовании городских районов, а может быть и всего Кенигсберга. Дело не в простом осмотре развалин. Надо производить раскопки, разбирать разрушенные здания, вывозить мусор. Все это станет возможным, только когда примутся за восстановление города. Пока руки до этого не доходят. Сотни советских городов еще лежат в развалинах, тысячи семей живут в землянках, надо раньше всего им помочь.

Денисов улыбнулся, взглянув на Олега Николаевича, который сидел с опущенной головой и хмурился.

- Когда примемся за восстановление Кенигсберга, ваши знания очень пригодятся. А пока предлагаем вам остаться в должности директора выставки, посвященной штурму города. Согласны, разумеется? По глазам вижу, - шутливо сказал Денисов.

- Нет, - неожиданно резко ответил Сергеев.

- Чин маловат?

- За чинами не гонюсь, Дмитрий Георгиевич. Уезжать мне надо. В Ленинград.

- Понятно. - Лицо Денисова вдруг стало непроницаемым. - В северную столицу, так сказать, потянуло, ко брегам Невы. Что ж. У нас, конечно, ни гранитных набережных, ни Аничковых мостов. У нас - развалины да пепел, щебень да мусор. Сложная обстановка. Не для избалованных натур.

- Ну, знаете ли! - вспыхнул Сергеев. - Я бы попросил выбирать слова! Я четыре года без малого на фронте...

- Слышали эту песенку, - Денисов, кажется, по-настоящему разозлился. - На фронте - одна. А после войны кое-кто прежде времени оттаивать стал, о трудностях забывать. На легкий, на готовенький уют потянуло. Такие из окопов первыми...

Он сам почувствовал, что сгоряча хватил лишку.

- Ладно. Разговор ни к чему. Человек вы беспартийный, удержать вас нечем. Да и незачем, - снова, не удержавшись, кольнул он. - Счастливого пути!

Расстались более чем сдержанно, один - с глухим чувством непоправимости совершенной ошибки, с сожалением о том, что не смог толком рассказать товарищу о настоящих причинах отъезда, другой - с разочарованием в человеке, которому верил, с досадой за свою несдержанность, с запоздалым раскаянием в том, что не сумел душевно, попросту потолковать в эту нелегкую для обоих минуту.

Такими уж были они - замкнутый от непреодолимой застенчивости, сдержанный и скуповатый на слова Сергеев и резкий, прямолинейный, нетерпимый ко многим человеческим слабостям Денисов.

Они расстались уверенные, что судьба вряд ли сведет их снова.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОМНАТА ИЗ «СОЛНЕЧНОГО КАМНЯ»

1

- Итак, решено: создаем комиссию по розыскам янтарной комнаты и других ценностей, вывезенных в наш город гитлеровцами. Председателем назначаем Денисова. В помощь ему - нужное количество людей и техники. Надо приступить к работе немедленно. - Секретарь обкома партии энергичным жестом двинул к себе папку и сел. - Возражений не будет?

Все молчали. Какие могли быть возражения?

Слишком трудными были первые послевоенные годы, чтобы вплотную заниматься поисками янтарной комнаты.

...Сорок пятый. Вместо оживленных некогда кварталов - мрачные, почти фантастические ущелья руин. Не работает водопровод. Нет электроэнергии, городского транспорта, топлива. Нет магазинов, кинотеатров, радио, своей газеты. Нет почти ничего.

Но зато есть люди - работающие, неунывающие, привычные к тяжелому труду советские люди, те, кому партия сказала: «Город должен быть!» И они ответили: «Город будет!» Мерзли в нетопленных комнатах. Получали небогатый послевоенный паек. Жили без развлечений и почти без отдыха работали, возрождая из пепла город. Новый, советский город.

К концу лета сорок пятого дали электроэнергию - пока еще для первых промышленных предприятий и учреждений. Работала одна лишь ГРЭС-1. В ноябре открылся первый универмаг. Начался монтаж автоматической телефонной станции. 19 декабря открылся телеграф - комнатка с чугунной печуркой.

25 декабря... Новый, созданный еще летом Балтгосрыбтрест рапортует обкому партии: выловлены первые сто тонн рыбы...

Но город все еще оставался мертвым. Город с домами без крыш и окон, с обвалившимися стенами, с развороченными улицами.

Мертвого не оживишь. Надо было строить новый, советский город. Имя ему тоже дали новое - Калининград.

В декабре сорок шестого пошел по улицам первый трамвай - ржавый, с выбитыми стеклами, но уже, как-никак, а городской транспорт! Затем появились на расчищенных улицах автобусы. Вступил в строй вагонный завод. Оделись строительными лесами корпуса предприятий, коробки жилых домов; не имея еще своего здания, начал работать драматический театр, в киосках стали продавать свою, калининградскую газету.

Город восстанавливался, город ожил.

Теперь можно было по-настоящему ставить вопрос о возобновлении поисков исчезнувшей янтарной комнаты.

Сразу же после заседания бюро Денисов принялся за архивные материалы. Он еще раз внимательно изучил протоколы, папки допросов, показания свидетелей, копии переписки доктора Роде, справки, донесения, докладные Барсова и Сергеева. Потом он придвинул к себе лист бумаги и составил список лиц, которые хоть что-нибудь знали о янтарной комнате. Их было, к сожалению, не так уж много.

1. Эльза Роде. Дочь доктора Роде. В 1944 году вышла замуж за гитлеровского офицера и уехала к его родным в одну из центральных областей Германии. Местонахождение неизвестно.

2. Доктор Фризен. Провинциальный хранитель памятников Восточной Пруссии. Бежал в Германию. Местонахождение неизвестно. По слухам, жил в Берлине.

3. Доктор Гёрте. Директор исторического музея «Пруссия». Также скрылся. Вряд ли может быть полезен: Роде ему не доверял. А впрочем...

4. Доктор Гергардт Штраус. Был довольно близко знаком с Роде. Кажется, живет в демократическом секторе Берлина. Разыскать во что бы то ни стало!

5. Хенкензифкен. Инспектор музея. Где находится - неизвестно. Пользы от него, очевидно, мало: Роде не делился с ним своими планами, как это видно из сохранившихся документов.

6. Шпехт Иоганн. Художник-реставратор. По сообщению академика живописи Эрнста Шаумана, был одним из приближенных Роде. Находился в советском лагере по проверке гражданских лиц в Кенигсберге. Дальнейшие следы потеряны. Мог быть полезен - и весьма.

7. Некто Руденко. Музейный работник. Советская гражданка. Сопровождала экспонаты киевского музея. Находилась в Вильденгофе. Где она в настоящее время? Могла бы принести большую пользу, как единственная русская среди перечисленных лиц.

8. Лаш Отто-Бернгардт. Бывший генерал от инфантерии, начальник Кенигсбергского гарнизона. Осужден нашим военным трибуналом за военные преступления.

9. Эрих Кох. Бывший гауляйтер. Бежал из Восточной Пруссии. Судьба неизвестна.

Денисов и его товарищи принялись за работу. Они читали немецкие книги, сообща переводили все, что могло пригодиться, рылись в словарях и справочниках.

Начались раскопки в городе. Командир группы саперов старший лейтенант Амелин ежедневно докладывал Денисову о проведенных работах. Солдаты во главе с опытными офицерами инженерно-технической службы откачивали воду из бункеров, осматривали подвалы, блиндажи. Прошли не одну сотню метров ходов сообщения, исследовали десятки развалин, побывали в крепостных сооружениях...

Однажды Денисов пошел в замок.

Неприветливо встретили его мрачные развалины. Ветер выл в проломах стен, сыпал за воротник сухую пыль, то и дело валялись под ноги куски штукатурки, обломки угрожающе раскачивались над головой. Денисов решил составить схему расположения комнат и служб в замке. Это ему не удалось: слишком уж сильно разрушен был шлосс.

Явно не хватало человека, который бы хорошо знал Кенигсберг и мог отдаться поискам всецело, вложив в них не только живой интерес и энтузиазм, но и научные познания.

Живой интерес, энтузиазм и научные познания...

Денисов отодвинул начатое было письмо.

Да, что касается научных познаний, то насчет них сомневаться не приходится. А вот интерес и энтузиазм - это еще как сказать.

Тот последний разговор с Сергеевым не выходил у него из памяти.

Долгие годы партийной работы выковали в Денисове немало совершенно необходимых качеств: внимательность и умение вовремя прийти на помощь человеку, поддержать споткнувшегося, дать ему совет, поправить того, кто ошибся, быстро принять сложное и трудное решение и затем отстаивать его до конца.

Сам же Денисов больше всего ценил в себе нелегко, с годами, давшуюся ему непоколебимую принципиальность.

Но человеку свойственно иной раз не замечать того, как собственные его достоинства иногда, какой-то стороной, оборачиваются и недостатками.

Именно такого свойства была и принципиальность Денисова. Подчас она становилась чересчур уж непоколебимой, и тогда он терял на определенное время способность отличать временное заблуждение и минутную слабость от крутого уклона и слабодушия.

Вот и сейчас, вспоминая тот трудный, нехороший разговор, Денисов снова стискивал зубы: спасовал, струсил, попятился назад Сергеев, и кто его ведает, не повторится ли это снова в тяжкую минуту.

Он не знал, разумеется, того, как мучителен был тогда этот разговор для Олега Николаевича, как, уже сидя в вагоне, он взялся было за чемодан, чтобы вернуться назад, и только вспомнив о телеграмме Анны, удержался в последнюю минуту.

Не знал Денисов и о бессонных ночах, о долгих беседах Сергеева с женой, о том, как жадно пробегал глазами Олег Николаевич каждую страницу выписанной им «Калининградской правды», как, не решаясь сделать первого шага, ждал он вызова и чуть не каждый день грустил, не получая его.

Денисов не знал этого. Но иного выхода он не видел. Он решил пойти на компромисс: посмотрим, изменить решение никогда не поздно, если будут основания.

Отбросив в корзину начатое письмо, он взял чистый лист бумаги и аккуратно вывел на нем: «Срочная. Ленинград...»

2

Сергеев весело, по-мальчишески ухмыльнулся, словно замышлял что-то озорное. Держа перед собой только что полученную телеграмму, он торжественно прочитал:

- «Ленинград. Фонтанка, 31, квартира 12. Сергееву Олегу Николаевичу. Связи поисками янтарной комнаты вы приглашаетесь постоянную работу областной центр. Телеграфируйте, качестве кого могли бы работать. Жилплощадью обеспечим. Денисов». На постоянную работу в Калининград, ты понимаешь, что это значит, Анечка! Я так ждал эту телеграмму! Янтарная комната не дает мне покоя!

- И, значит, искусствовед Сергеев, которому пришлось уже быть и ученым, и разведчиком, и архитектором, и офицером, приобретает новую специальность - следователя. Ты будешь вызывать людей, допрашивать их, выезжать в места, которые нужно осматривать, как выезжают на места происшествий...

Сергеев покачал головой.

- Нет, Анечка, нет. Конечно, это будет и следствие - беседы со свидетелями, поиски их, осмотр возможных мест захоронения. Но не это главное. Ты забыла, что мне предлагают постоянную работу. Разве могут поиски пусть даже очень важного исчезнувшего сокровища стать моей постоянной работой? Работа, которой я займусь, будет и творческой - ведь нужно создавать новый город, надо построить и дома и дворцы культуры, надо на могиле старого Кенигсберга воздвигнуть новый, социалистический город. Понимаешь теперь, почему у меня такой особый интерес не только к янтарной комнате, но и к самому Кенигсбергу?

- Да, теперь понимаю, - серьезно ответила Анна. - И, значит, ты собираешься использовать свое знание старого Кенигсберга, чтоб восстановить его, каким он был?

- Ни в коем случае! Кенигсберг был городом завоевателей и королей, городом воинов, торговцев и мещан. Зачем нам возрождать из пепла средневековые тесные и темные улочки и надменные замки? Новый, социалистический Калининград даже по облику будет мало чем похож на мрачный Кенигсберг. Он будет прекраснее старого Кенигсберга, насколько наша жизнь прекраснее старой...

3

Уже в первом письме Сергеев подробно делился с Анной своими заботами:

«Анечка, дорогая! - писал он. - Если бы ты знала, какое волнение охватило меня, когда я, после такого долгого перерыва, шагал по лежащим в руинах улицам Кенигсберга, где провел когда-то столько интересных и опасных минут! Я вспоминал эти грозные дни, вновь переживал их...

Однако ты не, думай, что я только копаюсь в воспоминаниях, как старик, который живет прошлым. Нет, воспоминания мои конкретны, мне необходимо вспоминать старый город, чтоб творить новый. И в связи с этим у меня сразу же начались нелады. Некоторые товарищи, из тех, кто погорячей и полегкомысленней, вообще считают, что следует поставить крест на планировке старого города. В первые годы восстановления поневоле приходилось заниматься ремонтом того, что лучше сохранилось, а лучше сохранились как раз окраины, а не центр. Окраины, кстати, хорошо распланированы, они полны зелени, там современные дома. Прежний деловой и бюрократический центр, составлявший облик средневекового, фашистского Кенигсберга, и сейчас лежит в сплошных развалинах. Жизнь современного Калининграда сместилась к прежним окраинам, нынешний - временный, так я считаю, - центр расположен у бывшего Северного вокзала, у площади Победы, которую еще называют площадью Трех Маршалов. И вот эти товарищи рассуждают: забудем полностью старый Кенигсберг, создадим новый город, будем строить его на новом месте, а на руинах бывшего центра разобьем скверы.

Я считаю, что это неправильно. Нельзя пренебрегать опытом истории. Старый центр был мрачен и неприветлив, но он сложился не случайно. Мы должны создать наш новый великолепный городской центр, но на старом месте - между Южным и Северным вокзалами, в районе кафедрального собора - такова моя мысль. Знаешь, что меня еще убеждало в справедливости этого? Ведь если мы забросим

старый центр, то там, за рубежом, реваншисты будут спекулировать на этом: вот был какой город, а теперь ничего - трава и скамейки! А мы всему миру покажем, что было раньше, а что - теперь! Не правда ли, широкие улицы, просторные площади, чудесные здания лучше старых кривых улочек без зелени, без света, без воздуха, с мрачными домами и казармами?

Я недавно долго бродил среди руин кафедрального собора, осматривал его огромный зал, постоял и около могилы Канта - она у самой стены собора и взята под специальную охрану государства. Разрушения колоссальны! Я думал о погребенных под развалинами обширных подвалах собора. Не там ли наша янтарная комната? Что ж, очень возможно. Во всяком случае, нужно проверить.

Я, между прочим, познакомился с одним человеком, зовут его Вольфсон. Он еврей, профессор, специалист по Канту, восторженный поклонник его философии. При Гитлере, конечно, Вольфсон был уволен из университета, потом скрывался, просто чудом сохранил жизнь. Он любит Кенигсберг, не захотел отсюда уезжать. Ему предлагали работать при университете, он отказался: у вас, мол, иное отношение к Канту, а переучиваться мне уже поздно. Так вот, Вольфсон спросил меня однажды:

- Правда ли, что вы приступаете к активным поискам янтарной комнаты?

Я ответил:

- Да, правда, А вы что-либо знаете о ней?

- Нет, точно ничего не знаю, - сказал он. - Но слышал, что перед самым штурмом Кенигсберга какие-то сокровища вывезли из королевского замка на полуостров Бальгу, в крепость. Обязательно поищите там, может, это и была ваша янтарная комната.

- Обязательно поищем, - сказал я. - А вам спасибо за сообщение.

И тут, что бы ты думала, он мне дал? Чертеж замка на острове Бальга. Протянул он мне этот чертеж с таким безразличным видом, будто подарил записную книжку или блокнот.

- Может, - говорит, - пригодится...

Ну, конечно, пригодится! Пришлось включить и Бальгу в список мест, которые необходимо обследовать. Этот список состоит уже из многих десятков названий. Каждый день кто-нибудь приходит, вроде Вольфсона, и рассказывает о своих подозрениях или предположениях - нужно раскопать вот этот бункер или подвал, ходят слухи, будто там что-то захоронено.

Мы еще будем монтировать янтарную комнату во дворце, вот увидишь!

Целую тебя. Скупаю.

Твой Олег».

4

В зале заседаний облисполкома яблоку негде упасть. Денисов за столом, покрытым зеленым плюшем, позванивает колокольчиком:

- Прошу внимания, товарищи. Лекцию об истории янтарной комнаты прочтет товарищ Сергеев. Прошу, Олег Николаевич.

Сергеев говорит уже второй час подряд. Никто не напоминает о перерыве.

Янтарю, что добывается теперь на берегах Балтийского моря, не меньше семидесяти миллионов лет.

Тогда, в непостижимой дали веков, побережья хмурой Балтики покрывали могучие тропические леса. Деревья стояли здесь, как гигантские колонны. Временами на море свирепствовали жестокие штормы. Порывы ветра доносились и в сумрачные чащи. Тогда вековые деревья шумели, сталкиваясь ветвями, рокотали глухо и грозно. Синие молнии сплетались в темном небе, стрелами ударялись в болото и, шипя, гасли там. А порой пронесился ураган, и тогда гигантские стволы, вырванные с корнями, валились друг на друга, как воины, поверженные в неравной схватке.

Погубленные бурей деревья заносило топким илом, засасывало песком, они постепенно истлевали... Только кусочки смолы оставались нетронутыми этой вечной работой природы. Они застывали, каменились, становились зернами различных оттенков - от светло-желтого, как мед, до бурого.

Шли годы, века, сотни веков. На заре нашей эры жители этих мест находили в прибрежном песке кусочки янтаря и делали из него украшения. О них повествует в «Одиссее» легендарный Гомер.

Но особенно увлекались янтарем позже, в древнем Риме. Среди римлян господствовало суеверное представление о лекарственных свойствах янтаря, якобы способного излечивать многие болезни. Он был очень дорог. По рассказам Плиния, маленькая фигурка из янтаря стоила дороже взрослого раба. Янтарь можно было обменивать на золото, медь, бронзу, олово - металлы, которые в те времена ценились весьма высоко.

В средние века «солнечный камень» стал предметом оживленной торговли. Лучшие мастера превращали невзрачные на вид бесформенные «камешки» в тяжелые нити массивных женских бус и овальные броши с затейливой резьбой, причудливые гребни и фигурки богов, амулеты и шпильки. Мелкие кусочки янтаря шли на приготовление благовоний: сгорая, они издавали приятный смоляной запах.

Добыча «морского золота» не представляла собой серьезных трудностей, обработка его была сравнительно легкой, а разнообразие цвета, тонов и прозрачности делали янтарь одним из лучших украшений. Но «солнечный камень» отличался хрупкостью, и это требовало при его обработке большого искусства и осторожности. Поневоле приходилось работать очень тщательно, кропотливо, постигать «секреты» ремесла. Создавалась целая школа искусников, изделия которых и теперь поражают нас красотой и изяществом. Возникли цехи янтарных мастеров, изготавливавших неповторимые шахматные фигуры,

флаконы для благовоний, шкатулки и ларцы, пластинки с украшениями в виде орнаментов и даже различных жанровых сценок.

Все чаще и чаще в руки ученых попадались теперь куски янтаря с замурованными в них мушками, жуками, пауками и другими насекомыми. Такие находки ценились очень высоко. Еще бы! Ведь крохотные «мумии» пролежали в своих великолепных «гробницах» десятки миллионов лет. Такой янтарь приобретался не только из простого любопытства, он представлял большой научный интерес. Исследования таких вот кусков янтаря помогли установить виды доисторической фауны, в том числе около 500 видов жуков, 60 видов муравьев, 450 видов двукрылых и огромное количество других насекомых.

Известный философ Иммануил Кант, посмотрев на муху, заключенную в янтаре, как-то сказал: «О если б ты, маленькая муха, могла говорить, насколько иным было бы все наше знание о прошлом мира!»

А великий Ломоносов однажды перевел стихи древнеримского поэта Марциала:

В тополевой тени гуляя, муравей
В прилипчивой смоле завяз ногой своей.
Хоть он у людей был в жизнь свою презренный,
По смерти, в янтаре, у них стал драгоценный.

И до сегодняшнего дня янтарь служит людям. Особенно большой известностью пользуется продукция Калининградского янтарного комбината, который дает стране свыше ста пятидесяти разнообразных изделий из янтаря. Это украшения и шахматы, различные шкатулки и курительные принадлежности, чернильные приборы и много других прекрасных вещей, украшающих быт советского человека.

История мирового искусства знает немало драгоценных собраний предметов из янтаря. Но среди всех них, далеко оставляя позади своих соперников, выделялась янтарная комната Екатерининского дворца-музея, равной которой по исключительному мастерству отделки, красоте и количеству использованного янтаря нет и не было во всем мире.

В семнадцатом столетии феодальные немецкие княжества объединились в единое государство - Пруссию, которая к середине века достигла значительного расцвета.

Первый прусский король Фридрих I считал себя поклонником и знатоком искусства. Стремясь порадовать Европу великолепием своего дворца, он заставлял придумывать все новые и новые украшения, приказывал сооружать все новые монументы, расписывать небывалыми узорами залы, обставлять их изысканной мебелью. Но всего этого королю казалось мало. Он жаждал чего-то сверхъестественного, необычного, такого, что могло потрясти мир, изумить его роскошью.

- Я хочу иметь в своем дворце то, чего не имеет ни один король мира! - настойчиво повторял Фридрих своим министрам.

- Я хочу! - гневно твердил властитель Пруссии. И десятки придворных ломали головы: как угодить своему повелителю?

Трудно сказать, кому пришла на ум спасительная идея, но она пришла!

- Ваше величество, надо создать комнату, целиком отделанную янтаре. Только ваши владения богаты этим морским сокровищем, и никто не сможет сравниться с вашим величеством в красоте дворца, если стены зала, будут украшены «солнечным камнем», - предложил однажды королю министр двора.

- Да, это отличная мысль! - подхватил Фридрих.

И придворный архитектор Андреас Шлютер предстал перед королем. Склонив голову, он выслушал приказ: во дворце Монбизу украсить кабинет. Янтарь брать в придворном цейхгаузе. В расходах не стесняться.

Работа началась.

Шлютер пригласил к себе в помощники мастера Гофрина (Готфрида) Туссо родом из Данцига, служившего в ту пору при датском королевском дворе. Туссо отвели мастерскую во дворце, где шлифовали янтарь, а Шлютер тем временем готовил рисунки-эскизы оформления. Вскоре король одобрил их, и работа закипела полным ходом.

К 1709 году янтарный кабинет был готов.

По всем его стенам и потолку шли широкие панно из янтаря, местами украшенные овальными медальонами с выпуклыми узорами и вензелем короля в центре - «F. R.» («Фридрих Рекс»¹⁷).

На каждой стене установили в богато убранных рамах прямоугольные зеркала, а между ними - овальные, в более легком оформлении.

Чтобы световая игра янтаря была как можно более эффектной, Шлютер подложил под прозрачные янтарные пластинки листочки серебряной фольги.

Рамы зеркал и центральной части вертикальных панно состояли из янтарных разноцветных выпуклых композиций. На них были изображены плоды, листья, гроздья винограда, уродливые морские чудовища, эпизоды да сказок.

Кроме того, повсюду размещались янтарные пластинки с искусными гравюрами, сделанными так тонко, что эти крохотные картинки, преимущественно из жизни рыбаков, можно было лишь с трудом рассмотреть через увеличительное стекло

¹⁷ Фридрих-король.

Король Фридрих, осмотрев янтарные панно, пришел в восторг и приказал разместить кабинет в парадных комнатах дворца королевы в города Потсдаме.

И тут Шлютера и Туссо постигла беда: через несколько дней янтарные панно неожиданно рухнули.

Туссо обвинили в государственной измене и заключили под стражу. Шлютера изгнали из страны.

Детали оформления янтарного кабинета были сложены в ящики. Началось следствие. Пока оно шло, в 1713 году Фридрих умер.

На престол вступил его сын, Фридрих-Вильгельм I.

Расчетливый и мелочный, не интересовавшийся ничем, кроме армейской муштры, он презрительно именовал профессоров «чернильными душами». По мнению короля, известный всему миру философ Лейбниц был «никуда не годным человеком, который не способен даже стоять на часах». Король запретил иностранным ученым и художникам въезд в страну, многих профессоров уволил, остальным снизил жалование, пытаясь заставить их играть унизительную роль шутов при своем дворе.

Вполне понятно поэтому, что в царствование Фридриха-Вильгельма I детали янтарного кабинета оставались спрятанными в кладовой.

Начало XVIII века было временем бурных политических событий в Европе. Тогда на международной арене появился исполин, которого приходилось уважать или по крайней мере хотя бы считаться с ним, - поднимающаяся Россия. В 1709 году Петр I под Полтавой разгромил «непобедимую» шведскую армию. Победы Петра не только принесли славу России, но и коренным образом изменили расстановку сил в Европе.

В глазах многих политических деятелей того времени Петр стал героем. Бранденбургско-Прусское королевство, которое Маркс характеризует как «смесь деспотизма, бюрократии и феодализма», искало с ним союза.

Великое посольство Петра, прибывшее в 1716 году в Берлин, было встречено с почетом. Фридрих-Вильгельм, по натуре скупой, расчетливый человек, не знал как отблагодарить русского императора за победу над Швецией, спасшую Пруссию от гибели.

Во время осмотра резиденции короля Пруссии в Потсдаме Петр обратил внимание на янтарную комнату, которая незадолго до этого была восстановлена немецкими янтарных дел мастерами.

В знак уважения и признательности Фридрих-Вильгельм преподнес в дар Петру чудесное произведение искусства. Это был политический, дипломатический дар - плата за безопасность восточных границ королевства, дань уважения подвигам русских солдат, полководческому гению Петра и русских генералов. Прусское правительство приобретало в лице России мощного союзника.

Петр высоко оценил подарок. «Получил преизрядный презент ..» - писал он жене.

Так янтарный кабинет стал достоянием русского государства.

Существует легенда о том, что якобы Петр купил у Фридриха-Вильгельма янтарный кабинет, расплатившись пятьюдесятью пятью рослыми рекрутами.

Это предположение, однако, не подтверждается никакими документами. Правда, известно, что в 1718 году - через два года после получения кабинета! - Петр отправил Фридриху-Вильгельму с камерюнкером Толстым пятьдесят пять солдат, токарный станок и бокал собственной работы. Но это следует рассматривать только как ответный подарок, но не как плату за янтарное сокровище.

В конце XIX века русский архивариус К. Щученко обнаружил в архиве «Дело о присылке от Прусского короля в дар Государю Петру I Янтарного кабинета 1717 года генваря 13 дня».

В деле находится несколько любопытных документов.

Так, здесь хранится «Роспись янтарной каморы, которую Его Королевское Величество Прусское Его Царскому Величеству презентовать изволил».

Как видно из «Росписи», янтарный кабинет «состоит в следующих штуках:

1. Две большие стенные штуки, в коих две рамы с зеркалами.
2. Две таковые же штуки, при которых токмо одни поуже рамы.
3. Четыре таковые же штуки стенные, немного поуже и каждая с отдельными зеркалами.
4. Два крыла пошире и еще два немного поуже. 12 штук все одинаковой равной величины.
5. Четырехугольная доска, обложенная янтарем, изготовленный щит с большой главой. Большая голова на дереве, седм малых голов, 14 изготовленных тулипанов, 12 роз, три штуки с раковинами, двоим изготовленные замки.

Вышеозначенные янтарные вещи в 18 больших и малых связках находятся. Берлин, 13 генваря 1717 года. Иоганн Вильгельм Меерман».

Кроме того, в деле есть наставление о том, каким образом следует распаковывать украшение. Этот документ называется: «Не в пример данное обучение, каким образом потребно Янтарный кабинет вынимать и что при этом следует смотреть».

В нем подробно описано, как нужно распаковывать каждую «штуку». Например: «Все тюки подписанных «обен» или «вверху», когда все ящики из соломы или укладки вынуты, то надлежит смотреть, чтобы верхнюю сторону всегда поднимать». Или: «Все ящики крепкими трубами назади укрепить крепко, оные наперед растробовать и ящик положить на сторону, где были трубы, ибо сие есть нужнее дня».

Эту инструкцию подписали некие И. Меерман и И. Шванн. Внизу сделана приписка: «Мастер, который сей янтарный Кабинет изготовил, называется Гофрин Туссо, а живет в Гданске».

Янтарный кабинет отправили в Россию на подаренной королем яхте, но Петр, беспокоясь за судьбу подарка (яхта была старая), уже через несколько дней пишет обер-гофмейстеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину:

«Монсеньор! Когда прислан будет в Мемель из Берлина от графа Алексея Головина кабинет Янтарной (который подарил Нам королевское величество Прусской), и оный в Мемеле приими, и отправь немедленно через Курляндию на курляндских подводах до Риги с бережением с тем же посланным, который Вам сей указ объявит, и придайте ему до Риги на пищу денег, дабы он был доволен, и естли будет требовать под тот кабинет саней, и оныя сани ему дайте.

Из Амстердама, генваря в 17 день 1717 года. Господину Бестужеву в Курляндию».

Янтарный кабинет при жизни Петра оставался уложенным в ящики. Император очень гордился им и мечтал увидеть янтарные украшения на стенах своего дворца. Но царю не суждено было дожидаться этого дня. В 1725 году Петр I умер.

При императрице Екатерине I янтарные панно наконец извлекли из ящиков. Знаменитыми украшениями одели стены одной из комнат Зимнего дворца. Она стала местом приема послов, местом царских аудиенций и всевозможных торжеств. Пришлось дополнительно закупать янтарь - комната оказалась значительно большей по размерам, чем та, для которой предназначалось творение Туссо и Шлютера.

В 1753 году, по неведомой причине, янтарный кабинет снова разобрали и упаковали в ящики.

Его новая жизнь началась только при императрице Елизавете Петровне, которая решила приступить к перестройке летней резиденции царей - Екатерининского дворца.

Более двух столетий Царское Село было излюбленным местом летнего отдыха русских государей. Самые талантливые архитекторы и живописцы, скульпторы и садоводы трудились здесь над созданием великолепных дворцов и парков. В этом колоссальном труде принимали участие сотни гениальных русских мастеров, выходцев из народа. Именно их руками созданы в Царском Селе замечательные архитектурные сооружения, которые принесли маленькому городку под Петербургом мировую славу.

Но наивысшего размаха строительство императорской резиденции достигло во времена, когда здесь трудился один из самых выдающихся русских зодчих обер-архитектор Варфоломей Варфоломеевич Растрелли.

С 1751 года Растрелли возглавил все строительные работы в Царском, а затем в течение шести лет полностью перестроил дворец, сооруженный по проекту А. В. Квасова. Фактически Растрелли спроектировал совершенно новое здание.

Гениальный архитектор вложил в строительство дворца и в отделку его внутренних помещений все свои недюжинные творческие силы и талант.

Пять одинаковых корпусов с белоснежной колоннадой соединялись между собой легкими, сквозными, как бы просвечивающими насквозь галереями в единое целое. Небывалой пышностью, причудливостью и выдумкой отличались эти галереи. Каждому, кто смотрел на них впервые, могло показаться, что все они одинаковы. Но стоило взглянуть пристальнее, и это обманчивое впечатление исчезало. Становилось очевидным, что каждая стена - самостоятельное произведение искусства. Правда, между высокими арками располагались простенки одинакового размера, но зато их декоративное оформление становилось все богаче и разнообразнее по мере приближения к центральной части дворца. Белые полуколонны то стояли парами, то раздвигались, то сменялись портиками с изогнутыми в виде лука навесами-фронтами. Золоченые скульптуры почти целиком закрывали пространство между полуколоннами и зеркальными окнами дворца. По всему фасаду сверкало золото украшений, и казалось, что сами стены состоят лишь из одного света, что они лишены всего вещественного, тяжелого.

А если посмотреть на фасад сбоку, то золоченые украшения и статуи, решетки внизу окон, позолота верхних частей колонн и ослепительная белизна самой колоннады, зеркальные отблески стекла, игра бирюзовой окраски стен - все это походило на одно сплошное пышное, разноцветное, почти прозрачное кружево. Чудом архитектурного искусства, драгоценной жемчужиной России называли дворец восхищенные современники.

И поставили дворец на вершине холма - он виден был издали, и сверкал, как драгоценность, для которой, по выражению одного из современников-иностранцев, к сожалению, не сделали футляра, чтобы уберечь от порчи.

Но изумление и восторг всякого, кто приходил сюда, беспредельно возрастали, когда он оказывался во внутренних помещениях. Здесь Растрелли, казалось, превзошел самого себя.

Весь второй этаж представлял собой цепь парадных комнат, так называемую Анфиладу, которая начиналась от «Корпуса под звездой» и доходила до последнего флигеля, где размещались жилые помещения.

Каждая из нескольких десятков парадных комнат Анфилады отличалась своей неповторимой красотой.

Кто был творцом всего этого? Квасов? Растрелли? Нет. Они лишь руководили работами, направляли их к одной цели, вкладывали общую идею в труд сотен людей. Подлинными создателями несметных, поразительных богатств, удивительных произведений искусства в большинстве своем остались безымянными - те трудолюбивые, искусные и умелые люди, кого столетиями презрительно называли «мужиками», «быдлом», «хамьем», считая, что они не способны даже понимать красоту и изящество созданных их собственными руками вещей.

Елизавета вспомнила об янтарном кабинете в разгар строительства дворца. В книге одного из первых историков Царского Села Ильи Яковкина содержится интересная запись, относящаяся к 1755 году:

«Ея Величество, в Высочайшее свое присутствие в Царском, через Обер-Архитектора, повелела, Июля 11 дня, Бригадиру Григорьеву, чтоб из Зимняго дома янтарный кабинет, через убиравшего оный янтарного мастера Мартелли, со всякою осторожностью, собрав опять и уложив в ящики, перенести солдатам на руках, в Царское, под присмотром самого мастера и ему опять убрать оным янтарем во дворце царскосельском покой, который Ея Величеством для сего назначен будет».

26 июля семьдесят шесть дюжих гвардейцев двинулись в трудный поход из Петербурга в Царское Село. Держа на руках ящики, солдаты несли убранство янтарного кабинета. Шесть дней двигалась не спеша необычная процессия. Первого августа прибыли на место, а в сентябре Мартелли под руководством Растрелли закончил работу. Бывший янтарный кабинет отныне стал янтарной комнатой Екатерининского дворца.

Трудная задача досталась зодчим. Комната, «назначенная для сего Ея Величеством», оказалась значительно выше, чем берлинская, вместо одной двери в ней было три, да еще три окна. Янтаря не хватило, расположить панно в прежнем порядке не удавалось из-за различия в планировке. Не хватало и центральной рамы - для симметрии. Делать ее никто не решался.

Растрелли нашел простой, поистине гениальный выход из положения: он заменил недостающий янтарь зеркалами на белых с золотом подзеркальниках в рамах, украсил их золочеными бра. Сделали их русские мастера-умельцы Иван Копылов, Василий Кириков, Иван Богачев.

«Строгость стиля, художественный замысел Шлютера были нарушены, - писал искусствовед Вильчковский, - но «варвар», нарушивший творение «художника», был сам не меньший художник, и поэтому янтарный кабинет, став янтарной комнатой, не потерял в своей художественной ценности. Она органически вошла в гамму парадных комнат дворца, где Растрелли так широко развернул свой талант».

Сам архитектор в перечне своих работ упоминал о ней так: «Большая комната, отделанная великолепной работой в янтаре».

Гений Растрелли дал ему возможность тонко прочувствовать замысел Шлютера и Туссо и в новых условиях создать из их материала по существу совершенно оригинальное прекрасное творение.

Янтарная комната стала главной достопримечательностью дворца.

Один из искусствоведов образно назвал ее «янтарной поэмой».

Западная стена комнаты выходила на плац, огражденный полукруглым зданием циркумференции. Три окна комнаты образовали почти сплошную перегородку. От пола до потолка они сверкали лучшим бемским стеклом. Их верхние части были полукруглыми, внизу поблескивали свежими белилами деревянные панели с золоченым орнаментом. Ослепительно сияли в простенках два зеркала в позолоченных рамах, а над каждым из них висела картина.

В витринах под окнами размещены были предметы из янтаря, подаренные в разное время русским царям.

Пол сначала устилал простой паркет из дуба, ореха, березы. В 1764 году он пришел в ветхость. Тогда паркет заменили новым, изготовленным по проекту архитектора В. Неелова, из ценнейших пород деревьев. Он был отлично отполирован, этот паркет, его сверкание будто сливалось с блеском янтарных стен, с игрой зеркальных стекол.

Южную стену, как и две остальных, почти сплошь покрывали украшения из янтаря. Примыкая к западной стороне, белела дверь с позолоченными украшениями - нарядными и выпуклыми завитками, мелкими гирляндами цветов. Над дверью - сложное деревянное резное украшение, покрытое позолотой - десюдепорт, в середине которого находилась резная женская головка (в восемнадцатом веке такие головки называли буштами). Эта дверь вела в соседний Картинный зал.

На каждой стене было три вертикальных панно из янтаря, между ними - зеркальные пилястры - выступы в форме колонн. На каждом пилястре были укреплены светильники-жирандоли.

Среднее панно, сплошь заполненное кусочками янтаря, шире боковых. В центре - мозаичная картина, одна из четырех находившихся в этой комнате. Крайние панно также покрыты янтарной мозаикой в прямоугольном обрамлении, наверху - овальные зеркала и мозаичные орнаменты. Понизу тянется сплошная янтарная панель.

По верхнему ярусу располагался широкий фриз. Янтаря не хватило, и потому Растрелли решил затянуть фриз холстом, искусно окрашенным под янтарь. Над фризом были установлены золоченые деревянные вазы с цветами, а над каждым пилястром, поддерживая вазы, стояли по две выпуклых деревянных фигурки купидонов. Сравнительно небольшую по размерам комнату освещали 565 свечей. Их желтые блики отражались в теплом золоте янтаря, что создавало неповторимый световой эффект.

Восточная стена была обращена к парковой стороне дворца. Дверь посередине вела в Зеленую столовую. Выше двери - единственный во дворце оригинальный десюдепорт из янтаря. Здесь вертикальных панно было не три, а два - по одному с каждой стороны. Там же располагались картины Панини и мозаика из янтаря. Северная стена точно повторяла оформление южной.

Потолок до 1758 года был простым, белым, с лепным карнизом и паддугой. Но затем, в 1758-1759 годах, живописец Фирсов изготовил для потолка специальную картину-плафон. Однако осталось неизвестным, был ли плафон установлен. В 1855-1858 годах потолок реконструировали и украсили по проекту архитектора Штакеншнейдера. В паддугу ввели золоченые тяги и орнаменты, а в середину вставили картину неизвестного венецианского мастера восемнадцатого века (вероятнее всего - Фоттенбакко). Она

изображала Мудрость, охраняющую Юность. Медальоны вокруг картины сделаны были тогда же академиком Титовым.

Как видно, Растрелли сумел отлично использовать имевшийся у него материал, расположив его так, что все окружавшее «янтарную поэму» своей красотой не превосходило ее, не резало глаз, а казалось лишь легкой рамкой. Создать такое творение могли только великие мастера. Но они и были по-настоящему великими - Шлютер, Туссо, Растрелли!

- Вот какое сокровище мы должны отыскать! - этими словами закончил Сергеев свою лекцию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ФОРТЫ, БУНКЕРЫ, БЛИНДАЖИ...

1

«Калининград, 8 декабря 1949 года.

Я, доктор Гергардт-Фриц-Карл Штраус, родившийся 27 октября 1908 года, начальник отдела изобразительных искусств, музеев и памятников при Министерстве народного образования Германской Демократической Республики, гор. Берлин, сообщаю, что мне известно об янтарной комнате из Детского Села нижеследующее.

Когда фашисты находились под Ленинградом, знакомый мне директор музея в гор. Кенигсберге доктор Роде...»

Сергеев отложил в сторону тоненькую пачку бумаг, исписанных угловатым квадратным почерком, протянул собеседнику сигареты и сказал:

- Я думаю, товарищ Штраус, что документальную, так сказать, часть мы отложим, если вы не возражаете. Конечно, ваши письменные показания чрезвычайно важны, и мы будем просить вас оставить их для комиссии по розыскам комнаты. Но, в конечном счете, письма мы могли бы получить от вас и из Берлина. Сейчас важнее другое: важно - опять-таки, если это не обременит вас, - пройтись по городу, посмотреть основные места, где, по вашему предположению, могла бы находиться янтарная комната.

Штраус слушал, чуть склонив голову набок, стараясь не пропустить ни одного слова. Помедлив секунду, чтобы убедиться в том, что Олег Николаевич закончил, доктор негромко ответил:

- Разумеется, вы правы, товарищ Сергеев. Я весь к вашим услугам.

Штраус встал, прижимая к груди шляпу. Высокий, сутуловатый, он опирался на массивную палку с набалдашником, отделанным старинным серебром.

Они вышли в вестибюль. Сергеев на шаг опередил гостя и распахнул перед ним тяжелую кованую дверь. Теперь они стояли на крыльце бывшего здания министерства финансов, ныне облисполкома.

- Какой маршрут вы намечаете? - осведомился Сергеев.

- Очевидно, кафедральный собор, замок, университет, блиндаж Лаша, - подумав, сказал гость. - Вы не возражаете?

- К острову Канта, - вместо ответа сказал Сергеев шоферу. Он заметил, как у Штрауса удивленно дрогнула бровь.

«Победа» развернулась и понеслась к Сталинградскому проспекту.

- Улица Книпродештрассе, - задумчиво промолвил доктор Штраус.

- Теперь Театральная, - добавил Сергеев. - Театр будем строить заново. Правда, не сейчас. Попозже. Но зато сделаем лучше и красивее, чем он был.

Внезапно Штраус опустил руку на плечо шоферу. Тот притормозил.

- Простите, - обращаясь к Олегу Николаевичу, проговорил ученый. - Я вижу, что памятник Шиллеру на своем месте. Поразительно! Мне говорили, что от него не осталось и следа. Нельзя ли задержаться на несколько минут?

Сергеев распахнул дверцу машины:

- Прошу вас.

Памятник великому немецкому поэту еще не успели реставрировать. В бронзе виднелись вмятины и глубокие царапины, пробоины, ссадины. Штраус молча снял шляпу. Он был взволнован почти до слез. На сером фоне неба отчетливо вырисовывались гордый, вдохновенный профиль поэта, тяжелые складки одежды, грубые очертания башмаков на толстой подошве. Сергеев отошел в сторону, оставив гостя одного. Молчание длилось несколько минут. Потом доктор, не надевая шляпы, вернулся к машине. Шофер нажал на стартер, но Штраус не спешил садиться. Глядя на желтое здание за памятником, он медленно, как ребенок, который учится читать, произнес по складам:

- Об-ласт-на-я биб-лио-те-ка.

- Простите, доктор, - обернулся Олег Николаевич. - Я не понял вас.

- Ничего, товарищ Сергеев. Я просто прочитал надпись на фасаде этого здания. Когда-то здесь был городской архив и Дом радио. Теперь - библиотека...

- И редакция газеты «Калининградская правда».

- Очень хорошо. Спасибо вам, - и Штраус порывисто пожал руку своему спутнику. - Спасибо вам всем, товарищ Сергеев. Теперь я до конца верю, что Кенигсберг будет возрожден. Нет, не так. Я верю, что новый Калининград будет гораздо лучше старого Кенигсберга. Люди, которые умеют ценить культуру, способны на благородные и гуманные дела.

Они миновали площадь Победы, взглянули на широкие витрины универмага в бывшей ратуше и выехали на Житомирскую.

Здесь настроение у доктора, кажется, испортилось. По обеим сторонам улицы тянулись, как и в первые послевоенные годы, успевшие прорасти молодыми деревьями высокие стены разбитых домов. И только кое-где мелькали одинокие здания или просто восстановленные комнаты - одно-два окна на фоне обгорелого кирпича.

- А здесь? Здесь, пожалуй, ничего уже не сделаешь, - не то спросил, не то просто вслух отметил Штраус.

- Если говорить о восстановлении - не сделаешь, - отозвался Сергеев. - Мы это отлично понимаем. Будем строить все заново. Приедете лет через пятнадцать - вы этих мест не узнаете, товарищ Штраус.

На площади Героев - бывший Парадеплац - они свернули налево и почти сразу же очутились перед зданием университета.

Снова с обнаженной, головой стоял доктор Штраус перед стенами, в которых прошла его студенческая юность.

Университет, как и все вокруг, изрядно пострадал в дни войны, но участь его оказалась все-таки счастливее, чем судьба многих соседних домов. Оба фасада и торцовые стены почти не изменили своего вида, только несколько статуй слетело с фронтона и конька крыши да рухнули в некоторых местах междуэтажные перекрытия.

- Что здесь написано? - спросил Штраус, показывая на небольшую синюю табличку, прибитую к одной из колонн. - Переведите, пожалуйста. Я все-таки не слишком хорошо понимаю по-русски.

- С удовольствием, доктор. «Разбирать строго воспрещается. Здание подлежит восстановлению».

И снова доктор с благодарностью пожал руку Олегу Николаевичу.

Выбранный Сергеевым путь давал Штраусу возможность видеть весь старый центр города. Штраус узнавал его с трудом.

- Здесь стоял оперный театр, - задумчиво вспоминал доктор, глядя на чудом державшийся угол здания. - Кенигсбергская опера. На ее подмостках пела партию Леоноры знаменитая Лилли Леман, здесь Адальберт Мацковский играл Гамлета. И вот что от оперы осталось...

Под колесами машины захрохотали железные плиты разводного моста.

- Помните набережную Хундегат? - спросил Олег Николаевич.

- Да. Как теперь она называется?

- Малая набережная. Но осталось, как видите, только название да воды Прегеля.

Штраус посмотрел направо.

- Я помню... Здесь стояли старинные склады. Каждый имел свой герб на каменной плите: бог торговли Меркурий, женщина, кормящая грудью, кит, выплевывающий пророка Иону из своего чрева, пеликан, который разрывает собственную грудь, чтобы накормить детенышей, - эмблема вечного самопожертвования... Да, кстати, товарищ Сергеев, можно мне задать вам один несколько щепетильный вопрос?

- Разумеется. Я к вашим услугам.

- Мне хотелось бы спросить вас вот о чем. Почему вы, да и другие русские товарищи, с которыми мне случалось разговаривать, не только не стараетесь скрыть от меня всех разрушений, но даже как будто охотно показываете их? Ведь вам должно быть известно, какой шум поднят по поводу этих руин, сколько упреков, сколько клеветы, сколько потоков грязи льют всякие там «Союзы за возвращение в Кенигсберг» и прочие организации профашистского толка.

Сергеев минуту помолчал.

- Почему мы не скрываем руин Калининграда? Потому, что не мы в них повинны, не мы привели город в такое состояние, не мы затевали войну. Это главное. А кроме того, уж коли теперь хозяевами стали мы - для чего нам скрывать, с какими трудностями приходится восстанавливать, возрождать, создавать заново этот город? Пусть увидят все, какое нам досталось хозяйство. Пусть увидят, что мы сделаем из него в кратчайший срок. Думаю, что через несколько лет мы не станем вспоминать о развалинах. У нас будет иной метод сравнения: вот каким был старый Кенигсберг до войны и вот каким стал наш новый Калининград теперь. Я уверен - сравнение это будет в нашу пользу!

- Я рад, что приехал к вам, - тихо сказал Штраус. - И очень благодарен, что вы мне показали город.

Машина, осторожно лавируя между горами щебня, выехала на площадь перед разрушенным кафедральным собором.

- А могила Канта? Она, наверное, не сохранилась? - снова обращаясь не то к самому себе, не то к собеседнику, сказал доктор.

Олег Николаевич осторожно взял его под руку:

- Идемте.

Они выбрались через проем окна на левую сторону собора.

Профессор снял шляпу. Сергеев отошел в сторону. ...Строгие четырехгранные колонны розового гранита поддерживали плоскую крышу мавзолея. Снизу колонны опоясывала массивная металлическая решетка старинной работы. Узкая калитка была чуть приоткрыта.

Оглянувшись на Сергеева (тот кивнул: «Да, да, пожалуйста!»), Штраус приоткрыл калитку и по трем плоским ступеням поднялся к могиле.

Высеченный из цельного куска серого камня островерхий саркофаг покоился на постаменте черного мрамора. Над ним на гранитной стене - лаконичная надпись: «Иммануил Кант». И чуть выше - табличка с русскими буквами.

- Здесь написано, - не дожидаясь вопроса, сказал подошедший поближе Сергеев, - здесь написано: «Могила Канта. Охраняется государством».

Они постояли молча. Потом Штраус промолвил:

- Я бесконечно тронут отношением советских властей к памятникам нашей культуры, особенно к могиле Канта! Я знаю, что вы не разделяете его философских убеждений. Тем поразительнее ваш подлинный гуманизм, тем он драгоценней. Спасибо, товарищ Сергеев.

- Ну, мне-то за что, профессор? - смущенно ответил тот.

- Я очень рад, что приехал сюда, - сказал Штраус, - хотя боюсь, что не оправдаю ваших надежд. Вряд ли я знаю о янтарной комнате что-либо такое, чего не знаете вы. Единственное, что я могу вам посоветовать, это очень внимательно осмотреть не только замок и блиндаж Лаша, но и собор. Роде рассказывал мне, что в этих подвалах хранились церковные ценности, и немалые. Он вполне мог воспользоваться таким надежным укрытием, рассчитывая к тому же и на хотя бы относительную неприкосновенность храма господня.

2

Сергеев поднял опухшие от бессонницы глаза и внимательно посмотрел на человека, сидящего поодаль за небольшим круглым столиком. Офицерский мундир германской армии висел на его узких плечах. Над карманами темнели следы от орденских ленточек. Светлые, чуть рыжеватые волосы, тщательно расчесанные на прямой пробор. Светлые глаза - настороженные, недоброжелательные. Нос - тонкий, с едва заметной горбинкой. Плотно сжатые губы.

Олегу Николаевичу на мгновение показалось, что он уже встречался где-то с этим человеком. Где? Немного подумав, он решил: «Нет, не встречался. Просто... ну, тип такой, что ли. Выработавшийся годами тип гитлеровского офицера».

- Прошу рассказать о себе, - сказал Сергеев.

- Хорошо.

Автоматическая ручка забегала по плотному листу бумаги. Офицер говорил кратко.

- Еванский, Густав-Фриц. Родился в 1893 году в Восточной Пруссии, беспартийный, образование высшее, происхождение - из крестьян, жил в Кенигсберге. С 1914 по 1939 год был учителем, затем мобилизован в армию из запаса в чине лейтенанта, направлен на службу в контрразведку «Абверштелле». Майор, участвовал в походах на Польшу и Францию, награжден двумя Железными крестами и медалями. В качестве контрразведчика служил на оккупированной территории - в Белостоке и Познани, затем был переведен в штаб Кенигсбергского военного округа, где занимал ответственный пост в отделе комплектования в тот период, когда советские войска готовились к штурму города и крепости.

Еванский говорил сдержанно, подчеркивая интонацией официальность разговора.

- Расскажите, пожалуйста, что вам известно о пребывании в Кенигсберге в последние месяцы войны гауляйтера Эриха Коха.

- О, я очень мало знал о нем, я ведь был всего-навсего рядовым офицером штаба.

- Но все же?

- В начале 1945 года ставка гауляйтера находилась в Доме радио. Здесь же помещался и фюрер города - Вагнер. Затем Кох некоторое время жил в своем поместье в Юдиттен, это предместье Кенигсберга, знаете? - Олег Николаевич кивнул. - Говорили, что здесь у него были крупные склады продовольствия, хорошо оборудованные убежища. Но вскоре гауляйтер покинул эту резиденцию. Он укрылся в деревне Нойтиф, возле Пиллау, на косе, где, по слухам, постоянно стоял под парами предназначенный для Коха ледокол. Только изредка гауляйтер появлялся в городе. Потом, я слышал, Кох куда-то исчез. Были предположения, что он выехал на ледоколе за границу. О дальнейшей его судьбе я ничего не знаю.

- А где находится янтарная комната?

- Я не понимаю, о чем вы спрашиваете!.. Впрочем, нет, виноват. Кое-что я слышал. Говорят, в замке была какая-то знаменитая комната, возвращенная нами из русского музея...

- Украденная, - спокойно поправил Сергеев.

- Может быть, - вежливо согласился Еванский. - Не знаю. Я солдат. Я всегда предпочитал стоять вне политики.

- В том числе и во времена вашей деятельности в контрразведке? - не удержался Олег Николаевич.

- Я только выполнял свой солдатский долг, - привычно отчеканил немец.

- Ладно. Оставим неуместный спор. Итак, что же вам известно о янтарной комнате?

- Я слышал, что ее осматривали высокопоставленные лица. Но я не принадлежал к их числу. Поэтому видеть то, что скрывалось от посторонних, я не мог. Капитан Гердер, мой приятель, помнится, рассказывал, как гауляйтер учинил страшный разнос музейным работникам в замке за то, что они не захоронили ценности.

- А где, по вашему мнению, можно было в марте-апреле наиболее надежно укрыть сокровища?

- Очевидно, в подвалах замка. Или в убежище Вагнера... Говорят, кое-что гауляйтер припрятал в своих имениях в Метгеттен и Гроссфридрихсберг!

- Товарищ Денисов! - сообщал Сергеев по телефону несколько минут спустя. - Еванский называет те же места, что и Штраус, Файерабенд и другие. Видимо, начинать придется оттуда. Да и блиндаж Лаша тоже. Допросить самого Лаша? Надо бы, конечно. А насчет кафедрального собора потом будем решать...

3

В комнате политпросветработы народу - битком, все табуретки заняты, стулья перетащены сюда из канцелярии.

- Товарищи! Областной комитет партии и командование поручают нам дело большой важности и ответственности. Надо постараться довести его до конца. Что оно собой представляет, расскажет главный архитектор города Олег Николаевич Сергеев. Прошу вас, товарищ Сергеев.

Командир роты вышел из-за трибуны и сел в сторонке. Солдаты с любопытством и волнением смотрели на высокого мужчину в роговых очках: что-то скажет он им сейчас?

- Подземный ход на Берлин разминировать будем! - громко шепнул соседу веснушчатый, говорливый и непоседливый ефрейтер Соломаха, известный в роте как первостатейный выдумщик и фантазер.

- Брехун ты, Иван, - тоже шепотом откликнулся его приятель и земляк Ткаченко. - Какой тебе подземный ход? Выдумки все, никаких подземных ходов тут нет.

- Никаких подземных ходов нет. Ни до Берлина, ни до Черняховска, - словно продолжая уже начатый разговор, громко сказал Сергеев. - Много легенд о нашем городе рассказывают, много небылиц, особенно насчет подземелий и всяких там потайных колодцев. Глупости все это. Конечно, система подземных коммуникаций существует, как и в любом городе. Есть и подземные сооружения возле фортов. Но не столь уж они велики, как расписывает молва. Я хочу рассказать вам совсем о другом.

Сергеев замолчал. Лица солдат стали еще внимательнее.

- Вы знаете что-нибудь о янтарной комнате?

- Я ее видел! - воскликнул сержант Павловский. - Я из Ленинграда.

- Очень хорошо. Тогда вы, наверное, дополните мой рассказ своими впечатлениями. А пока попрошу выслушать...



4

Мартовская метель кружила в то утро над городом. Так уже обычно в Калининграде: в декабре льют дожди, под Новый год падают лишь реденькие снежинки - да и то не всегда, иной раз Деду Морозу впору выходить с зонтиком. К февралю ляжет снег и ударят «свириные» по здешним местам - градусов на десять-двенадцать - морозы, потом начнется пурга, пока в марте не подуют с Балтики влажные ветры, слизывая снежный покров.

Метель кружила и кружила. Мокрые снежные хлопья лепились к шинелям, таяли, ложились вновь.

Рота строилась повзводно у ворот замка. Лязгая по мостовой, приполз трактор с установленным на нем небольшим экскаватором. Привезли на

машине ручные помпы, доставили шанцевый инструмент - лопаты, ломы, кирки-мотыги. Командиры взводов получили задание от ротного и развели солдат по местам.

Второму взводу, в котором служили Соломаха и Ткаченко, было приказано раскапывать вход в подвал под бывшим рестораном «Блютгерихт».

- Вероятнее всего, панели янтарной комнаты находились в последнее время именно здесь, товарищи, - негромко говорил Олег Николаевич солдатам. - Поэтому прошу быть осторожнее и внимательнее.

Смерзшийся, слезавшийся кирпич поддавался с трудом. Работать приходилось посменно - одни били ломом и отваливали глыбы, другие грелись у костра, поджидая своей очереди. Так прошло часа три. Вдруг лом, с силой опущенный Ткаченко, глухо ударился о дерево.

- Есть, товарищ лейтенант! - крикнул солдат.

- Теперь только лопатами! - приказал командир взвода.

На помощь поспешили отдыхавшие. Через несколько минут показалась створка массивной дубовой двери, переключенной металлическими полосами.

- Осторожно! Всем войти в укрытие. Проверю сам! - сказал лейтенант.

- Мин нет. Можно взламывать, - сообщил он, повозившись у дверей.

В ход пошли топоры. Сломать дубовые толстенные доски было нелегко. Но удар следовал за ударом, мелкая щепа летела во все стороны, выворачивались ржавые болты. Наконец образовался черный проем, в который мог пролезть человек.

- Разрешите мне, товарищ лейтенант! - попросил Соломаха. - Я маленький, я пролезу. Не то, что мой землячок, - хитро глянул он на угрюмого Ткаченко.

- Пойдет сержант Павловский. С ним... Ну, ладно, с ним вы, Соломаха. Только смотрите, чтобы все было в порядке. Держите фонарик, Павловский. Веревки!

Привязав к поясам концы веревок, солдаты полезли в подвал, подсвечивая себе карманным фонариком. Кольца веревок расправлялись и исчезали вслед за ними.

Олег Николаевич сунул кому-то в руки шляпу и, пачкая о камни новое пальто, тоже полез в отверстие.

- Назад! - схватил его за руку лейтенант. - Здесь я старший, товарищ Сергеев. Придется обождать, пока вернутся товарищи. Мы не можем рисковать, понимаете?

- То есть, как это не можете рисковать? Своими подчиненными не можете. А я... Я вправе поступать так, как считаю нужным в данную минуту!

- Нет. Старший здесь я, и я отвечаю за все, что может случиться, - твердо сказал командир взвода.

- Знаете ли, товарищ дорогой, - запальчиво начал было Сергеев и тут же рассмеялся. - Ну, хорошо, подождем.

Ждать пришлось недолго. Веревки ослабли и в дыре показалось огорченное лицо Павловского.

- Товарищ лейтенант, один пепел да доски какие-то валяются горелые. Пусто.

- Теперь, надеюсь, можно и мне посмотреть? - спросил Сергеев.

Сбросив пальто, он мигом очутился в подвале.

Тьма обволокла его. Пахло сыростью, обгорелым кирпичом, тленом. Шагов не было слышно. Ноги утопали в толстом слое пепла, который взлетал клубами, застилая помещение. Пепел. Что горело здесь несколько лет назад? Что превратилось в этот серый, почти невесомый порошок? Доски от ящиков из-под винной посуды? Пивные бочки? Старинные картины? Драгоценные янтарные панно? Или просто хлам, натасканный в последние ночи полугодными, иззябшими фольксштурмовцами?

Сергеев поднял горсть пепла и медленно пропускал его сквозь пальцы, не замечая, как сереют колени его брюк и полы пиджака.

Пошарив руками, вытащил кусок обугленной доски. В свете фонарика он не увидел на нем ни одного пятна побелее. Уголь и уголь. Ни клейма, ни буквы. Попробуй догадайся, что это было...

Ясным оставалось одно: ящиков с янтарем здесь нет.

Этот вывод подтвердился, когда к вечеру солдаты тщательно простукали все стены, потолки и пол.

Искать следовало в другом месте.

5

- Все в порядке, можете отправляться, - довольно сказал старшина, вручая Соломахе и Ткаченко увольнительные записки.

Мимо дежурного по полку они старательно прошагали в ногу. Миновав проходную, остановились.

- Куда, Михайло? - спросил Соломаха.

- В кино пойдем. В «Заре» сегодня «Встреча на Эльбе» идет, забыл разве? Надо хоть на своих посмотреть, наши ребята снимались.

На автобус сесть не удалось, пришлось шагать до рынка. Впрочем, солдату такие переходы - полтора километра - все равно, что квартал пройти. Вышли к мясокомбинату, подождали «пятерку».

Трамвай не спеша протарахтел по Аллее Смелых, обогнул закрытый на зиму парк возле форта, свернул на улицу Дзержинского, потом долго полз среди развалин, пока не вышел на перекресток у замка. Здесь, как всегда, образовалась «пробка». Водители машин нетерпеливо сигналили, вагоновожатый тоже позванивал, но регулировщик у постаментов, где некогда красовался Бисмарк, пропускал машины вдоль Житомирской и, казалось, не обращал на «поперечных» внимания.

Ткаченко выглянул в приоткрытую дверь и вдруг сказал:

- Выйдем здесь, Иван, по замку побродим. Пока народу нет, посмотрим.

- Все янтар... - начал было Соломаха, но тут же осекся под строгим взглядом приятеля.

- Не болтай лишку. Забыл? - сказал Ткаченко и потянул приятеля за рукав. - Давай выйдем. Там поговорим.

На улице он мечтательно произнес:

- Знаешь, Иван, и в самом деле охота мне эту комнату найти. Вот не слышал я о ней раньше - и душа не болела. А теперь все время хожу и про нее думаю. Красота-то, наверно, какая! А? И ты представь: вдруг найдем! Поставят ее на место и напишут: нашел ее солдат Михаил Григорьевич Ткаченко. Здорово, а?

- Так уж и напишут. Там даже про Растрелли не написали, а ты вон куда махнул - солдат Михайло Ткаченко! Таких Ткаченко на земле знаешь сколько?

- Ладно, ладно, не ворчи. Давай лучше пошукаем.

- Взводный не разрешает поодиночке лазить.

- Так то ж во время работы. А сейчас мы в увольнении.

По обледенелым ступеням они вскарабкались к подножию башни. Лестница делала здесь поворот, едва заметная тропинка вела вдоль стены, мимо полукруглых арок, одна из которых - это уже знали солдаты - была чуть выше и шире остальных и служила воротами во двор.

Пройдя под высоченными, полуобрушенными сводами, покричав и послушав, как гулко откликается эхо, друзья вышли на площадь, замкнутую с четырех сторон облезлыми и обвалившимися стенами.

- Покурим, Иван? - предложил Ткаченко.

Они сели на груды камней, чуть припорошенных рыхлым снегом, и свернули сигарки. По привычке пряча их в рукава шинели, затаились раз, другой.

Ткаченко все время оглядывался по сторонам, прищуривал глаза, словно разгадывая трудную задачу.

- А знаешь, Иван, вот где-то тут подвалы должны быть. Помнишь, лейтенант прошлый раз говорил - скоро на эту сторону переберемся. А что, если сейчас попробовать? Вот хоть эту кучу малость пошевелить.

- Так ни лопаты, ни лома нет. Голыми руками не возьмешь.

- Как нет? Мы же вчера часть ломов и лопат в развалке запрятали, чтобы в роту не носить зря.

Точно! Лом и лопаты действительно оказались на месте.

Копать принялись наугад, там, где только что сидели. Верхний слой щебня и обломков кирпича сняли сравнительно легко, потом пришлось поднатужиться: пошли глыбы покрупнее. Наконец уперлись в серый камень-валун.

- Качнем его, Миша? - спросил вошедший во вкус Соломаха. - Попробуем?

- Давай!

Взялись в четыре руки. Но камень не поддавался. Старались подсунуть под него лом, раскатать - ничего не получалось.

- Может, бросим? - взмолился весь взмокший от пота Ткаченко.

- Я тебе брошу! Сам подговорил, а теперь - бросим. А ну, давай еще! Чтоб два мужика да с каким-то булыжником не справились? Наддай!

Камень качнулся. Сперва он чуть накренился в сторону, потом поддался вверх, снизу появился зазор в палец шириной.

Соломаха мигом вогнал в щель свой ломик. Навалились. И камень не выдержал, дрогнул и отвалился в сторону.

- Вон какого дурака свернули, - довольно сказал Соломаха. - Только проку-то что?

Ткаченко бросил в яму кирпич, потом другой. Прислушались. Кирпичи летели куда-то вглубь.

- Тут что-то есть. - Соломаха озадаченно покачал головой. - Может, до завтра отложим?

- Скажешь - до завтра! Кто тебе разрешит в одиночку лазить? Лучше сейчас попробуем. Вдруг найдем что-нибудь. Попробуем, а, Ваня? - Голос Ткаченко стал почти умоляющим.

Иван для виду поломался, потом сказал:

- Ладно. Спички у тебя есть?

- Есть немного. Хватит. Далеко не пойдём.

- Далеко... Может, там и идти-то некуда.

Первым полез Ткаченко. Он опустил ноги в отверстие, придерживаясь руками за смерзшийся кирпич.

- Давай, давай, - торопил Соломаха.

- Сейчас, не торопись вперед батька в пекло, - серьезно ответил Ткаченко и вдруг, не проронив больше ни слова, исчез в черном провале. Откуда-то издали послышался его крик.

- Миша, ты что? - испуганно закричал Соломаха, нагибаясь над дырой.

- Ничего. Тут скат крутой. Ногой во что-то уперся. Осторожней спускайся.

Они сползли по наклонному цементному полу. Нащупали ногами выступ, задержались. Ткаченко зажег спичку. Рядом друзья увидели рельсы для вагонеток.

- Здорово! Прямо железная дорога! А для чего? Спустимся дальше, - предложил Ткаченко.

- Ладно.

Осторожно, задом, поползли дальше, держась руками за рельсы.

Первым остановился Соломаха.

- Ты что, Иван?

- Ремень наверху забыл. Поясной. Вернуться надо.

- Не пропадет. Народу никого нет. Скоро и так вернемся. Не весь же выходной сидеть будем. Пошли.

Чтобы измерить расстояние, решили двигаться по очереди: сперва спускался один, потом другой, за поминая, сколько «ростов» прошли. Намерили метров тридцать, наконец пологий спуск прекратился и пол под ногами стал ровным.

Зажгли спичку. Они стояли в большой пятиугольной комнате с низким потолком и грубо оштукатуренными стенами, в которые были вделаны непонятного назначения краны и вентили. Пол был выложен квадратными каменными плитами. Слабое пламя спички не позволяло как следует оглядеться, и поэтому приятели решили обследовать каждую стену в отдельности.

Меряя длину шагами, они пошли вдоль комнаты. Ничего интересного не попадалось. Чтобы сэкономить спички, стали двигаться в темноте, держась руками за шершавую поверхность. Вдруг Ткаченко ткнулся лбом в стенку и остановился.

- Ты чего, решил прошибить? - насмешливо спросил Соломаха.

- Тут... тут какая-то дыра, Иван!

Посветили. И в самом деле, прямо перед ними зиял дверной проем. Куда вела дверь - не было видно.

- Давай все стенки обойдем, потом снова вернемся, - предложил Соломаха.

Пошли дальше. И в каждой из пяти стен обнаружили входы неведомо куда.

- Вот так фунт! Этаким манером можно к себе на Полтавщину под землей добраться, - пошутил почему-то не очень весело Ткаченко. - Что ж, поглядим?

- Может, не надо, Миша? - вместо ответа спросил Соломаха.

- Да шагнем немножко, а? Скоро вернемся.

Иван согласился.

Подземный ход петлял, как траншея. Ничего особенного не было в нем, только тяжелые капли воды падали за ворот, гулко отдавались шаги да тянуло запахом плесени и сырости.

- Вернемся? - спросил Соломаха.

- Вернемся. Все равно без фонаря далеко не уйдешь. Ох, нет, погоди. Тут интересное что-то! - вскричал вдруг Ткаченко.

В неверном свете спички они увидели на полу круглую крышку люка с двумя ручками. Потянули - не поддается. Дернули еще раз - бесполезно.

- А если повернуть? Может, завинчивается?

- Попробуем.

Нашли камень, один взялся за ручку, другой стал бить камнем по скобе люка.

- Ага, идет! Давай, давай! - обрадовался Ткаченко.

Еще поворот - и крышку люка вдруг вышибло со страшной силой. Поток холодной воды окатил солдат с ног до головы. Спички унесло струей, и теперь только по звуку можно было понять, что вода бьет вверх широким фонтаном.

- Бежим, Иван! - крикнул Ткаченко и первым бросился назад, придерживаясь за стену. Вода догоняла их, разливаясь по полу. Теперь она доходила до щиколотки и прибывала с каждой секундой.

Перепуганные парни бежали изо всех сил. Вот и начало подъема. Уцепившись за рельсы, они начали карабкаться вверх к спасительному выходу, но вода все прибывала и прибывала, она плескалась совсем недалеко, готовая вот-вот схватить их и унести, как спичечный коробок.

Скорей, скорей! Сейчас покажется светлое пятно входа. Почему его не видно? Соломаха ударился головой о камень.

- Миша! Нас, кажется, завалило!

Он не ошибся. Валун снова стал на свое место. Выхода наружу не было.

6

- Товарищ старшина, в роте вечерняя поверка произведена. Из увольнения не возвратились ефрейтор Соломаха и рядовой Ткаченко. Остальные налицо. Дежурный по роте сержант Павловский.

- Вольно! Немедленно пошлите связного к командиру роты. А я позвоню коменданту. Хотя сомневаюсь, чтобы их задержали: солдаты дисциплинированные. Тут что-то не так, надо разыскивать.

7

Сергеев возвращался домой подавленный. Его обокрали.

Все воскресенье Олег Николаевич провел в областной библиотеке. Ему разрешили порыться в уцелевших немецких книгах, пока еще в беспорядке лежавших штабелями вдоль стен. По словам работников библиотеки, ничего ценного здесь не было: очевидно, наиболее существенное немцы либо вывезли, либо запрятали, так же как музейные экспонаты. И все-таки Сергеев решил потратить несколько дней на «раскопки», как он полушутя называл свое новое занятие.

Второе воскресенье просиживал он в тесной и пыльной комнате, поминутно чихая и кашляя. Перелистав очередной том, Олег Николаевич откладывал его в сторону и брался за следующий. Попадалась, действительно, всякая чепуха: то «научное исследование» по астрологии, то систематическая опись всевозможных видов пауков, обнаруженных на территории Восточной Пруссии, то список имперских чиновников за 1876 год, то трактат о развитии лютеранской и католической церкви. Но в одной из пачек, перевязанных тонкой бечевкой, Сергеев наткнулся на книги, которые заставили его забыть о времени и об усталости. Это были тщательно переплетенные и прекрасно иллюстрированные тома по истории культуры провинции и города. Олег Николаевич принялся внимательно перелистывать их. Стопка слева, куда он откладывал то, что казалось важным и нужным, все росла и росла.

Был уже вечер, когда к стопке отобранных книг прибавились «Архитектурные и художественные памятники Замланда», издание 1891 года, «Из истории культуры Восточной Пруссии» - монография, выпущенная семью годами позднее, и сочинение А. Амбрассата «Провинция Восточная Пруссия. Картины из истории, географии и словесности нашей родной провинции», познакомиться с которыми имело прямой смысл. Сожалея о позднем часе, Олег Николаевич отложил пачку в шкаф и собрался было уходить, как вдруг его внимание привлекла тонкая, похожая на альбом книга в кожаном переплете, с надписью на обложке: «Альт-Кенигсберг. Шрифтен цур Гешихте унд Культур дер Штадт Кенигсберг (Пр.) Берлин, 1939».

- «Старый Кенигсберг. Сочинения об истории и культуре города Кенигсберга в Пруссии», - прочитал Сергеев. - Очевидно, библиография. Интересно. Может быть, с иллюстрациями? В немецких библиографических справочниках они иногда встречаются.

Стоя, Олег Николаевич раскрыл наугад книгу и обомлел. Перед ним был план королевского замка - план, который разыскивали и не могли найти несколько лет! «Вот он поможет в поисках солдат. Да еще как!»

Забежав на минуту к заведующему иностранным отделом, который уже собирался домой, Сергеев попросил разрешения взять книгу на вечер. Он вышел из стеклянного подъезда, полюбовался опущенными снегом деревьями и поспешил к трамвайной остановке возле памятника Шиллеру.

Вот тогда-то все и произошло.

Вагон оказался полупустым. Олег Николаевич занял удобное место и намеревался было открыть книгу, чтобы хоть бегло просмотреть ее, но раздумал: не стоит делать это в трамвае.

На площади Победы против обыкновения почти никто не сел. Только одна старушка, беспомощно цепляясь за поручни, старалась подняться на ступеньку вагона. Сергеев встал и помог ей. Когда он обернулся, портфеля на месте не было.

8

Рота старшего лейтенанта Амелина третьи сутки разыскивала пропавших солдат. Обзвонили и обошли все отделения милиции, все больницы, побывали в комендатуре, госпитале. Все было напрасно. Оставался единственный выход: искать солдат в бесчисленных закоулках и развалинах города. Но где? Кто-то сказал, что видел, как они сходили с трамвая возле замка. Решили начинать оттуда. И вот третьи сутки подходят к концу, а результатов никаких.

Лейтенант Амелин уже готов был прекратить поиски в замке, с тем чтобы перебраться в другое место, когда в сумерках к нему подбежал взволнованный сержант Павловский:

- Товарищ капитан, вот, под снегом нашел!

Он протянул командиру роты ремень. Обыкновенный солдатский ремень из искусственной кожи, ремень, ничем не отличавшийся от тех, что были на самом сержанте и его товарищах. Но на обратной стороне этой нехитрой амуниции капитан прочитал надпись, аккуратно выведенную химическим карандашом: «И. Соломаха».

- Продолжать поиски, - приказал лейтенант. - Искать в том месте, где обнаружили ремень.

Вскоре ему доложили: поднят большой валун, под которым находится спуск.

- Кто хочет разведать объект? - сознательно подчеркивая этими «фронтавыми» словами важность задания, спросил капитан. И сразу откликнулось несколько голосов.

- Пойдет сержант Павловский, - чуть помедлив, сказал командир. - Приготовить веревки, фонарь, лопату и топор.

Павловский мигом надел на себя снаряжение и ловко полез в провал. Его вытянули на поверхность по условному сигналу через несколько минут.

- Там никого нет, товарищ капитан, - устало сказал сержант, оттирая со лба пот. - Никого. Но на рельсах видны следы крови, а в одном месте прилип к полу... вот.

Он протянул окурочек.

9

Напрасно Сергеев всю ночь звонил дежурным районных отделений милиции, напрасно разбуженный им Денисов поднял на ноги вездесущих сотрудников ОБХСС, напрасно до зари, а потом и утром постовые и патрули проверяли документы у всех, кто хоть чем-то вызывал их подозрение. Преступник не находился. Портфель Олега Николаевича исчез, а с ним пропала и книга с драгоценным планом.

Только на следующий день Сергеева осенило: надо запросить библиотеки Германской Демократической Республики и разыскать другой экземпляр утерянного издания.

Через неделю начали приходить ответы. Они поражали своим однообразием: книга имеется, но плана замка в ней нет и, судя по всему, не было вообще.

Денисов пригласил к себе Сергеева.

- Что за чертовщина, Олег Николаевич? Ведь вы своими глазами видели план?

Сергеев недоуменно пожал плечами. В его экземпляре книги план был.

10

Часы остановились давно. А может быть, совсем недавно? Время казалось то бесконечным, то мгновенным, как человеческая жизнь.

Они давно не разговаривали. Напрягая мускулы, старались удержаться на скате. Нащупав носками сапог еле заметные выемки, цепко ухватив руками холодные рельсы, друзья тоскливо ждали чего-то: либо того, что придут товарищи и вызволят их из каменной ловушки, либо того, что, наконец, сил не хватит и они покатаются вниз, в ледяную воду...

Первым сорвался Соломаха.

Пальцы у него онемели уже давно, и только чувство страха заставляло его держаться. Но вот темные, потом ослепительно яркие круги пошли перед глазами, на какой-то миг сознание помутилось, и Иван медленно пополз вниз.

- Держись, Иван, помогу! - не своим голосом закричал Ткаченко. Он ухватил дружка за ворот шинели, еле удерживаясь свободной рукой. - Сейчас! - бормотал он. - Сейчас. Потерпи минуту.

Соломаха с трудом нащупал еле заметный выступ и сумел удержаться - всего на минуту, не больше. Но и этого было достаточно. Выпустив шинель товарища, Ткаченко одной рукой расстегнул широкий солдатский ремень и, спустившись чуть-чуть, так, чтобы не коснуться ногами воды, ловким движением просунул конец ремня под брючный ремень Соломахи, затем под свой ремешок и надежно закрепил пряжку.

- Ну, теперь будем держаться по очереди: один держится, другой отдыхает, - коротко пояснил он, прерывисто дыша.

И снова потянулись минуты и часы, полные тревоги, страха и ожидания. Сперва хотелось курить, потом это ощущение сменилось сосущей болью в желудке - наверное, наступила пора ужина, а может быть, и завтрака. Или обеда? Счет времени был потерян окончательно.

Сквозь каменную толщу не пробивался даже узкий луч света. Нельзя было себе представить - день или ночь там, снаружи.

- Не робей, Иван, все равно наши найдут, командир роты, поди, уже всех на ноги поднял, - успокоительно сказал Ткаченко, хотя сам почти не верил в успех поисков. - Найдут обязательно. Только продержаться надо.

В какое-то неуловимое мгновение крючок на пряжке ремня обломился, и Соломаха вновь покатился вниз.

- Стой, Иван! - не помня себя закричал Михаил, словно крик этот мог бы остановить товарища. Соломаха молчал. Видимо, он потерял сознание. Ткаченко разжал пальцы, сжимавшие рельсы, и скользнул вдогонку.

11

В один из славных весенних деньков Сергеев выехал по заданию комиссии на полуостров, который с давних времен носил название Бальга. Здесь несколько столетий назад тевтонские рыцари воздвигли грозный замок - форпост для наступления на пруссов, бастион, который стал разбойничьим гнездом.

Прошумели века, неумолимое время изрыло широкими шрамами и оспинами массивные стены замка, обглодало проемы бойниц, разрушило некоторые башни. Но и сейчас, спустя почти семь столетий, крепость выглядела весьма внушительно - темная громада из каменных глыб, покрытых седым мхом.

У входа на широкой площадке там и тут попадались человеческие черепа и кости - останки тех, кто погиб в сражениях 1945 года, кого не успели вовремя похоронить. Олег Николаевич обходил их стороной, стараясь невзначай не задеть ботинком того, что осталось от людей.

Держа в руке офицерскую планшечку со старинным планом крепости, Сергеев достал из кармана металлическую рулетку и принялся за обычное для него дело - замер строения. Он работал усердно, отмечая на плане обнаруженные объекты - могильники, рвы, бастионы. План оказался довольно точен - все условные знаки его совпадали с тем, что было на местности.

Но вскоре искусствоведу пришлось призадуматься. Черный кружок с надписью «Бруннен»¹⁸, отчетливо вычерченный на пергаменте, сразу бросался в глаза. А там, где ему полагалось быть, никакого колодца Сергеев не обнаружил.

«Странно, - подумал он, еще раз внимательно всматриваясь в чертеж. - Снег весь выдуло, земля гладкая, не заметить колодец никак нельзя. В чем же дело?»

Отмерив рулеткой расстояние до колодца сначала от стен замка, затем от высокого дерева, обозначенного на плане, и, наконец, от груды камней, тоже помеченных условным знаком, Олег Николаевич воткнул палку в место, где должен был находиться колодец. Поискав железный прут и не найдя его, Сергеев начал ковырять утоптанную землю палкой. Занятие это продолжалось довольно долго и безрезультатно: никаких признаков колодезной крышки он не обнаружил.

Осторожно прогудела машина. Настала пора ехать домой, но Олег Николаевич медлил. Вместе с шофером они потрудились еще час, орудуя вынутой из багажника лопатой, но так и не добились толку.

Назавтра Сергеев приехал сюда с группой саперов, выделенных по просьбе Денисова. Они проработали до обеда и вырыли изрядной величины и глубины котлован. Сергеев все-таки увидел то, что искал: тяжелую стальную плиту, под которой показалась крышка колодца. На ней он прочитал и короткую надпись: «Ахтунг».

Само по себе это слово - «Внимание» - не означало еще ничего особенно интересного и важного. Мало ли что могло в колодце скрываться, скажем трансформаторная сеть. Но всем почему-то показалось, что тут кроется нечто более серьезное.

Крышку снимали с великими предосторожностями, тщательно осмотрев ее края и не обнаружив никаких проводов. А затем все разочарованно вздохнули: колодец оказался до краев наполненным водой.

Ее откачивали до вечера, потом весь следующий день, но вода почти не убывала. Видимо, где-то там, в глубине, проходил мощный водоносный слой и сильная струя либо сама прорвала и разрушила стенки колодца, либо ее сознательно выпустили на свободу люди, которым понадобилось спрятать в бетонной трубе нечто ценное и важное. Наверное, что-то такое там было, потому что ради какой же цели написано было на крышке предупреждение, а сама она замаскирована так тщательно и надежно?

¹⁸ Колодец (нем.).

Но воду выкачать так и не удалось.

12

- Век себе не прощу! - взволнованно говорил Сергеев, расхаживая по кабинету Денисова. - Только сегодня меня осенило: план-то рукописный, самодельный, уникальный стало быть! И на книге был экс-либрис частной библиотеки какого-то там археолога - не то Генике, не то Генцке. Теперь понятно, почему в других экземплярах никакого плана не оказалось! Значит, владелец книги просто вклеил его в свой экземпляр. И теперь все потеряно. Попробуй разыщи еще один такой же! А без плана, как без рук. Схема, вычерченная Штраусом, к сожалению, малого масштаба, на ней только самое основное, деталей-то и нет, нет подвалов, комнат, всех этих уступов, выступов, поворотов, по которым только и можно обнаружить какой-то тайник. Ах ты, черт побери, надо ж такому случиться!

- Ну, ладно, ладно тебе каяться, - участливо сказал Денисов, переходя на «ты», что случилось у них в последнее время довольно часто - совместная работа сблизила их друг с другом. - Беда, действительно, велика, но не катастрофа же наступила! Может, и план еще обнаружим, а нет - и без него будем искать. Придется только повременить, подождать, пока мы сможем использовать более солидные средства. А рота тем временем поработает, поищет. Кстати, слышал - вот уж беда, так беда: двое солдат пропали! Предполагают, что они тоже куда-то сами полезли за этой нашей комнатой. И не вернулись. А ты говоришь - план. Вот людей надо разыскать во что бы то ни стало!

13

Поиски солдат продолжались. Получив в саперном батальоне аккумуляторные фонари и приказав выдать из ротного неприкосновенного запаса плавательные прорезиненные костюмы и спасательные пояса, старший лейтенант Амелин наутро сам спустился в подвал, прихватив с собой Павловского.

Вода поднялась почти под потолок, но больше, как видно, не прибывала. Командир роты и сержант поплыли, внимательно осматривая все вокруг. За Павловским волочилась на веревке, цепляясь за пол, железная «кошка».

- Товарищ капитан, смотрите - тут еще ходы, в разные стороны! - воскликнул сержант, поднимая фонарь под самый потолок. - Видите?

- Вижу. Целых... целых пять! Надо проверить. Поплыли туда.

Они углубились в темный коридор, держась друг за другом, чтобы не перепутать веревки. Впрочем, плыть далеко не пришлось, веревки туго натянулись, и это означало, что там, наверху, моток размотался до конца.

- Да. Похоже, что не найдем, - прошептал Павловский. Капитан промолчал. Они остановились, медленно перебирая ногами, чтобы слабое течение не отнесло их назад.

Что-то темное и большое показалось впереди. «Оно» еле двигалось вдоль стен, останавливаясь у каждой выбоины. Амелин проворно отстегнул от пояса «карабин» с привязанной веревкой и, приказав Павловскому оставаться на месте, поплыл навстречу темному пятну. Не успел он преодолеть и несколько метров, как Павловский увидел и сам: на широкой доске лежало что-то странное, бесформенное.

- Смотрите, товарищ капитан! - крикнул сержант.

- Вижу. Быстро осмотреть!

Поднимая фонтаны воды, Амелин и Павловский бросились вперед.

- Они!

- Живы, - облегченно вздохнул капитан.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ НЕУДАВШИЙСЯ РАЗГОВОР

1

«Я, Бернгардт-Отто-Густав фон Лаш, родившийся в Верхней Силезии 12 марта 1893 года, генерал от инфантерии, бывший комендант города и крепости первого класса Кенигсберг, ныне находящийся в заключении после приговора военного трибунала в Ленинграде, настоятельно требую от советских властей, которые содержат меня под стражей...»

- Очередная клевета, - брезгливо сказал начальник лагеря военнопленных, откладывая страницы, исписанные угловатым неразборчивым почерком. - Сколько еще этот Лаш настроит таких жалоб за время своего заключения! Что ни день, то очередная выдумка, претензия. И все - пустяки. То пересолен суп, то вода для бритья оказалась не такой горячей, как хотелось бы его превосходительству. Да, выпала нам долюшка возиться с этим типом.

- Действительно, товарищ полковник, - подтвердил собеседник, невысокий майор со шрамом на лбу. - И ведь условия-то какие: питание, как в ресторане, прогулки не ограничены, денщика ему сохранили, отдельная комната, книги, свободная переписка. Помучили бы его, как нашего Карбышева.

- Ничего не поделаешь. Придется снова разбирать жалобу. Кстати, Лашем в последние дни почему-то заинтересовались товарищи из Калининграда. Мне звонили из министерства, передавали просьбу Калининградского обкома устроить свидание Лаша с Паулюсом. Надо разрешить. Пусть побеседуют. Говорят, Паулюс должен задать Лашу несколько важных вопросов.

2

- Осталась еще неиспользованной и такая крупная возможность - беседа с Лашем, - задумчиво сказал Денисов.

- Да, а этот волк кое-что может знать.

- Разумеется. Но попробуй вытяни из него слово... Добром не скажет, уж я-то его знаю, - промолвил Сергеев.

Олег Николаевич и в самом деле знал Лаша - ему пришлось и встречаться и даже разговаривать с бывшим комендантом Кенигсберга.

Было это так...

Наши войска готовились к штурму.

Чтобы избежать излишнего кровопролития, маршал Василевский по поручению Ставки неоднократно обращался в те дни к Лашу с предложением о капитуляции. Но начальник кенигсбергского гарнизона упорствовал: слишком напряженной была обстановка, фюрер грозил смертной казнью тем, кто посмеет отступить хотя бы на десяток метров. И Лаш упорствовал. Ничего иного ему и не оставалось делать.

День и ночь по дорогам к Кенигсбергу шли машины. Они подвозили нашим частям и соединениям снаряды, мины, гранаты, патроны, оружие и снаряжение для личного состава штурмовых групп. На учебных полях, где в точности воспроизводилась оборонительная система гитлеровцев, завершались полковые и дивизионные тактические учения. Опытные саперы инструктировали пехоту. Офицеры выходили на последние рекогносцировки. Штабы составляли боевые приказы и распоряжения. Походные кухни готовили «усиленные» обеды и ужины. Политработники разъясняли боевую задачу.

До штурма оставались считанные дни.

А в небольшом городке Лабиау в старинном графском замке группа под руководством Николаева и Сергеева заканчивала работу над макетом города.

В просторном зале на паркетном полу был сооружен в миниатюре огромный город, опоясанный кольцом фортов, испещренный колпаками дотов и дзотов.

Каждый дом, каждый переулок, каждое отдельное строение сумели изобразить с помощью крохотных кубиков искусные мастера.

- Мастера! - сказал начальник штаба фронта. - Всех - к награде. Сергеева и Николаева - особо, к ордену Красного Знамени. Вопросы будут?

- Разрешите, товарищ генерал? - обратился к нему капитан Николаев. - Мы все просим разрешения отправиться на передовую. Наше место там. Наши знания топографии города пригодятся.

- Хорошо! И в этом молодцы. Правильно. Пойдете на передовую...

3

- Товарищи офицеры, прошу сверить часы, - неожиданно торжественно сказал командующий войсками гвардейской армии генерал-полковник Галицкий. - Сейчас ровно восемь. Восемь часов утра шестого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, - повторил он и вдруг широко улыбнулся. - Похоже на то, что это последняя крупная операция, в которой нам с вами придется участвовать. Дело близится к концу, друзья, к победному концу. Желаю вам всем успеха.

И сразу стал серьезным.

- Повторяю: начало артиллерийской подготовки через два с половиной часа. Еще раз прошу проверить готовность к штурму. По местам, товарищи командиры!

В десять часов тридцать минут шквал артиллерийского огня обрушился на форты, доты и траншеи гитлеровских войск.

На «ночную рубашку Кенигсберга» надели огненный кушак. Он стягивался все туже и туже. Гулками басами рокотали крупнокалиберные орудия, отрывисто лаяли дивизионные и полковые пушки, хлопали, как кнуты, батальонные «сорокопятки», со скрежетом летели мины, трещали, не умолкая, пулеметные очереди. Сплошная завеса дыма поднялась над Кенигсбергом. Неумолкающий грохот катился над домами, над блиндажами, над окопами. Прошли минуты - и в пепельно-сером небе появились бомбардировщики с красными звездами на крыльях. Гул разрывов стал еще сильнее.

Каждому, кто видел эту сплошную лавину огня, становилось ясно - дни, а то и часы фашистского Кенигсберга сочтены, и только безоговорочная капитуляция может избавить город от сокрушительного штурма.

Гитлеровцы упорствовали.

Батареи крепостной артиллерии огрызались, доты отплевывались огнем, а в казематах и траншеях бледные, растерянные офицеры убеждали измученных и оглохших солдат:

- Мы выстоим!

- Силы русских иссякнут к вечеру!

- Город не сдадим!

Но им уже не верили.

Полтора часа, не умолкая, не ослабляя напора, молотила по укреплениям врага советская артиллерия.

А ровно в полдень вдоль всего пятидесятикилометрового фронта одновременно взвились красные ракеты. Их слабый свет еле мерцал в плотном пороховом дыму, но все равно сигнал атаки заметили

всюду - его ждали триста пятьдесят тысяч человек по нашу сторону и столько же - в кольце осажденного города.

В оперативной сводке штаба 3-го Белорусского фронта о первом дне боев говорилось по-военному лаконично:

«Части и соединения фронта, взломав внешний пояс обороны противника, овладели несколькими фортами, преодолели траншеи, противотанковые рвы и другие препятствия и успешно продвигались вперед, преодолевая на каждом метре ожесточенное сопротивление гитлеровцев.

За день наши войска продвинулись на четыре километра, овладели пятнадцатью пригородами Кенигсберга, ворвались в город и заняли 102 квартала.

Восточнее станции Зеерапен была перерезана железная дорога Кенигсберг-Пиллау и тем самым завершено полное окружение кенигсбергской группировки, прервана ее связь с войсками на Земландском полуострове.

Наша авиация совершила за день более тысячи самолетовылетов, нанося мощные бомбовые и штурмовые удары по противнику».

К вечеру рота Сергеева вышла к трамвайному депо.

Кирпично-красные корпуса стояли чуть пониже насыпи, темные, таинственно-спокойные. Что там? Окажут ли немцы сопротивление? Атаковать немедленно или подождать, пока догонят отставшие соседние роты?

- Командиров взводов ко мне, - приказал Сергеев связным, не оборачиваясь. - Вызови комбата, - тут же распорядился Олег Николаевич. Радист монотонно забубнил в микрофон:

- Река, я Ручей, Река, я Ручей. Как меня слышишь? Река, я Ручей. Как слышишь? Как меня понял? Река, я Ручей, прием.

Ответа не последовало.

- Река, я Ручей. Как меня слышишь? Река, я Ручей. Как понял? Прием, - снова повторил радист. И снова не услышал ответа.

- Связи нет, товарищ капитан!

- Ты мне что-то сказал? - переспросил Сергеев. Новое звание присвоили ему только позавчера, и он еще не мог к нему привыкнуть.

- Я говорю - нет связи.

Нескладная фигура выросла рядом и с размаху шлепнулась на землю.

- Посыльный из штаба, товарищ капитан, - доложил солдат. - Командир полка приказал передать вам, чтобы приняли командование батальоном. Штаб батальона на минное поле нарвался. Комбат погиб.

- Передайте: приказ будет выполнен!

Через полчаса нового комбата вызвали на КП.

- В течение ночи нам приказано вести активные боевые действия с целью помешать гитлеровцам организовать оборону на промежуточных рубежах, - говорил командир полка. - Командование фронта готовит решительный удар, рассчитанный на то, чтобы расколоть вражескую группировку на несколько частей и прорваться к центру города. Задача предстоит трудная. Надо любыми способами помешать немцам за ночь отдохнуть и подтянуть свои резервы...

Олег Николаевич возвращался в батальон. Наступило временное затишье, и откуда-то издали, со стороны вокзала, доносился приглушенный расстоянием голос диктора:

- Немецкие солдаты! Начальник гарнизона генерал от инфантерии фон Лаш обращается к вам в эти трудные часы. Кенигсберг должен быть удержан любой ценой! Пока в городе остается хотя бы один немецкий солдат, русские в него не войдут. Победа или смерть! Мы не сдадимся ни на каких условиях!..

«Последний вопль преступника, приговоренного к поражению самой историей», - подвел итог этой речи Сергеев.

Всю ночь не прекращался гул артиллерийской стрельбы. Ему вторил стрекот пулеметов, частые винтовочные выстрелы и автоматные очереди. Озаренный вспышками ракет, отблесками разрывов, пламенем пожаров, город еще жил - жил странной, напряженной жизнью обреченного.

Сергеев не сомкнул глаз до рассвета, осматривая боевые порядки.

А вместе с первыми лучами солнца, едва пробившимися сквозь сплошную пелену дыма и гари, снова началась артиллерийская подготовка. Весь день продолжались жестокие бои. Гитлеровское командование ввело свои последние резервы - отряды фольксштурма, наспех, кое-как собранные и почти необученные.

Около полуночи в батальон Сергеева неожиданно прибыл командир дивизии полковник Толстиков.

- Сумеешь выполнить трудную задачу, комбат? - спросил он.

Через два часа Сергеев построил свой батальон под каменными опорами взятого моста. Он произнес совсем короткую речь:

- Спасибо. Дрались, как полагается гвардейцам. Не зря наша дивизия носит название Московской. Имени своего не опозорили ни разу. Командирам рот представить отличившихся к награде. Борисенко, ко мне!

Писарь батальона подбежал к комбату.

- Приготовил?

- Да.

- Пиши.

- Много написал я на своем веку, - говорил потом товарищам мастер по вывескам Борисенко, - но эта была самой лучшей моей работой.

Писарь сказал правду. Ровными белыми буквами на темном кирпиче опор он вывел: «Этот мост взяли в апреле 1945 года гвардейцы соединения полковника Толстикова». Так и осталась эта надпись здесь, напоминая калининградцам о делах грозных и суровых.

А к утру батальон вместе с другими подразделениями ворвался в здание Южного вокзала. Днем 8 апреля стало известно, что наши войска заняли порт, овладели северо-западной и южной частями города, оседлали железную дорогу в нескольких местах.

Армейская газета вышла в тот день в виде маленькой листовки - верстать и печатать все четыре полосы не хватило времени. Даже одни заголовки крохотных заметок были красноречивее любых длинных статей: «Мы штурмовали машиностроительный завод», «На занятых судостроительных верфях», «Бумажная фабрика в наших руках», «Наступление продолжается», «Пройдено триста городских кварталов», «Атакован газовый завод», «Прекратили сопротивление еще четыре форта», «Химический завод взят».

В штабе фронта перехватили радиogramму Лаша в ставку Гитлера:

«Прошу разрешения фюрера сосредоточить наши силы в западном направлении и предпринять попытку прорваться из окружения на запад».

Из Берлина немедленно последовал ответ.

«Драться до последнего. Все, кто попытается оставить город, будут приговорены к смерти». Гитлеру незачем было теперь беречь силы, незачем было думать о своих войсках. Крах близился. И бесноватый фюрер пытался ценой десятков тысяч жизней оттянуть окончательное поражение хотя бы на несколько дней.

- Драться до последнего! - этими словами он начинал свои приказы.

- Драться до последнего! - заканчивались все воззвания фюрера.

- Драться до последнего! - звучало по радио.

- Драться до последнего! - пестрело на страницах газет.

- Драться до последнего равносильно самоубийству! - сказал генерал Лаш и обвел главами тех, кто собрался в его блиндаже. Здесь были фюрер города Вагнер, начальник штаба обороны, гарнизонные военные специалисты, командиры дивизий, представители городских властей. Все молчали. Не услышав поддержки, но не встретив и возражений, Лаш продолжал:

- Каждому из нас очевидно, господа, что немецкое государство разваливается. Руководство фюрера становится чисто формальным. Берлин находится под угрозой окружения. Нам необходимо действовать на свой риск и страх, взяв на себя всю полноту ответственности за возможные последствия. Впрочем, - усмехнулся генерал, глядя на перепуганные лица своих собеседников, - впрочем, эту ответственность готов взять на себя я. Я приказываю войскам пробиваться на запад.

К вечеру стало ясно: эта попытка закончилась полным провалом. Прорваться через кольцо советских войск не было никакой возможности.

Разгневанный Гитлер передал приказ об отстранении Лаша от командования гарнизоном и предании его суду. Преемником Лаша Гитлер назначил генерал-майора Шуберта. Но Шуберт попросту не выполнил приказа: он самовольно передал свою новую должность командиру полицейского полка майору Фойгту. Впрочем, все эти перемещения уже не имели смысла, да войска о них и не знали. Гитлеровцам было безразлично, кто командовал, вернее, - кто уже не командовал ими. Наступала развязка.

В восемь часов вечера гвардейские части генерал-полковника Галицкого подошли к Прегелю в районе королевского замка.

Громада шлосса мрачным силуэтом вырисовывалась на горящем небе: Кенигсберг пылал со всех сторон. Зловещее пламя озаряло дворцовую ограду двухметровой толщины, сложенную из огромных необтесанных камней, закопченные развалины стен, разрушенных еще налетами

английской авиации. Из бойниц в стенах замка то и дело вырывались пулеметные очереди, оттуда же били полевые орудия, летели ручные гранаты.

Подразделения гвардейских дивизий форсировали Прегель вплавь - мост оказался разведенным, подъемные механизмы неисправными.



Быстрыми перебежками под вражеским огнем бойцы и командиры входили в непоражаемое пространство и, пробираясь через проломы в стенах, врываются во двор замка.

Напряжение боя нарастало с каждой минутой. Рукопашные схватки, гранаты, длинные очереди из автоматов сделали свое дело. Судьба замка была решена.

- Товарищ капитан, смотрите! - крикнул кто-то позади Сергеева. - На башню смотрите!

Из окна на верхнем этаже башни показалась едва различимая снизу фигура. Олег Николаевич навел бинокль. «Почему штатские? Что они задумали?» - на эти вопросы он не успел дать себе ответа. Неуклюжий человек в черном - или это только так показалось отсюда? - держась одной рукой за косяк, другой воткнул в расщелину между камнями древко. Белое полотнище резко выделялось теперь на фоне руин. И сразу же огонь прекратился.

- Вперед! - крикнул Сергеев. - Вперед, товарищи!

Прошли минуты. Белый флаг упал наземь. Вместо него сильные руки подняли новое знамя - алое знамя победы. Королевский замок, символ города, его гордость и вековая цитадель - пал!

Пожары бушевали все сильнее. Их пламя стало багровым от дыма, плотной пеленой застилавшего поверженный город. Копоть ложилась черной вуалью на остатки стен, на мостовые, на лица людей. Стало душно, как в наглухо закрытом помещении, жарко, словно на улице стоял не холодный апрель, а раскаленный июль.

И снова забрезжило утро - четвертый день штурма, 9 апреля.

В десять часов утра из уцелевших уличных репродукторов раздался искусственно-бодрый голос диктора:

- Говорит берлинское радио, говорит берлинское радио! Доблестные защитники Кенигсберга нерушимо держат оборону. Их лозунг остается прежним: победа или смерть!

«Доблестные защитники Кенигсберга» стреляли в репродукторы, пытаясь заглушить слова, которые звучали как издевка, как злобная насмешка над обреченными на гибель.

Дежурный адъютант штаба Лаша записывал в оперативный журнал:

«Во второй половине дня для войск гарнизона сложилась совершенно безвыходная обстановка. В руках наших войск оставалось всего несколько километров территории - отдельные кварталы и дома. Мы лишились всех укреплений. Расположение наших войск насквозь простреливается противником. Каждый участок города находится под непрерывным воздействием советской авиации. Почти вся наша артиллерия выведена из строя или захвачена русскими. Большинство пехотных частей разгромлено. В течение одного дня, как сообщили русские, им сдалось в плен 27 102 человека. Эта цифра, очевидно, не преувеличена. По нашим данным, в живых из 130-тысячного гарнизона осталось не более 40 тысяч человек. Отдельные группы охвачены безысходным отчаянием и апатией, другие продолжают сопротивление с фанатическим упорством, которым можно восхищаться, но которое нельзя и не признать безумным. Дальнейшее сопротивление стало бессмысленным. Судьба города решена».

Адъютант посмотрел на часы. Было ровно шестнадцать.

Он отложил в сторону авторучку и вышел в коридор. Вернувшись через минуту, осторожно постучал в толстую бронированную дверь и открыл ее, доложив с порога:

- Господин генерал, в приемной ожидают вызова прибывшие по вашему приказу полковник Хефен и подполковник Кервин.

- Просите, - устало ответил Лаш.

Он не пригласил офицеров сесть. Глядя на пестрый план Кенигсберга, занимавший всю стену просторного подземного кабинета, начальник гарнизона невнятно проговорил:

- Наступил конец. Надо капитулировать.

- Простите, господин генерал. Я не расслышал ваших слов, - отрывисто бросил Хефен.

Лаш резко повернулся и встал перед полковником, глядя на него в упор мутными от бессонницы глазами.

- Господа офицеры! Я вынужден дать вам тяжелое поручение. Иного выхода нет. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Приказываю... - Голос генерала стал тверже. Хефен и Кервин вытянулись. - Приказываю отправиться в качестве парламентаров в штаб русских для ведения переговоров о капитуляции. Вы наделаетесь широкими полномочиями. Время и место вашего перехода через линию фронта будет согласовано по радио немедленно. Будьте готовы в путь.

Ровно в девятнадцать часов парламентары были доставлены на командный пункт 11-й гвардейской стрелковой дивизии, где их принял командующий армией генерал-полковник Галицкий.

Получив условия безоговорочной капитуляции, фашистские офицеры возвратились в штаб Лаша.

В установленный час ответа гитлеровского командования не последовало.

Тогда в нелегкий путь отправились парламентары советской стороны. Выполнить эту трудную и ответственную задачу выпало на Долю шестерых смельчаков. Группу возглавлял начальник штаба 11-й гвардейской дивизии подполковник Яновский. С ним шли переводчики - заместитель начальника штаба артиллерии дивизии капитан Федорко и капитан Шпитальник - старший инструктор политотдела. Офицеров сопровождали два автоматчика. Проводником был назначен «знаток Кенигсберга» - гвардии капитан Сергеев. Их встретили двое проводников-немцев, которых послал Лаш.

Огонь не прекращался, хотя гитлеровцам было известно о выходе парламентаров. Смелчаки пошли сквозь огонь, зная, что каждая минута, каждый шаг грозят им гибелью.

От здания министерства финансов провинции шестерка отважных, укрываясь от осколков и пуль за развалинами домов, пересекла улицу Книпродештрассе, обогнула здание кирасирской казармы и вышла на Штайндамм. Здесь огонь оказался менее плотным, продвигаться удавалось сравнительно быстро. Их путь лежал к руинам университета.

В руках один из солдат нес белый флаг. Завидев его, многие фашистские группы прекращали огонь. Другие, наоборот, усиливали стрельбу.

Наконец советские воины вступили на Парадеплац. До блиндажа Лаша оставалось несколько десятков метров.

Блиндаж было трудно заметить. Но недаром Сергеев побывал возле него несколько раз, притом в самое различное время.

- Здесь, товарищ подполковник, - указал он на невысокие металлические перила у двух входов. За ним поднималась едва заметная насыпь. Лишь она и выдавала сооружение, укрытое глубоко в земле.

Часовой у входа отдал честь. Яновский ответил и сразу решительно шагнул вниз. Навстречу им спешил уже предупрежденный звонком часового дежурный адъютант Лаша. Вытянувшись у стены, он пропустил советских офицеров и солдат вперед.

Пятеро остались у входа. Яновский пошел дальше. Крутые ступени привели его в глубину подземелья, построенного еще в 1934 году. Миновав длинный ряд комнат и не обращая внимания на гитлеровцев, вскакивавших с мест при его появлении, подполковник проследовал в кабинет начальника кенигсбергского гарнизона.

Толстая стальная дверь, распахнутая услужливым обер-лейтенантом, открылась бесшумно, мягкий свет матовых плафонов озарил полутемный коридор. Почти неслышно ступая по полу, застеленному толстыми коврами и звериными шкурами, навстречу Яновскому шел человек лет пятидесяти, среднего роста, с бледным, от бессонницы и долгого пребывания в блиндаже отекившим лицом, явно взволнованный и растерянный.

Это и был генерал от инфантерии Бернтардт-Отто фон Лаш, который, по собственному признанию, всю свою жизнь посвятил подготовке победной войны против России.

Еще в первую мировую войну безвестный лейтенант фон Лаш удирал от русских войск. И потом, за таив на всю жизнь ненависть к ним, готовился к реваншу. Теперь наступил финиш его военной карьеры. Снова Лаш - теперь уже не юный лейтенант, а пожилой, умудренный опытом генерал, - оказался побежденным русскими.

Фашистский генерал остановился в трех шагах и, привычным жестом вскинув руку, отдал честь советскому подполковнику. Лицо Яновского было сурово. Он отказался сесть, хотя Лаш сам придвинул к нему кресло, сясь вежливо улыбнуться при этом.

Подполковник протянул Лашу текст ультиматума за подписью маршала Советского Союза Василевского. Вставив в глаз монокль, генерал пробежал бумагу и, не задавая вопросов, наклонился к столу.

Вынув из кармана автоматическую ручку, он сделал аккуратный росчерк: «Отто фон Лаш».

Повернувшись к адъютанту, который напряженно следил за движениями своего «шефа», Лаш ровным бесстрастным голосом распорядился:

- Немедленно передать всем частям приказ о прекращении сопротивления и безотлагательной, безоговорочной капитуляции.

Адъютант вышел. Тотчас из соседней комнаты через полуоткрытую дверь донеслась быстрая речь радиста:

- Ахтунг! Ахтунг! Хёрте алле! Хёрте алле!¹⁹

А в противоположном конце коридора хлопнул вдруг одинокий выстрел. Лаш поморщился и еле слышно произнес, обращаясь не то к Яновскому, не то к самому себе:

- Еще один.

Яновский круто повернулся и вышел.

Почти в полночь наши парламентарии вернулись к своим и доложили о результатах переговоров генерал-полковнику Галицкому.

Прошло минут тридцать. Приказ Лаша передавался уже и через уличные вещательные установки, но огонь не прекращался и даже не ослабевал.

- Либо фашистские части потеряли связь со своим командованием, либо попросту решили не подчиниться приказу, - вслух подумал Галицкий. Помедлив, он взглянул на Яновского.

- Ничего не поделаешь, придется вам, подполковник, снова отправляться в это чертово пекло. Как, хватит сил? Умаялись, наверное, за ночь.

- Раз надо - значит надо, товарищ командующий.

...В два часа утра 10 апреля подполковник Яновский с группой автоматчиков привел бывшего начальника гарнизона Кенигсберга на командный пункт командира дивизии генерала Цыганова. Сюда подкатили мощные радиоустановки. Усиленный динамиками, зазвучал над поверженной столицей Восточной Пруссии голос Лаша:

- Солдаты! Война проиграна нами бесповоротно. Дальнейшее сопротивление ведет лишь к ненужным жертвам среди доблестных защитников города и мирного населения. Данной мне фюрером и отечеством властью в последний раз приказываю сложить оружие. - Лаш сделал паузу, вытер со лба пот, а

¹⁹ Внимание! Слушайте все! (нем.)

затем продолжал: - Командующий четвертой армией генерал Миллер! Я обращаюсь к вам с призывом прекратить боевые действия на Земландском полуострове. Наше дело проиграно. Сдавайтесь русским, которые гарантируют нам сохранение жизни, знаков различия и личного достоинства.

На предварительном допросе Лаш показал:

- В результате обстрела русской артиллерией и полетов бомбардировочной авиации оборонительные сооружения были повреждены, их внутренний транспорт перестал работать, прекратился подвоз боеприпасов, радио и телефонная сеть прервались, войска понесли большие потери. Моральное состояние солдат все время ухудшалось, последние запасы боеприпасов и продовольствия были уничтожены. Из-за разрушений по городу нельзя было продвигаться.

Мы полностью потеряли управление войсками. Выходя из укрытий на улицу, чтобы связаться со штабами частей, офицеры не знали, куда идти, абсолютно теряя ориентировку: разрушенный, пылающий город совершенно изменил свой вид. Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, падет столь быстро. Русское командование тщательно разработало и превосходно осуществило эту операцию...

Сергеев был в той же комнате. Его пригласили на смену переводчику, уставшему от непрерывных допросов.

В три часа утра, вняв, наконец, голосу рассудка, крупные группы противника начали сдаваться в плен. Стрельба стихала.

И только с Миттельтрагхайм, с Цецилиеналлее, из района озера Обертайх все еще долетали раскаты орудий и пулеметная дробь. Последние отряды, занявшие здание восточно-прусского правительства, макаронную фабрику, жилой массив на улице, которая теперь носит название Госпитальной, в форте «Врангель» и в крупном форте «Дер Дона» на противоположном берегу озера, оказывали упорное сопротивление.

Сергеева оставили при штабе армии. После бессонной ночи хотелось прилечь, но не отдыхал никто, Олега Николаевича вызвал заместитель командующего.

- Берите резервный батальон - и на Миттельтрагхайм. Надо выбить эту сволочь из укрепленных зданий. К фортам пошлем усиленные полки. Ваше дело - здание правительства и жилой дом вот здесь. - Генерал указал пальцем на квадрат плана.

Подковообразное здание правительства мутно белело на фоне окружавших его развалин. Из окон всех трех этажей беспорядочно палили обезумевшие от страха и отчаяния гитлеровцы.

- Прекратите огонь, в этом ваше спасение! - предупредил Сергеев в рупор. Немцы услышали его голос, стрельба на минуту умолкла. Но сразу же возобновилась с новой силой.

Поставив ротам задачу, Сергеев повел на штурм здания свой батальон.

Первой ворвалась в правое крыло здания третья стрелковая рота. Выстрелы теперь раздавались внутри, становясь все реже и реже. Внезапно густой дым повалил из провалов окон. Вторая рота атаковала главный подъезд.

Здание пылало слева, с внутреннего двора.

- Подождли, гады! - крикнул ефрейтор Семушкин, бросаясь вперед. - Давай, ребята, быстрее! Берем живьем!

К шести часам утра около двухсот солдат и офицеров сложили оружие. Почти одновременно капитулировал гарнизон форта «Врангель». И только форт «Дер Дона» продержался до девяти. Наконец и над ним взвился белый флаг.

Кенигсбергская группировка гитлеровцев прекратила свое существование.

Советские войска были отведены на отдых.

Вечером Сергеев вместе с офицерами штаба слушал Москву.

Знакомый голос Левитана, торжественный и радостный, звучал в эфире. В этот час вся страна слушала очередной приказ Верховного Главнокомандующего:

«...В ознаменование одержанной победы сегодня, 10 апреля, столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, штурмом овладевшим городом и крепостью Кенигсберг, двадцатью артиллерийскими залпами...»

Гремел салют и здесь, в поверженном Кенигсберге, - без приказа, без счета залпов. Небо озарялось вспышками ракет, раскалывалось от грохота пушек, перечеркивалось нитями трассирующих пуль. А из полевых раций несло:

- «Сообщение Советского Информбюро.

Значение Кенигсбергской операции состоит в том, что в итоге решительного штурма была разгромлена большая стратегическая группировка противника и тем самым приближены сроки окончательного поражения фашистской Германии. За дни боев в Кенигсберге уничтожено 42 тысячи вражеских солдат и офицеров, 92 тысячи гитлеровцев сдались в плен, в их числе - 4 генерала и 1819 офицеров. Захвачены огромные трофеи».

Навсегда ликвидирован теперь форпост и гнездо германского империализма и военщины на западных границах нашей Родины...»

4

Лаш был заметной фигурой среди военнопленных, и калининградской комиссии сразу же, без всяких проволочек, удалось найти место, где он находился.

Организация переговоров была поручена наиболее опытным в таких деликатных делах членам комиссии - генералу Демину и полковнику Федотову. Однако сразу же встали новые непредвиденные трудности. Вместе с адресом Лаша в Калининград пришли и неутешительные сведения о бывшем генерале.

За преступления во время войны Лаш должен был понести суровое наказание. Однако вскоре оно было смягчено, и генерал, избежав тюрьмы, жил в благоустроенном дачном поселке, именуемом лагерем для военнопленных офицеров, свободно ходил по парку, общался с другими бывшими генералами немецкой армии, мог читать любую литературу по своему выбору, писать мемуары, письма.

В общем, к нему, как и ко всем военнопленным офицерам бывшей гитлеровской армии, проявили в высшей степени гуманное отношение.

Однако Лаш оставался враждебно настроенным против советских людей. Трудно сказать, чего здесь было больше - бессильной злобы, человеконенавистничества или тевтонского упрямства, но он демонстративно высказывал недоброжелательность ко всему, что его окружало.

В лагере Лаш капризничал, всячески подчеркивал свое недовольство, желая досадить работникам лагеря. Местной администрации нелегко было улаживать все эти капризы. Лаш особенно обижался на то, что его «причислили» к военным преступникам. Возмущаясь, он говорил:

- Я никогда не был в России, не разорял ваши хижин и не мог поэтому быть преступником. Я начальник гарнизона Кенигсберга. Это - не Россия.

Бывшему генералу напоминали о том, что с июля 1941 по сентябрь 1943 года, когда он командовал дивизией, именно его приказы принесли неисчислимы бедствия жителям Луги, Волхова, Любани и других городов и селений Ленинградской области. Генерал пытался оправдываться. Но большей частью, чтобы не раздражать его, с ним просто не вступали в споры. Лаш и так хорошо знал совершенные им преступления.

После всего, что калининградцы узнали о Лаше, надеяться на то, что он сообщит важные сведения о янтарной комнате, не приходилось. Тем более нельзя было рассчитывать на его помощь в розысках музейных сокровищ. И все-таки мысль о том, что Лаш мог знать тайну янтарной комнаты, не давала покоя Денисову и его друзьям. Они стали придумывать, каким образом расположить Лаша к беседе.

Фридрих Паулюс, бывший командующий шестой армией, среди многих немецких генералов и офицеров пользовался большим авторитетом. Наверное, учитывая это, доктор Гергардт Штраус из Берлина первым подал мысль: хорошо, если бы Паулюс переговорил с Лашем.

Денисов сразу же обратился через соответствующие инстанции к Паулюсу с просьбой переговорить с Лашем о судьбе музейных ценностей, вывезенных из Минска, Киева, Вильнюса, Ростова и других городов Советского Союза, оккупированных в свое время гитлеровцами. Где находятся эти украденные ценности теперь?

Генерал-фельдмаршал Паулюс жил под Москвой. Он любезно согласился выполнить просьбу, заметив при этом:

- Мы, немцы, несем ответственность за ценности, вывезенные из России, и всячески должны содействовать розыскам, чтобы хоть частично вернуть эти сокровища народу, их создателю и хозяину.

Паулюс, конечно, хорошо знал: гитлеровцы грабили и тащили все, что можно увезти, и в том числе музейные ценности. Но фельдмаршал, видимо, не представлял себе масштабов этого грабежа. Когда ему сообщили о янтарной комнате, на лице его выразилось некоторое сомнение:

- Неужели вывезли янтарную комнату? Ведь ее знает весь мир, это же подарок нашего Фридриха русскому царю! Трудно себе даже представить такое! - искренне возмущался Паулюс.

Но вот переводчик передал фельдмаршалу подлинную переписку доктора Роде. Не спеша, внимательно читал Паулюс одну бумагу за другой. Он просмотрел инвентарные описи картин и других музейных экспонатов, нашел в переписке знакомые фамилии - Кюхлера, Коха и других, вывозивших ценности из Советского Союза в Германию. С этого момента Паулюс уже рассуждал иначе.

- Мне стыдно, - сказал фельдмаршал, - стыдно за генералов немецкой армии, которые участвовали в этом позорном деле! Я обещаю выполнить просьбу и готов немедленно переговорить с генералом Лашем.

Организовать свидание оказалось нетрудно, так как Бернгардт-Отто Лаш находился под Москвой, неподалеку от места, где жил фельдмаршал Фридрих Паулюс. Через некоторое время в Калининград позвонили из Москвы и сообщили, что встреча Паулюса с Лашем состоится через три дня.

5

Лаш встретил Паулюса стоя, как и полагалось по уставу. Два советских офицера, сопровождавшие Паулюса, прошли в дальний угол комнаты. Немцы разместились в удобных креслах. Но разговор не клеился. С самого начала он принял сухой, официальный характер. Сперва Лаш ограничивался лишь односложными ответами о своем здоровье, самочувствии, настроении. Потом Паулюс вежливо, но прямо сказал Лашу о цели своего визита:

- Я хотел спросить вас, господин генерал, о том, что вам известно о янтарной комнате, вывезенной в Кенигсберг?

- Ничего, экселенц, - как бы заранее зная, о чем его спросят, без промедления ответил Лаш. - Я, как и вы, был военным и всегда считал своим принципом не вмешиваться в политику. Вывоз янтарной комнаты, как я понимаю, - это политика.

- Вы или просто заблуждаетесь, генерал, или не хотите замечать того, что мы с вами всю нашу жизнь либо воевали, либо готовились к войне и таким образом активно участвовали в политике. Еще фон Клаузевиц, как вы помните, сказал, что война есть не что иное, как продолжение политики.

- Я уже ответил, экселенц, что всегда стоял в стороне от политики.

- Вряд ли! Вспомните молодость. Разве это были не вы, герр Отто Лаш, когда в тысяча девятьсот сорок первом году, безусым лейтенантом, в составе первой кавалерийской дивизии, бросая обозы, в пень загоняя коней, отходили на повышенном аллюре из Алленштайна, оставляя его русским?

- Да, это была неудача.

- Но вас за это наградили, как и многих других, Железным крестом. Это - политика!

- Мелкий факт. Вы ловите блох, господин Паулюс. Потеряв под Сталинградом не обозную повозку, а всю знаменитую шестую армию, триста тысяч человек, вы получили фельдмаршальский жезл.

- Вот и я говорю об этом. Чинами, объявлением траура, орденами хотели украсить национальный позор Германии и прикрыть от немцев крах нацистской политики.

Фон Лаш не ответил. Казалось, ему нечего было отвечать. Он повернулся к окну, сделал вид, что заинтересовался тем, как группа молодых работниц что-то выкапывает в саду.

- Впрочем, не завидуйте мне, генерал, - сказал Паулюс, - вы получили не менее высокую награду. - Фон Лаш повернулся к собеседнику, и его бровь удивленно поползла вверх. - Гитлер приговорил вас к смерти. В наше время это не менее почетно, чем получить чин фельдмаршала. Не так ли?

Лаш понял иронию. Его лицо приняло злое выражение.

- Мы могли устоять, если бы Гитлер не дал волю своим выскочкам гауляйтерам! - вдруг не сказал, а как-то выкрикнул он.

- Считаете, что у меня было меньше причин капитулировать? Ошибаетесь. Я был на чужой земле, в полях под Сталинградом, а вы у себя на родине, в первоклассной крепости, с несколькими тысячами тяжелых крепостных и полевых орудий, с гарнизоном в сто тридцать тысяч человек. Вы держались всего три дня, а крепость строилась триста лет. Для чего тогда строить крепости? Я не хочу сказать, что вы плохой генерал. Наоборот. Но генерал должен честно анализировать факты. Наступила пауза.

- Наши стратеги, - фельдмаршал так произнес это слово, что Лаш почувствовал, насколько Паулюс презирает этих «стратегов», - распространяют мнение, будто бы только ошибки и сумасбродства Гитлера привели Германию к поражению. Какая бессмыслица! Я лично участвовал в разработке плана Барбаросса. Я об этом говорил в Нюрнберге... И я могу вам сказать, что все, что мы планировали, было явной авантюрой, потому что мы стали орудием бредовой политики нацизма. Ни храбрые солдаты, ни талантливые генералы, ни могучее оружие, ни тем более умные, добрые или злые гауляйтеры не могли предотвратить катастрофу. Разрабатывая план, мы прекрасно учили, что пулемет, пушка в руках солдата любой армии стреляет одинаково, но, к сожалению, мы не смогли понять, что люди воюют различно, и это зависит в первую очередь от того, за что они воюют, какую цель они ставят перед собой, и именно в этом, как мне кажется, заключается потрясающее упорство и сокрушительная сила ударов русских.

Лаш вскочил. Мелкими шагами быстро пробежался по комнате и остановился перед Паулюсом.

- Здесь, в лагере для военнопленных, я имел достаточно свободного времени и все-таки... и все-таки, господин фельдмаршал, я не готов еще к тому, чтобы сдавать экзамен по этому... как у них называется... марксизму-ленинизму.

- О, генерал, у вас большие планы!

- Как видите. Но русские этого не учитывают. Они судили меня как военного преступника!

- Ну, это право победителей. Это еще больше подтверждает мою мысль о том, что командующий военным округом Восточной Пруссии генерал фон Лаш не вертелся где-то вне политики.

Беседа становилась все жестче. Лаш явно нервничал.

- Поймите, генерал, - продолжал Паулюс. - Украден подарок Фридриха! Позор ложится на военных. Мы, немцы, обязаны помочь найти янтарную комнату.

- И получите еще одну награду от русских, - раздраженно выкрикнул Лаш, подчеркнуто вытянувшись перед Паулюсом.

- Честность будет вам наградой, - бросил фельдмаршал и, усталым жестом вынув монокль, направился к выходу. Он был недоволен разговором с Лашем.

Лаш сделал несколько быстрых шагов вдогонку Паулюсу, затем щелкнул каблуками и нервным, срывающимся голосом прокричал «Хайль!».

Не обратив внимания на это очередное чудачество, Паулюс вышел из комнаты. Он был взволнован. Извинившись перед советским офицером за то, что прервал беседу, Паулюс заметил при этом:

- Вот такие безответственные слепцы, разыгрывающие из себя национальных героев, нанесли огромный вред Германии. Да и не только Германии...

Итак, разговор с Лашем не удался.

Тем же вечером на официальном допросе Лаш подтвердил, что судьба художественных ценностей, вывезенных из России, ему неизвестна.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«НЕ ЗНАЮ», - ГОВОРIT КОХ

Просторный зал Варшавского воеводского суда переполнен. Особенно много здесь журналистов. Сергеев безошибочно узнавал их среди публики. Старые и молодые, худые и обрюзгшие, веселые и хмурые - все они были одинаковы: деловитые, чуточку развязные, громкоголосые, умеющие с первого слова перейти на «ты», а со второго - похлопать по плечу и спросить: «Как дела, старик?» Они входили, выходили, громко разговаривали, - короче, чувствовали себя совсем как дома в этом мрачноватом зале, отделанном дубом. Впрочем, журналисты везде и всюду чувствуют себя как дома. Такая уж профессия.

Завсегдатаи Варшавского суда по одной этой оживленной, немного суетливой толчее немедленно угадали бы: сегодня слушается очень интересное дело. Но посторонней публики здесь нет. Предстоит процесс действительно очень важный. Слушается дело Эриха Коха.

Эрих Кох! Еще сравнительно недавно это имя заставляло вздрагивать и втягивать голову в плечи сотни тысяч людей. Чрезвычайный президент и гауляйтер Восточной Пруссии, шеф гражданских властей оккупированного Белостокского округа, рейхскомиссар Украины, глава всех гитлеровских органов, в том числе гестапо и полиции на этих территориях, - вот кем был тогда Эрих Кох.

Но этим сказано еще далеко не все. В течение долгих лет Кох был ближайшим сотрудником Гитлера, его личным другом. Он один из первых вступил в нацистскую партию и гордился тем, что фюрер в числе немногих «удостоил» его высшей партийной награды.

Представителям прессы уже сообщили: обвинительное заключение вместе с приложенными документами составляет двенадцать объемистых томов. Пока содержание их известно лишь немногим. Но зато каждому, кто сидит сейчас в зале суда, известны преступления человека, которому уготовано место на скамье подсудимых.

Впрочем, скамьи никакой и нет. Так по традиции называется мягкое кресло, поставленное для обвиняемого напротив судейского помоста.

- Встать, суд идет!

В огромном зале смолкает шум.

За длинным столом, покрытым скатертью, рассаживаются члены суда. В публике перешептываются, называют фамилии этих людей. Председательствует руководитель четвертого отдела уголовного суда Варшавского воеводства Бинкевич, в составе суда - судья Фрыдецкий и три заседателя.

Слева, за отдельным столиком, занимают места прокуроры Смоленский и Войташевский, напротив - защитники обвиняемого доктор Сливовский и Венглинский, чуть поодаль - эксперты: специалист в области международного права профессор Клавковский и знаток польского уголовного права профессор Пощаловский.

- Введите обвиняемого! - раздается голос председательствующего.

Все взгляды устремляются к двери, распахнутой настежь. Два милиционера под руки вводят - почти несут - невысокого человека с редкими взлохмаченными волосами, обвислыми «старопольскими» усами, страдальчески опущенными веками. На Кохе - зеленый старый свитер под потертым пиджаком, домашние туфли со стоптанными задниками, лоснящиеся мятые штаны.

- Старая лиса, - шепчет на ухо Сергею польский журналист. - Еще вчера он прогуливался по двору тюрьмы в щегольской одежде. А сегодня... Хочет возбудить жалость! Жалость, которой не знал сам во времена своей почти сверхъестественной власти!

Кох усаживается в кресло. Сидящие неподалеку видят, как остро и недобро блестят его глаза.

Тишина. Только негромкий стрекот киносъёмочных аппаратов нарушает молчание. В напряженном безмолвии раздаются первые слова председательствующего.

Суд над гитлеровским военным преступником Кохом начался.

2

В эти дни миллионы людей в разных странах, читая газетные сообщения, задавали себе один и тот же вопрос: откуда взялся Эрих Кох, как удалось его разыскать, где находился он долгие годы?

...Удрал с Украины, Кох укрылся в своем старом логове - Кенигсберге. Здесь протекали последние дни его бурной «деятельности». Почти ежедневно жители города слышали по радио знакомый хрипловатый голос гауляйтера. Кох приказывал, требовал, умолял, убеждал, уговаривал:

- Кенигсберг - это военный престиж Германии!

- Кенигсберг - германская твердыня!

- Жители города - верные носители тевтонского духа!

- Русские погибнут, а в Кенигсберг не войдут!

- Кенигсберг русским не сдадим!

- Будем драться с фанатическим бешенством!

«Отец города», как он сам называл себя, «коричневый царь Восточной Пруссии», как его прозвали впоследствии, казалось, не отходил от микрофона, установленного глубоко в бронированном подземелье Дома радио.

Но вскоре выкрики эти прекратились. Советские войска разгромили группировку фашистских войск и, прорвав укрепленную линию на рубеже реки Дайме, к концу января 1945 года окружили Кенигсберг и подошли к внешнему укрепленному обводу крепости.

Вот тогда «отец города» и покинул своих «детей», удрал в имение Нойтиф на косе Фриш-Нерунг. Только время от времени он тайком прилетал в столицу Пруссии на самолете-разведчике «физлершторх» и строчил отсюда донесения фюреру. Гауляйтер особенно усердно обвинял Четвертую армию в

том, что она совершает дезертирство, трусливо отходит на запад, пытаясь пробиться к райху, в то время как он, мужественный и стойкий Кох, с преданным фюреру фольксштурмом намерен прочно держать оборону Восточной Пруссии.

Трусливая наглость и стремление спасти шкуру любым путем привели к тому, что даже после падения Кенигсберга Кох в депеше Гитлеру «внезапную» победу русских объяснял своим отсутствием в городе в этот момент. Заверив «любимого фюрера» в своей безграничной преданности, гауляйтер дал клятву выстоять на Земландском полуострове, и тут же, не переводя дыхания, сел в кабину самолета, чтобы отправиться на косу, где в Пиллау его ожидал стоявший под парами ледокол «Остпрройсен». Погрузив на борт «мерседес» и двух любимых собак, а также часть награбленного имущества, Кох сбежал в оккупированную гитлеровцами Данию.

Здесь, в Копенгагене, он замаскировался под «цивильного» добропорядочного немца и терпеливо дожидался конца войны.

После капитуляции гитлеровских войск Кох перебрался в Северную Германию и под вымышленной фамилией Рольфа Бергера, с фальшивым паспортом сельскохозяйственного рабочего старался оставаться незамеченным среди бурного потока беженцев. После долгих блужданий в поисках надежного убежища бывший гауляйтер обосновался вблизи Любека, в пятидесяти километрах севернее Гамбурга, по-прежнему прикидываясь наемным рабочим.

Еще совсем недавно Кох был слишком заметной фигурой в гитлеровском паноптикуме. Да и внешнестью своей он изрядно напоминал «любимого фюрера». В свое время Кох гордился этим сходством. Теперь оно сослужило ему плохую службу: сами немцы в 1949 году схватили военного преступника и передали его в руки правосудия. При аресте у бывшего рейхскомиссара нашли ампулы с ядом - такие же, как у Геринга и Гиммлера. Кох не воспользовался ими - слишком сильно привязан был он к жизни, которая с такой легкостью и ожесточением была отнята у миллионов замученных по его приказу людей. А уничтожил он, по самым приблизительным подсчетам, более четырех с половиной миллионов польских и советских граждан. По его распоряжению были вывезены в Германию, а частично уничтожены колоссальные ценности на сумму в 280 миллиардов рублей.

В 1950 году по требованию польских властей Коха передали им. Началось следствие.

Следствие тянулось долго: Кох притворялся больным, всячески оттягивал час расплаты. Наконец, процесс начался.

3

И с первой минуты, едва успев выслушать обвинение, Кох бросился в атаку:

- Я никого не убивал и не приказывал убивать! Обвинение не обосновано!

Начались долгие, утомительные прения между сторонами. Наконец вступил в них и сам Кох. Первая его «речь» в суде отличалась теми же свойствами, что и последующие: ханжеством, трусостью, стремлением увильнуть от ответственности, разжалобить судей, спасти свою жизнь любой ценой.

Артистические способности у него оказались весьма недюжинными. Старческим, надтреснутым голосом (куда девались недавние металлические нотки!) Кох заявил с невероятной наглостью:

- Восемь лет я жду того дня, когда смогу отчитаться перед польским народом о своей деятельности!

По рядам прокатился гул негодования. Но Кох продолжал:

- Мне кажется, что существуют силы, которые заинтересованы в том, чтобы я оправдался перед польским судом. Вероятно, они многочисленны. Я не сомневаюсь в этом, как не сомневаюсь и в том, что стал лишь жертвой «бериевщины». - И снова рокот в зале. Кох прикидывается жертвой! - Я прошу обследовать состояние моего здоровья в присутствии представителей печати. Оно таково, что не позволяет мне держать речь перед польским народом. Я живу в аду! - уже жалобно лепечет бывший гауляйтер.

Корректный, подтянутый прокурор Смоленский поднялся с места стремительно и гневно.

- Обвиняемый назвал тюрьму, в которой он находится, адом! Любопытно, что скажет он о лагере в Дзялдове? Вот это действительно был ад!

Пора приступать к допросу. Но он откладывается до следующего дня: время истекло.

Второй день процесса. Заседание сразу же прерывается: по требованию защиты Коха подвергли медицинской экспертизе. Видные ученые, профессора, доктора Александров и Кодейшко через полтора часа заявили суду: обвиняемый Кох может участвовать в процессе. Правда, были и некоторые оговорки - ему разрешалось отвечать суду сидя, а заседания должны были продолжаться не более пяти часов.

Суд приступил к проверке биографических данных обвиняемого. Один за другим следовали короткие вопросы и ответы.

Родился 19 июня 1896 года, окончил народную школу, два класса средней школы, торговые курсы. Женат. Детей не было.

А затем вновь начались оттяжки и проволочки, избранные Кохом в качестве основной тактики при ведении дела. Он отказался подписать обвинительное заключение, заявив, что не понимает, в чем его обвиняют. Затем преступник то снова ссылался на состояние здоровья, то попросту прикидывался дурачком, то принимался дремать в середине заседания.

Но процесс шел своим чередом.

Два дня продолжалось чтение обвинительного заключения. Страшные страницы позорной истории германского фашизма вновь вставали перед сидящими в зале.

... С 1 сентября 1939 года и до самого конца войны Кох, в качестве одного из приближенных Гитлера, занимал высшие государственные посты, осуществляя политику, намеченную Гитлером и его кликой, - политику физического уничтожения целых народов, разграбления и уничтожения колоссальных материальных ценностей.

Палач быстро богател. Он стал крупным землевладельцем и домовладельцем. В Кенигсберге Кох имел четыре огромные виллы в зеленой части города и несколько дач на берегу моря. Кроме того, он захватил в свою собственность около двадцати домов, которые сдавал квартиросъемщикам, получая солидные доходы.

Кох владел крупными имениями. Еще до войны он получил в подарок от Гитлера вблизи Кенигсберга богатейшее имение Гроссфридрихсберг, ему принадлежали имения Эрнстфельде вблизи Людвигсорта, Нойтиф на Вислинской косе и другие.

В обвинительном заключении приведены были десятки и сотни примеров и фактов, подтверждающих страшные преступления Коха.

Кох славился среди гитлеровцев своим «золотым правилом»: «Лучше повесить на сто человек больше, чем на одного меньше». Во всей своей деятельности он руководствовался этим своеобразным «законом». Он создал специальные полицейские суды, которые знали только один приговор - смерть. Он ввел публичные экзекуции в «своих» областях. По его приказу легли под пулеметными очередями, погибли в печах концлагерей миллионы ни в чем не повинных людей.

Теперь он дремал в мягком кресле, опустив вниз пышные усы, склонив голову и, казалось, даже мирно посапывал - этакий домашний, ворчливо-добродушный дедушка у камина. И только когда голос секретаря смолк, обвиняемый поднял припухшие веки.

- Признаете ли вы себя виновным? - спросил Бинкевич.

- Нет, не признаю, - ответил Кох. - Только сегодня я услышал о страшных вещах, происходивших в Польше. Виновны в них те, кто находится на свободе.

- Кто?

- Мне нет нужды отвечать на этот неуместный вопрос, - глухо откликнулся обвиняемый.

4

Несколько месяцев тянулся этот процесс, рассчитанный на две недели. Несколько месяцев петлял и хитрил, притворялся и уходил от ответа бывший гауляйтер, бывший рейхскомиссар, бывший лидер фашистской партии, палач и убийца, грабитель и насильник Эрих Кох.

Чего только не услышали в те дни члены суда и представители прессы! Оказалось, что Кох - «потомственный пролетарий», что рос он в жестокой нужде, потом был простым рабочим, а на фронте в 1915 году стал... социал-демократом! Даже во время пребывания в национал-социалистской партии он, Кох, оставался противником Гитлера. Он, вопреки сопротивлению реакционной бюрократии, затеял «социалистическую индустриализацию Восточной Пруссии». Он превратил этот край в цветущий оазис «социализма», благосостояния и справедливости. Он боролся не только с отечественным, но и с английским капитализмом, с английскими концернами. Он выступал ретивым сторонником классовой борьбы пролетариата. Его прозвали в партии «большевиком». Сам Гитлер называл его «революционером»...

Чудеса следовали за чудесами. Судьи не прерывали обвиняемого. Зато все чаще и чаще раздавались в зале возгласы негодования в ответ на чудовищные измышления гитлеровского последыша, опасного военного преступника, палача и убийцы.

- Завтра он скажет, что был коммунистом! - громко сказал кто-то из представителей прессы. Эти слова услышал весь зал. И только Кох сделал вид, что сказанное не относится к нему.

А потом говорили свидетели. Процесс то и дело прерывался - на несколько часов, на несколько дней: Коху «становилось худо». И все-таки свидетели выступали один за другим.

- Ложь. Клевета. Поляки подкуплены. Поляки восстановлены против меня. Поляки не вправе меня судить. Это могут сделать только мои соотечественники - немцы.

Но и немцы уже судили Эриха Коха. Каждый день технический секретарь суда принимал и передавал председательствующему десятки и сотни писем из обеих частей Германии - писем, которые ложились новыми страницами в обвинительное заключение.

Люди не забыли злодеяний бывшего рейхскомиссара. Ведь Кох был палачом не только русских, украинцев, поляков, белорусов, но и многих немцев.

Его «правление» в Кенигсберге ознаменовалось массовыми казнями антифашистов, коммунистов, социал-демократов - тех, чьи родственники сейчас требовали сурового наказания «коричневому прусскому царю».

Бывший партийный деятель из Дюссельдорфа, обращаясь непосредственно к Коху, в письме говорил:

«Вы мастер вранья и обмана, архипалач, который даже в третьей империи не имел конкуренции! Как и все подобного рода креатуры, вы оказались обычным трусом... Мы, жители Восточной Пруссии, требуем справедливого суда над вами».

Сколько раз на процессе Кох пытался снискать расположение общественности, утверждая, что он спас поляков от мучений. По поводу этих слов С. Паликовский из Гендельберга сообщил суду:

«Это все сущая неправда. Знаю Коха много лет очень хорошо и помню, что он сказал в Кенигсберге в 1942 году:

- Весь польский народ, а также евреев следует как можно скорее истребить. Надо всех их выслать в лагерь».

О жестокости Коха по отношению к немецкому народу писал Август Новицкий из демократической зоны Берлина, потерявший жену и двоих детей, которые были расстреляны по приказу Коха за то, что их муж и отец дезертировал из гитлеровских войск.

«Много тогда было расстреляно людей, потому что они не хотели больше воевать с русскими», - заканчивал письмо Новицкий.

Рихард Кох из Берлина писал:

«Позвольте мне, гражданину ГДР, носящему ту же фамилию, что и преступник, выразить возмущение увертками гитлеровского ставленника перед польским судом.

Питаю надежду, что буду выразителем чувств всех честно мыслящих немцев, а прежде всего тех, которые носят эту фамилию. Фашист Кох - прототип отъявленного и свободного от человеческих чувств преступника - тысячу раз запятнал кровью свое прошлое. Кох был и останется дьяволом в людском образе, как была им Ильза Кох из Бухенвальда. Это - позор для всех тех, кто носит ту же фамилию. Из списка людей, носящих фамилию «Кох», этот преступник давно для нас вычеркнут. Пусть ему об этом официально объявит суд».

Вот еще письмо.

«Пишут вам студенты экономического отделения университета имени Карла Маркса в Лейпциге, пишут вам молодые люди... Ненавидим фашизм и боремся словом и делом против фашистских сил, которые снова поднимают голову на западе нашей отчизны... Процесс Коха должен стать обвинением фашизма. Требуем наивысшей меры наказания».

«Хотела бы вас заверить, - сообщала из Мюнхена фоторепортер У. Борхерт, - что я, как, пожалуй, и каждая честная немка, полагаю, что обвиняемый Кох не имеет никаких симпатий в Федеративной Республике Германии».

Правда, Борхерт преувеличивала. Защитники у Коха нашлись - это были боннские реваншисты. Но их голоса заглушил гул негодования и гнева, прокатившийся в дни процесса по всему миру.

Суд учел требование миллионов простых людей.

9 марта 1959 года военный преступник гитлеровский палач Эрих Кох был приговорен к смертной казни.

Накануне вынесения приговора, на закрытом заседании, суд задал ему вопрос:

- Где спрятана янтарная комната, украденная по вашему приказу ив Советского Союза?

Кох тупо посмотрел в пол, потом вскинул на судью злобные и хитрые глазки и ответил:

- Не знаю.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРПЕВШИЙ КРУШЕНИЕ

1

- Итак, список наш почти исчерпан, - невесело сказал Денисов. - Кого можно было отыскать - отыскали, с кем следовало поговорить - поговорили, кто умер - не воскреснет. Лаш молчит, Герте скрылся. Файерабенд выложил все, что знал. Остается...

- Остается Руденко, - продолжил Сергеев.

- Да, Руденко. Крепкий орешек! Из Киева сообщили, что научного сотрудника по фамилии Руденко в тамошних музеях вообще никогда не было. Где же ее искать? Кто она? И знает ли что-нибудь важное для нас? Вот они, «проклятые вопросы»... Может быть, газета поможет? Откликаются же люди.

После того как «Калининградская правда» опубликовала очерк «В поисках янтарной комнаты», в котором говорилось о Роде, Руденко, киевских и харьковских коллекциях и о многих других вещах, уже известных читателю, поток писем в комиссию еще более возрос. Намного больше стало и посетителей.

Как-то к Сергееву в кабинет вошли два смущенных паренька в телогрейках.

- Вы нас извините за беспокойство, - сразу начал тот, что казался постарше. - Мы обнаружили колодец в подвале. Кажется, он ведет в какой-то потайной ход на Житомирской...

Некий А. Б. Фриев в письме утверждал, что в 1948 году он познакомился с несуществующей племянницей доктора Роде, «проводил с нею время», как он выразился, а потом встретился год спустя...

Но все это были в лучшем случае незначительные сведения, а то и просто анекдоты. Ничего особенного, заслуживающего внимания в письмах не оказалось.

Но как-то в начале августа, просмотрев утреннюю почту, Сергеев ворвался в кабинет Денисова:

- Какое письмо я получил, ты только послушай! Насчет Руденко!

Обычно сдержанный, Денисов даже вскочил с кресла.

- Ну-у?

- Вот, слушай!

«Узнав из газеты о розысках янтарной комнаты, я могу сообщить некоторые сведения о научном сотруднике Киевского музея гражданке Руденко. Встретились мы с ней в конце 1944 года в Вильденгофском дворце, в имении графа фон Шверина, куда я была угнана немцами на сельхозработы. Она рассказала мне, что привезла экспонаты киевских музеев. Я видела эти ящики - они стояли в подвальном помещении дворца.

При отступлении немцы подожгли дворец. Руденко и находившиеся здесь русские пытались приблизиться к зданию, чтобы спасти музейные сокровища, но немцы не пустили. Потом в хутор пришла советская разведка и нас отправили в Ландсберг. Так я потеряла Руденко из виду».

- Подпись есть? И адрес? - спросил Денисов.

- Есть и подпись, и адрес. Фамилия - Буйкова, живет в Калининграде.

- Едем! - решительно сказал Денисов.

- Едем! - поддержал его Олег Николаевич.

Буйковой не оказалось дома. Зато ее сын, рабочий судоремонтного завода, рассказал интересные подробности. Оказывается, Руденко жила в имении со старушкой-няней, у которой чуть ли не во все лицо было родимое пятно. Буйков описал и внешность самой Руденко. Это была женщина лет пятидесяти, среднего роста, гладко причесанная, седая. Как ни приблизительно было описание, оно могло пригодиться.

- В общем, начало удачное, - говорил Сергеев. - Имя Руденко было каким-то полумифическим, но теперь кое-что начинает проясняться.

- Ты погоди радоваться, Олег, - перебил Денисов. - Может быть, ошибка, совпадение?

- Не думаю. Слишком уж много совпадений.

- А я склонен сомневаться. Давай еще раз запросим Киев.

Запрос отправили в тот же день. И через неделю снова получили ответ: научного сотрудника по фамилии Руденко в городских музеях никогда не было.

Тут пришла пора сомневаться даже подчас не в меру доверчивому Сергееву.

Однако вскоре наступила очередь Денисова сообщить отрядную новость.

- Ты не занят? Заходи ко мне, - позвонил он Сергееву.

В кабинете Денисова сидел невысокий, плотный мужчина средник лет.

- Локшин, Константин Семенович, - представился он.

- Вам не трудно будет повторить для Олега Николаевича то, что вы рассказали? - попросил Денисов.

- Нет, отчего же, с удовольствием! Видите ли, прочитав очерк в «Калининградской правде», я обратил внимание на поразительное совпадение. Мне приходилось бывать в Костроме. Там в художественном училище работает искусствовед Ангелина Павловна Руденко. Она преподает и в других учебных заведениях города. Я немного интересуюсь историей искусства, любопытства ради ходил на некоторые лекции. Читает, надо сказать, замечательно. Пожилая уже, а память какая! Ни единой бумажки в руках. И живо так, интересно говорит. После одной лекции я к ней подошел, разговорились. Даже домой проводил. Она мне тогда кое-что о себе и рассказала. Говорила, что до войны работала в Киеве, потом ее насильно вывезли в Германию. Правда, насчет Берлина она ничего не рассказывала, не знаю, была ли там. А что касается Кенигсберга - был такой у нас разговор, она меня о городе расспрашивала, я ей кое-что сообщил о наших делах. Но расспросить ее подробнее мне было невдомек.

- Очень, очень интересно, Константин Семенович! - обрадовался Сергеев. - Крайне важно все это для нас. Спасибо.

- Ну, что меня благодарить. Сам понимаю, как важна любая деталь в таком деле. Готов помочь, чем могу, и дальше.

- Вы и так нам здорово помогли! - отозвался Сергеев. - Еще раз спасибо.

Локшин ушел. Друзья остались вдвоем.

- Странное все-таки у меня состояние, - признался Олег Николаевич. - Вот, понимаешь, радуюсь каждому сообщению, с интересом выслушиваю и проверяю его, а уверенности в том, что поиски закончатся успехом... нет у меня такой уверенности.

- Ага! Снова смятение русского интеллигента двадцатого столетия. - Денисов смял папиросу, втиснул окурочек в пепельницу. - Я понимаю, куда было бы веселее, приноси нам каждый день поисков хотя бы незначительные находки. Тогда видели бы хоть маленький, да результат. А так получается - впустую работаем. Вот и...

- Ты, наверное, прав, - признался Сергеев. - Что поделаешь, такой характер. Меня еще в детстве, бывало, мать ругала: «Все тебя нетерпежка одолевает». Каюсь, грешен.

- Ну, я тебя агитировать не буду, примеры из истории науки приводить тоже не стану, думаю, знаешь не хуже меня.

Сергеев рассмеялся.

- Да ты, кажется, и в самом деле опять усомнился в моей «благонадежности». Ишь, как нахмурился. Брось! Я ведь с тобой просто настроением поделился. А ты сразу выводы...

Теперь улыбнулся Денисов.

- С детства такой. Бывало, мать бранилась: «Экой ты, прости господи, скоропалительный...» Ладно.

Обменялись мнениями, вспомнили о детстве. Теперь - не хочешь ли прогуляться? У меня что-то голова трещит от всех этих звонков и заседаний. Пойдем побродим часок...

Август и сентябрь - лучшее время года в Калининграде. Дожди в эту пору редки, дни стоят не жаркие, но в меру теплые, тихие, высокое небо синее над головой, безмолвны бесчисленные городские парки и скверы, иссиня-зелена вода во рвах возле порта, в озерах и бассейнах, там и тут разбросанных по городу. Хорошо!

Денисов и Сергеев брели по улице Дмитрия Донского, сплошь заросшей зеленью. И говорили все о том же.

- Вот что непонятно: почему из Киева так отвечают? - задумчиво сказал Сергеев.
- Пожалуй, в этом нет ничего удивительного. Руденко могла замести следы. Не думаю, чтобы ее вывезли в Германию насильно.
- В общем, дело интересное. Едем? - как в прошлый раз, спросил Сергеев.
- К сожалению, тебе придется ехать одному. У меня обстановка складывается так, что не могу отлучиться. Есть другие дела.

2

Они сидели в тесной комнатке, перегороденной ширмой, за низким столиком, похожим на ломберный. Беседа поначалу не ладилась.

- Вот все, что у меня осталось к концу жизни, - горько сказала Руденко, обводя глазами свое жилище.
- А было...

Ангелина Павловна тут же спохватилась и умолкла.

Молчал и Сергеев. Он мучительно думал об одном: как сделать, чтобы эта женщина, столько пережившая и пережившая, совершившая на своем долгом веку, наверное, немало ошибок и разучившаяся доверять людям, поверила ему, увидела бы в нем человека, пришедшего за помощью.

Машинально он взял со столика небольшую книжку и полистал ее. Это был Ренан. Книга оказалась на французском языке, мало знакомом Сергееву. Он хотел было положить ее обратно, как вдруг одна фраза, аккуратно подчеркнутая синим карандашом, привлекла его внимание. Олег Николаевич вслух, слегка спотыкаясь на некоторых словах, перевел:

- «Всем, терпящим крушение в море бесконечности, - снисхождение...»

- Что вы сказали? - вдруг переспросила Руденко, очнувшись от своих размышлений.

- Я просто перевел эту фразу, - и Сергеев повторил только что прочитанное.

- Вы... вы нарочно? - срывающимся от волнения голосом спросила женщина.

- Простите... я вас не понял. Я просто прочитал вслух то, что подчеркнуто здесь, - растерянно ответил Сергеев.

И тогда Руденко вдруг заплакала. Она плакала тихо, скупая слезы, не всхлипывая и не вытирая лица. Олег Николаевич не стал ее успокаивать. Что тут скажешь? Так прошло несколько тягостных минут.

Наконец Ангелина Павловна решительно встала, порылась в чемодане и достала толстую тетрадь.

- Теперь уже все равно, - тихо промолвила она. - Прочтите это.

Первое, что увидел Олег Николаевич на обложке тетради, были все те же слова Ренана, только переведенные на русский язык.

Сергеев возвратился домой через три дня.

- Без тебя пришли некоторые бумаги, связанные с Руденко: анкеты, следственное дело и кое-что другое, - сообщил Денисов. - А ты не зря съездил?

- Нет, не зря. Правда, о комнате... Впрочем, прочти сам. Остальное расскажу.

Когда это началось? Трудно сказать. Во всяком случае, не в тот день, когда Ангелина Павловна пошла к немцам работать. Возможно, истоки всего этого относятся к той поре, когда она, еще будучи в аспирантуре, вместе с другими националистами в 1926 году подписала проникнутую злобой и ожесточением декларацию по поводу ареста одного антисоветски настроенного профессора. А может быть, это началось раньше, в Киевском археологическом институте? Там она подпала под влияние группы украинских националистов. А возможно, еще в 1917 году, когда советская власть национализировала имущество ее мужа? Скорее всего это был постепенный процесс, и все те факты, о которых говорилось выше, сыграли свою роль. Так или иначе, когда началась война, Руденко уже безо всякого содрогания думала о фашистах.

Занятия в учебных заведениях прекратились, началась эвакуация на восток, в глубь страны. Но Руденко ехать отказалась. Не потому, что она думала бороться в подполье. Не потому, что считала себя нужной людям именно здесь. Нет, причины были иными. Конечно, нельзя сказать, чтобы Руденко питала к гитлеровцам симпатию и доверие. Ангелине Павловне причиняла боль каждая бомба, обрушенная на улицы и площади родного Киева, пугала мысль об еще больших несчастьях. Но она повторяла себе: «Война есть война. Направлена она не против народа, а против определенного государственного строя, и поэтому немцы - народ культурный, народ, из среды которого вышли в свое время величайшие мыслители, - не могут оказаться палачами по отношению к простым людям и не будут варварами, когда дело коснется сокровищ культуры. Очевидно, как только советские войска - Руденко теперь даже мысленно не называла их «наши» - отойдут, весь этот ужас прекратится. А когда замолкнут пушки - заговорит искусство».

«Культура, наука, искусство - это солнце, которое светит, для всех одинаково и не теряет при этом своего блеска, не тускнеет. Это - как родник свежей воды, утоляющий жажду всякого, кто припадет к нему: больного и здорового, умного и глупого, доброго и злого; воды его не иссякают и не мутнеют; это - врач, исцеляющий каждого, кто к нему обращается, - друга и недруга», - записывала она в тетрадь свои размышления.

А раз так - значит, можно не уезжать. Зачем бросать Киев, обжитые места, квартиру, обставленную дорогой мебелью, библиотеку, собранную с такой любовью и тщательностью? Зачем?

В августе 1941 года, незадолго до оккупации, Ангелину Павловну вызвали в городское управление по делам искусств и поручили организовать выставку «Военное прошлое нашей Родины». Ангелина Павловна даже обрадовалась - любая деятельность отвлекала ее от мрачных и путаных мыслей, приносила успокоение. Три недели она собирала по музеям и хранилищам картины, гравюры, лубки, скульптуры. Наконец выставка была готова.

Утром восемнадцатого сентября 1941 года в здании Музея украинского искусства на улице Кирова собрались экскурсоводы, чтобы изучить экспозицию выставки и подготовиться к объяснениям, а днем, когда они вышли из помещения, оказалось, что перейти через главную магистраль Киева - Крещатик - невозможно: части Красной Армии начали вынужденный отход. Бой разгорался на городских улицах. Только через несколько часов Руденко смогла добраться к себе домой, в Михайловский переулок.

Вечером во всех концах города почти одновременно возникли пожары. Слышно было, как рвались склады снарядов неподалеку от музеев русского и западного искусства. Руденко провела бессонную ночь. Она тревожилась и за себя, и за те сокровища, что еще оставались в музеях. Ей страшно становилось при мысли, что картины и графика, скульптура и образцы прикладного искусства могут оказаться в огне и прахе. Едва забрезжил рассвет, она поспешила к музею, преследуемая страхом, - не загорелись ли от взрыва снарядов выставочные помещения и хранилища фондов?

Вот и музей. Здания оказались целыми, только почти все окна были выбиты, крыши продырявлены, паркет в залах усыпан осколками.

Вместе с немногочисленными сотрудниками музея Руденко до вечера бродила по залам, подбирая мусор, кое-как заделывая окна. А вечером в город ворвались гитлеровцы.

3

Первое время Руденко пыталась отсидеться дома. Одна, с восьмидесятилетней старушкой-няней, она запиралась в квартире и часами сидела в глубоком кресле, не двигаясь. Только вечерами Ангелина Павловна тайком пробиралась в парк возле музея и издали смотрела на знакомое здание. Вокруг ходили немецкие часовые, а от музея так и веяло запустением. Пройти внутрь не было никакой возможности.

Но как-то днем Ангелина Павловна не выдержала. Одиночество становилось ей невмоготу. Она отправилась к художественному институту в надежде встретить кого-нибудь из преподавателей. Однако до института она не дошла. Клубы дыма плыли над городом, время от времени раздавались взрывы. Вдруг от удара страшной силы содрогнулась земля.

- Софийский собор взорвали! - крикнул кто-то.

- Не может быть!

- Все может быть.

Люди, прижимаясь к стенам зданий, бросились к собору.

Тревога оказалась напрасной. Собор уцелел. Взорвано было лишь большое здание на углу Крещатики и улицы Свердлова. Пожар перекинулся в самый центр города, и наутро всех, кто проживал в центре и близ него, гитлеровцы выгнали на окраины. Взяв за руку полуслепую няню, Руденко ушла к Владимирской Горке, где на тихой улочке нашла приют у знакомых.

Целую неделю она пробыла там, уже не надеясь вернуться домой. Но полиция разыскала Руденко. Ее доставили в гестапо.

У Ангелины Павловны был немалый стаж научной работы. Более десяти лет она преподавала историю изобразительного искусства в Киевском художественном институте, несколько лет заведовала отделом гравюры в Киевском музее русского искусства. Впоследствии она почему-то решила скрыть эти факты и, очевидно воспользовавшись тем, что во время оккупации стала директором музея, уничтожила свои документы. Последние годы Ангелина Павловна преподавала в Художественном институте, одновременно читала лекции в Киевском государственном университете.

Немцы учли все это, но учли также и другое.

Высокий, затянутый в ремни офицер с нашивками штурмбаннфюрера, внимательно оглядев перепуганную женщину, предложил ей сесть.

- Я надеюсь, вы не откажетесь сотрудничать с нами? - заговорил он по-русски, тщательно подбирая слова. - Мы кое-что знаем о вас. Вы нам нужны.

«Вот оно. Что же делать? Что они знают обо мне? О прошлом? Об ошибках юности?» - Все это вихрем пронеслось в голове Руденко. Вслух она не сказала ничего.

Помолчав немного, гестаповец повторил:

- Итак, вы будете сотрудничать с нами. Я полагаю, не в ваших интересах дожидаться, пока мы вас заставим это делать. Мы - культурная нация, и все культурные люди должны помогать нам.

Немец протянул Ангелине Павловне бумагу. Это была подписка о сотрудничестве с оккупационными властями.

Руденко вернулась домой поздно вечером.

«Немцы - культурная нация, мы докажем это всему миру, что бы ни кричала советская пропаганда... Через несколько дней музеи начнут работать...» - всплывали в памяти обрывки недавнего разговора.

Да, она тоже считала немцев культурной нацией. Правда, две недели оккупации могли бы убедить ее в другом: в том, что гитлеровцы - не нация, что они уничтожают культуру. Но Ангелина Павловна уверяла себя, что это лишь недоразумение, лишь единичные проявления разгула опьяненных победами отдельных разнужданных элементов. «Но даже их можно перевоспитать, приобщив к подлинному искус-

ству. Даже их! Однако для этого надо работать, для этого надо внушать людям преклонение перед красотой и благородством человеческих чувств. Кстати, сотрудничая в музее, я смогу сохранить для Украины то, что осталось здесь», - размышляла Руденко.

Но сотрудничать ей пришлось не только в музее.

Однажды Руденко посетил бойкий молодой человек.

- Шпак. Сотрудник газеты «Новое украинское слово», - отрекомендовался он. - Господин штурмбан-фюрер Краузе рекомендовал мне вас, Ангелина Павловна, как человека глубоко эрудированного и готового использовать свои познания в великих целях пропаганды нового порядка на Украине. От вас требуется немного - всего несколько статей для нашей газеты. Кажется, вас что-то смущает? - нахально спросил Шпак, видя, что Руденко медлит с ответом. - Тогда я позволю себе напомнить о письменном соглашении, которое вы дали господину штурмбан-фюреру. То, о чем мы просим вас, есть одновременно и его поручение.

В жизни Руденко открылась страница, которую она предпочла опустить даже в своей исповеди, написанной после войны: она стала сотрудником националистической, продажной газетенки.

Одна за другой появлялись в «Новом украинском слове» пространные корреспонденции, подписанные А. Руденко. Тот, кто струсил, становится предателем. Тот, кто предал один раз, уже не останавливается ни перед чем. Статьи Руденко становились все подлее и подлее.

Сперва она писала о большевиках, которые будто бы уничтожили в Киеве «более двенадцати древних исторических памятников - церквей, имеющих важное национальное и культурное значение».

Потом стали появляться статейки с клеветническими, гнусными названиями: «Могильщики культуры», «Разрушенные и полуразрушенные церкви» и тому подобное. Содержание их вполне соответствовало заголовкам. Но и это было лишь началом «журналистской деятельности» Руденко. Вскоре она написала подвальную статью, озаглавленную «Отношение большевиков к культурным ценностям в теории и на практике». Тут было все. И издевательство над важнейшими постановлениями партии и правительства, направленными на сохранение и пропаганду художественных ценностей, и клеветническое утверждение, будто годы советской власти были периодом упадка национальной культуры, эпохой варварского уничтожения культурных ценностей. А в очерке «Старый Киев - соперник Византии» Руденко описывала трех немецких солдат, которые-де не только воюют, но и знакомятся с культурой и искусством оккупированных стран.

Холопствуя перед гитлеровцами, Руденко сочинила и «научный трактат»: «Друг Тараса Григорьевича Шевченко - Евгений Штернберг» с доказательствами «влияния» немецкого реакционера на взгляды замечательного сына украинского народа, великого кобзаря, борца за свободу и независимость своей родины - Тараса Шевченко.

Хозяева по достоинству оценили лакейские способности своей «сотрудницы» и даже бросили ей кость - назначили заведующей Музеем русского искусства. Подобрал небольшой штат сотрудников, Руденко взялась за восстановление экспозиции музея.

Нельзя отказать ей в настойчивости и трудолюбию. Она не перестала любить искусство и делала многое для того, чтобы уберечь картины от гибели и порчи.

Здание музея нуждалось в немедленном ремонте: стекол в окнах почти не было, в крыше по-прежнему зияли пробоины, отопление не действовало, в парке царили запустение и беспорядок. Только к Новому году с большим трудом удалось ликвидировать все эти разрушения.

Немецкое командование предупредило сотрудников музея: за сохранность здания и экспонатов они отвечают жизнью. Девять человек жили в постоянном страхе, мучительно волнуясь, когда кто-то из посторонних появлялся во дворе.

Новый 1942 год ознаменовался для Руденко вступлением еще в одну должность. Как человек, доказавший на деле свою преданность гитлеровским властям, она была, по совместительству, назначена заведующей Музеем украинского искусства. Стояла лютая зима, музеи не отапливались, освещения не было. Дважды в день, содрогаясь от ужаса, проходила Руденко по сгоревшему, разграбленному Крещатику, спеша из одного музея в другой. Впрочем, через полтора месяца ее освободили от работы в Украинском музее, приказав навести образцовый порядок в Музее русского искусства.

Гитлеровцы противоречили сами себе: они то распорядились открыть экспозицию музея для узкого круга лиц, то собирались оборудовать здесь квартиру рейхскомиссара Коха, то готовились создать в музее какой-то институт сельского хозяйства, то намеревались переоборудовать его под радиоцентр. Руденко настойчиво ратовала за сохранение музея, возможно для того, чтобы впоследствии реабилитировать себя перед «русскими», а может быть из боязни потерять любимую работу.

Из оставшихся экспонатов (основная часть их была эвакуирована советскими органами в Уфу в июле 1941 года) была создана экспозиция. В музей разрешали входить лишь по пропускам, выдаваемым только немцам провинциальным управлением архивами, библиотеками и музеями.

Каждый день приходили сюда приехавшие из Германии историки и искусствоведы, врачи в военной форме, археологи, теологи, архитекторы и, в первую очередь, конечно, «специалисты» из «Штаба РР»²⁰. Они интересовались преимущественно искусством допетровского времени, главным образом иконами.

²⁰ Штаб по разграблению культурных ценностей часто называли «Штабом РР», что означало - Штаб рейхслейтера Розенберга.

Отлично владея немецким языком, Руденко давала пространные объяснения. Она с гордостью и даже охотно показывала и раскрывала великое культурно-историческое значение каждого памятника. «Я видела, как эти черные люди с восторгом приобщаются к сокровищнице искусства, - вспоминала позже Руденко. - Многие из них, уходя из музея, говорили, что никогда не забудут того дня, когда познакомились с искусством моей родины».

Так и переплетались в сознании Руденко страх и гордость, предательство и патриотические чувства. И все-таки страх делал свое дело: клеветнические статейки мутным потоком выливались из-под ее пера. А путаница во взглядах на искусство часто заставляла забывать о том, что перед нею - не просто «ценители живописи», а злобные, изощренные враги - враги ее народа, враги культуры и прогресса.

Теперь Руденко нередко встречалась с представителями штаба Розенберга, с сотрудниками имперского комиссариата, в ведение которого перешли все киевские музеи. Наконец она была представлена «высокому гостю», посетившему музей, - рейхскомиссару Украины Эриху Коху и сумела произвести на него столь благоприятное впечатление, что вскоре и Кох вспомнил о ней.

Порой Руденко охватывал панический страх. Ей казалось, что на нее смотрят так же, как на гитлеровцев. Она старалась как можно реже появляться на улицах. Чтобы не видеть окружающего, она почти все время отдавала работе в музее. Руденко описывала и классифицировала экспонаты, составляла на каждый научную карточку. По воскресеньям она проводила экскурсии по городу, показывала немцам Софийский и Кирилловский заповедники, Золотые ворота, Андреевский собор.

Летом 1942 года гитлеровцы решили подорвать снаряды и бомбы, которые валялись в парке против музея. В здании заблаговременно открыли все окна и двери, но это не помогло: стекла вылетели, доставать их пришлось с большим трудом, работники музея тратили на поиски стекла почти все свое время.

Казалось, у Руденко было теперь достаточно оснований к тому, чтобы усомниться в «культуртрегерстве» гитлеровцев. Но она по-прежнему не отказывалась от сотрудничества с фашистскими властями, хотя одновременно старалась и сохранить музейные ценности.

В начале октября 1942 года руководителям музеев приказали начать разборку вещей, вывезенных гитлеровцами из Киевской лавры. Каждому музею полагалось отобрать предметы, соответствующие его профилю. Руденко сосредоточила свое внимание на иконах. В коллекции лавры ей попались великолепные образцы (так называемая Порфирьевская коллекция). Она вместе с другими сотрудниками на руках перенесла иконы в музей.

Прошло полгода. Советские войска освободили Харьков. Казалось, что немцы вот-вот уйдут из Киева. Руденко принялась усиленно разыскивать различные музейные экспонаты, намереваясь, очевидно, тем самым доказать свою «преданность» советской власти. В одном из школьных зданий ей удалось найти и перенести в музей еще несколько интересных икон.

Затем обстановка на фронте снова ненадолго изменилась в пользу гитлеровцев, и Руденко засела за отчеты провинциальному управлению музеями, библиотеками и архивами, всячески рекламируя свою деятельность, благодаря которой музей «восстановлен и поставлен на службу новому порядку», и вновь понося советскую власть, при которой будто бы «директорами музеев назначались безграмотные люди, связанные с органами НКВД и не имеющие никакого отношения к науке и искусству».

Шаг за шагом шла Руденко по скользкой дороге предательства, хотя одновременно пыталась заглядывать его своим отношением к делу. Что заставляло ее проводить в музеях чуть ли не круглые сутки? Любовь к искусству? Да, безусловно. Страх перед расплатой за измену Родине? Разумеется. И еще страх перед оккупантами. Спасение от кары с той и другой стороны было в одном: бороться за сохранение музейных ценностей. И Руденко делала все, что от нее зависело.

Ее усердие по достоинству оценили гитлеровцы. В марте 1943 года заведующий провинциальным управлением доктор Винтер вновь поручил ей по совместительству руководить Украинским музеем. Руденко согласилась, хотя ей не прибавили даже жалованья.

4

Советские войска подходили все ближе и ближе к Киеву. Музей закрыли. Гитлеровцам было уже не до экскурсий. Однако о музейных сокровищах они помнили.

- Фрау Руденко, вам необходимо упаковать наиболее ценные картины в ящики, приспособленные для перевозки.

- Для перевозки? Куда?

Винтер помедлил.

- Вообще-то говорить об этом преждевременно. Тем не менее, вам я доверяю. К тому же, рано или поздно вы и так все узнаете. Экспонаты приказано вывезти в Каменец-Подольск.

- Зачем? - нервно спросила Руденко.

- О, фрау, вы заставляете меня быть не в меру многословным. Но у арийцев исстари существовало рыцарское правило: от женщин не должно быть тайн. Разумеется, от тех, кому рыцари доверяют, - снова подчеркнул Винтер, искоса взглянув на собеседницу. - Извольте, скажу вам и это. Дело в том, что, видимо, Киев нам придется оставить. Да, такова обстановка. Нужно выровнять фронт. Однако мы заставим Советов положить здесь немало костей. Город не раз, вероятно, перейдет из рук в руки, прежде чем мы отодвинемся на запад. Вы понимаете, фрау Руденко, почему нельзя оставлять тут наши ценности, которые вы, признаюсь, научили меня понимать и ценить?

- Хорошо. Когда прикажете приступить к работе? - переходя на деловой тон, спросила Руденко,

- Завтра. И я просил бы вас лично руководить упаковкой, ибо вам предстоит...

Винтер снова умолк. Заметно было, что он нарочно выдерживает паузу. Руденко схватила его за рукав.

- Что, что предстоит мне? Расстрел, после того как я окажусь вам ненужной? Да? Что же вы молчите?

- Ну, зачем же так, милая фрау, - вкрадчиво проговорил Винтер. - При чем тут расстрел? Я полагал, что вы лучшего мнения о нас, голубушка. Все обстоит значительно проще. Вам придется поехать в Каменец-Подольск вместе с экспонатами. Только и всего.

- Только и всего, - тихо повторила Руденко. - Вы думаете, что этого мало?

Винтер промолчал.

- У меня здесь квартира, библиотека, коллекция, - продолжала Руденко. - Бросить все это, оставить Киев! Нет, я не согласна!

- О, вы давно на все согласны, фрау Руденко, - жестко произнес Винтер. - Постарайтесь избегать красивых слов. Вы будете делать то, что вам прикажут. Больше того: вы рады уехать из Киева. Вы боитесь русских! И, пожалуй, вы правы: единственное, что хоть немного удерживает вас здесь, - квартира. Мы поможем вашей беде: вы получите квартиру там, где будете жить. А имущество ваше примет под охрану германское командование. Думаю, что этого вполне достаточно? До свидания. С этого часа Руденко почувствовала себя человеком без родины. Еще не покинув ее и не зная, придется ли это сделать, она уже поняла, что поедет, куда угодно, поедет, куда прикажут.

Она металась, не зная, что предпринять, хотя, в сущности, все уже определилось самим ходом событий. Ангелина Павловна понимала это, и все-таки поток бурных, противоречивых мыслей одолевал ее.

Началась упаковка икон и картин.

Заведующий фондами Ступаченко и завхоз Швец приволокли в один из отсеков подвала привезенные откуда-то немцами ящики, раздобыли несколько килограммов гвоздей, вооружились молотками, топорами и клещами. Остальные сотрудники, женщины, приносили иконы, спрятанные неподалеку.

А заведующая музеем сидела в стороне на дряхлом стуле и, глядя в сторону, о чем-то сосредоточенно думала. Коллеги настороженно поглядывали на нее, не решаясь завести разговор.

Почти все иконы и полотна принесли и сложили аккуратными стопками, сгруппировав по авторам, периодам, технике исполнения. Принесли упаковочный материал и приступили к работе. И вдруг Руденко встрепенулась:

- Погодите! Не так!

Торопливо, как бы опасаясь, что ее остановят, она начала перебирать заново иконы и картины, откладывая в стороны самые ценные экспонаты. Отобрав несколько десятков, она попросила принести оберточную бумагу и полотняные пакеты.

Заметив, должно быть, недоумение на лицах сотрудников, Руденко пояснила:

- Господа, я отобрала, как видите, лучшие произведения, гордость нашего музея. К ним нужно относиться особенно бережно. Поэтому надо сперва уложить их в пакеты, а потом уж в ящики.

- Ангелина Павловна, но ведь это же крайне неудобно! - заметил Ступаченко. - Лучше уложить их в ящики с прокладками.

- А я считаю, что именно так удобнее и надежнее, - оборвала заведующего фондами Руденко. Тот недоуменно пожал плечами, но возражать не стал: работа при немцах приучила его к безропотному повиновению.

Трудились до полуночи. Выходить на улицу было уже нельзя, и все семеро остались ночевать в музее, кое-как разместившись на диванах и столах. Уснули быстро, и только Руденко, поворочавшись с боку на бок, встала и вышла в парк.

Стояла ночь, тихая и прозрачная, какие бывают, наверное, только в сентябре, на исходе «бабьего лета», когда осень еще не успела обжечь деревья своим рыжим огнем, но уже во всем чувствуется приближающееся увядание. Но Руденко не замечала грустной прелести этой ночи. Тупая, как зубная боль, тоска не давала ей покоя.

«Что делать? - размышляла она, медленно шагая по аллеям. - Что делать? Поступить так, как я задумала - спрятать лучшие экспонаты в пакетах куда-нибудь, скажем в топки, либо в кладовые? Но ведь немцы могут узнать об этом, тем более, что придется сказать сотрудникам, а время такое, надеяться нельзя ни на кого. И топки могут зажечь, тогда ценности погибнут. Вывезти все в Каменец-Подольск? В этом случае они наверняка останутся при мне. Но ведь меня могут отстранить от должности, прикажут отправиться куда-нибудь еще, и экспонаты окажутся брошенными на произвол судьбы, они почти неминуемо погибнут - такие ценности!! И если об этом узнают русские - мне не сдобровать.

Что делать? Из Каменец-Подольска ящики могут вывезти в Германию. Могут? Да, конечно, могут. Впрочем, нет, пожалуй не успеют. А почему бы им и не успеть?

Ослушаться приказа? Оттянуть время? Дождаться русских, все рассказать самой? Немцы не глупы. Они скорее уничтожат меня, чем позволят оставаться до прихода советских войск. Что делать?»

Выхода, казалось, не было. Ей и в голову не пришла мысль о том, чтобы воспользоваться отсутствием контроля за ее деятельностью и передать экспонаты на хранение киевлянам - тем, кто не согнул голову перед оккупантами, кто продолжал бороться, оставаясь в тылу врага, или просто был честен, хотя и не находил в себе сил для активной борьбы. Такая мысль не пришла в голову Руденко, и наутро она, как ни в чем не бывало, распорядилась упаковкой ценностей.

Ангелина Павловна казалась спокойной, хотя каждый гвоздь словно вонзался в ее сердце, а не в крышки ящиков: все-таки, вывозилось то, чему она посвятила всю свою жизнь. Вконец измотанные напряженной работой, сотрудники сердились на заведующую: она то и дело просила забивать гвозди осторожнее, чтобы не повредить полотна.

Работа шла к концу. Двести произведений искусства плотно лежали в пятнадцати ящиках с адресом: «Каменец-Подольск». Здесь были уникальные иконы: «Егорьевская богородица», «Успение», «Деиисус», «Параскева Пятница», «Преображение», «Троица», «Царские врата», «Спас Нерукотворный», «Спас Златые Власа», «Сретение», «Иоанн Предтеча», созданные выдающимися мастерами XVIII века.

Через несколько дней, оставив под расписку германских властей свою личную библиотеку, обстановку из красного дерева старинной работы, великолепный слепок с Венеры Милосской в величину оригинала, отлитый в мастерских Лувра, оставив родной Киев, Руденко выехала вслед за отправленными экспонатами в Каменец-Подольск. Ее сопровождала старушка-няня.

Перед самой отправкой Руденко сообщили, что в вагоне находятся переданные под ее ответственность и одиннадцать ящиков из Киевского музея западного искусства.

В Каменец-Подольске Ангелину Павловну вместе с ее бесценным грузом поместили в одном из зданий старинной Турецкой крепости.

Руденко осталась без определенных занятий, предоставленная самой себе. И снова она даже не подумала связаться с подпольными организациями, передать сокровища их единственному владельцу - народу, скрыться от преследования гитлеровцев и дожидаться прихода Советской Армии.

Продолжая терзать себя бесплодными размышлениями, Руденко целыми днями бродила по городу, любовалась его старинными домами, тихими улочками, знакомилась со старожилами. Так продолжалось около месяца. Затем сам Винтер привез из Киева очередную партию ящиков, в которых находились экспонаты музеев русского и западного искусства. Они тоже были переданы Руденко.

Ангелина Павловна принялась за дело.

В ящиках не оказалось ни описи, ни научных карточек. Пришлось заново составлять списки. Работа оказалась сложной даже для такого опытного искусствоведа, как Руденко: надо было по памяти восстанавливать название экспоната, пересказывать содержание той или иной картины, называть автора и эпоху, определять материал и технику, измерять размер, оценивать степень сохранности. Она справилась со всем этим. Три экземпляра списка - один для Винтера, один - в ящик, один - для себя, - наконец, закончены. В тот же день Руденко сообщили, что по приказу рейхскомиссара Эриха Коха она должна организовать погрузку ящиков в вагон для отправки в Кенигсберг.

Воздушные замки, построенные Руденко, рухнули. Надежда на то, что гитлеровцы не успеют вывезти музейные ценности, как и следовало ожидать, не оправдалась.

Стало ясно: она поедет с экспонатами в Восточную Пруссию.

Однако по неведомой причине Винтер изменил свое первоначальное распоряжение. Ящики с картинами отправили в сопровождении гитлеровских офицеров, а Руденко осталась в Каменец-Подольске. И тогда она стала добиваться у местных властей разрешения связаться с канцелярией рейхскомиссара. Вскоре в Каменец-Подольск поступила телеграмма с приказом отправить научного сотрудника Руденко в Кенигсберг. Это было в канун нового 1944 года, а в середине января она, прибыла в Кенигсберг, поступив в распоряжение доктора Альфреда Роде.

5

Ко времени приезда Руденко в Кенигсберг ящики с экспонатами музеев русского и западного искусства уже находились в шестидесяти километрах от города, в имении Рихау. Туда же отправилась и Ангелина Павловна.

Ей вручили ключи от здания, в котором навалом лежали ящики с экспонатами. В большой комнате, на первом этаже полупустого дома, Руденко принялась за работу. Она начала, с того, что стала «делать зондажи» - вскрывала наудачу какой-нибудь из ящиков, сверяла его содержимое со списком, проверяла сохранность и состояние картин. Постепенно все было проверено, свободного времени оставалось много. Тогда-то она и задумала составить подробный каталог, так называемый «Каталог резонанль», для икон.

Наконец объемистая рукопись чуть ли не в восемь печатных листов была закончена. Она содержала историю русской иконы, как памятника великого художественного мастерства народа, рассказывала о крупнейших собраниях икон, о различных школах иконописной живописи, в том числе и о таких замечательных мастерах, как Андрей Рублев, Феофан Грек (Грек), Дионисий, Симон Ушаков. В рукописи давалось подробное описание многих икон с расшифровкой их сюжета, статистический материал, а также указания на то, где опубликован или описан тот или иной памятник. Работа эта, безусловно, представляла значительный научный интерес.

Через несколько дней Руденко получила приказ снова эвакуировать экспонаты.

Войска Советской Армии прорвали полосу обороны противника на границах Восточной Пруссии и вступили на вражескую территорию. Наступление развертывалось быстро.

Ящики доставили в Вильденгоф - имение графов фон Шверин в семидесяти километрах от Кенигсберга. Великолепное здание дворца, построенного в XVIII веке, в старом парке, одной стороной выходило на огромный пруд. Здесь, в полутемной графской столовой, Руденко встретила Роде.



Столовая напоминала старинные рыцарские залы. Каменные плиты на полу, деревянные панели, узкие стрельчатые окна, светильники на стенах вперемежку с оленьими рогами и кабаньими головами, стулья с высокими резными спинками, столы на грубоватых козлах, развешанное повсюду оружие - алебарды, мушкеты, мечи, щиты, манекены, облаченные в сверкающие латы, - все это выглядело романтическим и таинственным.

Однако Руденко было теперь не до романтики. Приближалась развязка - она отлично понимала это и всеми силами старалась сохранить музейное имущество, чтобы хоть как-нибудь оправдать себя в глазах «красных».

- Фрау Руденко, - торжественно произнес Роде, - Великая Германия доверяет вам свое национальное достояние. Вот, - и доктор театральным жестом повел вокруг, указывая на штабели ящиков, сложенных вдоль стен. - Здесь находятся уникальные произведения из собраний Кенигсберга. Вам не дано права открывать ящики и знакомиться с их содержанием. Каждый ящик запломбирован. Прошу удостовериться и подписать сохранную расписку.

- А янтарная комната, - она здесь? - не удержалась от вопроса Руденко.

- Янтарная комната? Янтарная комната - самая большая драгоценность! Ее надо сберечь, чего бы это ни стоило, - уклонился от прямого ответа Роде. - Прошу вас. - Он протянул Руденко лист бумаги, показывая этим, что не намерен продолжать разговор.

Вечером Роде уехал домой, а Руденко и ее няня начали устраиваться на новом месте.

Из многочисленного семейства графов фон Шверин в замке оставалась лишь старая графиня, официальная владелица имения.

Долгими вечерами две пожилые женщины - немецкая графиня и кандидат искусствоведения, человек, потерявший родину, - сидели в обитой

штофом гостиной, чуть освещенной красноватым пламенем из камина, и раскладывали бесконечные пасьянсы, тихо беседовали за чашкой кофе или читали пухлые французские романы в потертых кожаных переплетках с вензелями графов фон Шверин.

Временами издали доносилась оружейная пальба. Женщины вздрагивали и крестились, с испугом поглядывая на задрапированные окна. Война подвигалась все ближе. Но пока ее тяжелые шаги еще не доносились сюда: советские войска готовились к решительному наступлению, накапливая силы.

И вот наступление началось.

Январь был на исходе. С утра шел мокрый и липкий снег. Он тут же таял, образуя под ногами серую, жидкую кашу. Зато деревья, остроконечные крыши, садовые скамейки в парке были покрыты плотным белым слоем, и от этого в воздухе остро пахло свежестыраным и высушенным на морозе бельем. В замке творилось что-то необычайное. Дворовая челядь сновала по парадной лестнице, на которую раньше не имела права входить. Из распахнутых дверей выносили и втискивали в лимузин ящики, кожаные саквояжи, ларчики и несессеры, погребцы с продовольствием, оплетенные соломкой бутылки дорогого вина.

- Милая фрау Руденко, - явно нервничая, говорила графиня, - положение чрезвычайно серьезное. Я вынуждена покинуть замок, в котором провела почти всю свою жизнь. Еду в другое наше имение, в Бранденбург. Я привязалась к вам всей душой, дорогая, будьте там моей гостьей. Вам оставлено место в автомобиле. Вашу няню мы отправим на другой машине, вместе со слугами. Надеюсь, вы согласны? Ведь вы понимаете, насколько велика опасность, угрожающая нам? Боже мой! Они почти рядом!..

Трудно сказать, какие чувства и мысли руководили Руденко. Но она отказалась. Может быть, ее пугала ответственность, возложенная на нее доктором Роде, и боязнь репрессий со стороны немецкого командования? Возможно, заговорила, наконец, совесть, и она решила вернуть родине украденные гитлеровцами экспонаты? Наверное, было и то, и другое...

Словом, Руденко осталась. Она даже произнесла перед графиней небольшую, но достаточно парадную, эффектную речь, которую затем воспроизвела в своих воспоминаниях. Смысл этой тирады сводился к тому, что цель жизни Ангелины Павловны, цель ее пребывания в Германии - охрана музейных памятников, дорогих всему человечеству, и что она, как капитан на корабле в минуту опасности, останется на мостике до конца.

Но на защитника интересов человечества Руденко походила мало - слишком путаной и запятанной была ее жизнь.

Вечером графиня фон Шверин покинула замок, а на следующий день, 23 января, его заняли отступающие части гитлеровских войск.

В имении жило немало помещичьих семей из восточных пограничных районов. Командование начало выселять их, освобождая помещения для войск. Командир полка потребовал и от Руденко, чтобы она очистила бывшую столовую, в которой стояли ящики с экспонатами.

И военные, и беженцы наперебой убеждали Руденко:

- Фрау, солдаты озябли, им нужна крыша над головой и глоток горячего кофе!

- Фрау, все мы вас просим!

Но Руденко отстаивала свои «владения» с отчаянием обреченной. Она снова и снова говорила обрванном, изможденным людям об огромной ценности экспонатов, о всепокоряющей силе искусства, о бессмертии живописи, - говорила, сознавая, что эти люди, видимо, просто потеряли способность понимать что-либо.

Они безнадежно махали руками и отвечали:

- Ах, фрау, за войну так много погибло всего, что жалеть о раскрашенных досках и тряпках уже не приходится.

Тогда Руденко решила на последний шаг: по утрам она закрывала дверь изнутри на огромный за-сов и проводила в столовой безвыходно целые дни. Так продолжалось до тех пор, пока не стало известно, что части Советской Армии находятся возле Штаблага, в двух километрах от Вильденгофа. Немецкие солдаты спешно покинули имение. А на следующее утро начался сильный артиллерийский обстрел и авиационные налеты.

Беженцы-немцы, бывшие слуги графини фон Шверин, люди, насильно угнанные из многих стран Европы в Восточную Пруссию, сгрудились в огромных подвалах дворца. Звучала русская, немецкая, французская, итальянская, польская речь. Здесь Руденко впервые разговорилась со своими земляками.

Она сидела в углу, вздрагивая от разрывов, и прислушивалась к женскому голосу.

- Ты уж потерпи немножко, Женюшка, не бойся, родненький. Здесь до нас снаряды не достанут, сынок. Переждем как-нибудь. Недолго теперь осталось - рядом они, наши-то.

«Наши... Она вот ждет их, - думала Руденко. - А я? Жду я или нет? Пожалуй, все-таки, жду. Но - что будет, что будет?..»

К вечеру обстрел прекратился. Разнесся слух, что русские отошли от Штаблага. И верно, наутро дворец снова заняли гитлеровские подразделения и походный лазарет. Беженцы шли сюда почти непрерывным потоком. Комнату, которую занимала Руденко, осаждали поминутно, требуя ее освобождения. Приходилось впускать беженцев и днем и ночью.

Так продолжалось несколько дней. То воинские части и немцы, работавшие в имении, а вслед за ними и беженцы, уходили на запад, то новая волна солдат и беженцев заполняла полуразрушенный дворец. И снова гитлеровцы требовали от Руденко выкинуть ящики во двор, и снова Ангелина Павловна убеждала, просила, потрясала бумажкой, подписанной доктором Роде, хотя на нее теперь почти никто не обращал внимания. Однако способность безрассудно повиноваться, выработанная долгими годами муштры, еще не покинула немцев окончательно. Никто не осмелился насильно заставить Руденко подчиниться. Ей лишь поминутно твердили, что следует уходить, потому что дворец все равно будет или взорван или разрушен во время обстрела.

- Русские увидят здесь одни развалины! - то и дело повторяли гитлеровские офицеры.

Теперь Руденко до конца осознала весь ужас своего положения. Единственную возможность спастись и хоть как-то оправдать свое предательство - если могло быть ему оправдание - она видела в спасении экспонатов. Руденко решила перенести ящики в огромный пустой погреб. Но как это сделать? Одной ей не справиться с этим.

Тогда она обратилась с просьбой к русским рабочим, к тем, кого еще вчера считала чужими, далекими, неспособными оценить и понять значение сокровищ, которые охраняла она, искусствовед. И эти простые, не слишком образованные люди откликнулись сразу, со всей широтой русского сердца. Круг понятий Руденко замкнулся: немцы, которых она считала ценителями культуры, оказались варварами. «Мужики», на которых она взирала свысока, рисковали жизнью, спасая картины, которых они не видели ни разу в жизни.

Вьюжной ночью тайком они перенесли ящики в подвал. Руденко заперла погреб на замок, ключи спрятала у себя на груди. Наутро комната, в которой жила Ангелина Павловна, оказалась занятой солдатами. Вещи и документы Руденко, составленный ею каталог икон остались там, и выручить их не было никакой возможности. Только крохотная сумочка с советским паспортом и несколькими немецкими удостоверениями оказалась у нее в руках. Следующую ночь Руденко провела в соседней с погребом комнатке. Здесь же спали немецкие солдаты. Ангелина Павловна несколько раз выходила, чтобы проверить, цел ли замок на дверях погреба.

Утром трое офицеров в закопченных шинелях и помятых фуражках потребовали от Руденко открыть погреб. Она повиновалась. Потрогав ящики ногой, старший отрывисто спросил:

- Что там?

- Картины. Иконы. Киевский и кенигсбергский музеи, - тоже отрывисто ответила Руденко.

- Ценные?

- Да, да, очень, - заторопилась она, надеясь, что офицеры помогут ей сохранить ящики.

- И все это достанется русским? - злобно спросил один из них.

- Ну, русским достанется немного! - сердито возразил другой и хлопнул дверью. Руденко снова навесила замок и поплелась в свою каморку.

Через полчаса, подойдя к погребу, она с ужасом увидела, что дверь сорвана с петель. Но ящики пока оставались на прежних местах. Рабочие помогли Руденко забаррикадировать проем разным хламом, собранным в подвале, - досками стульями, столами. Дверь завалили еще и старыми матрацами и прочим скарбом.

Вскоре налеты советской авиации возобновились с новой силой. Гитлеровцы начали отходить. Тогда-то Руденко прибежала в домик для прислуги, где теперь ютились русские и поляки.

- Господа! Товарищи! Я прошу вас: давайте организуем охрану дворца. Пусть одни займут места снаружи, другие - внутри здания. Поймите, картины надо спасти любой ценой!

- Это невозможно, пани, - откликнулся пожилой поляк. - Посмотрите - кругом швабы, все запружено машинами, лошадьми, повозками, кухнями, орудиями. Нас никто не подпустит к замку. Либо перестреляют, либо погонят за собой. Лучше немного переждать, пани.

Руденко одна вернулась во дворец. Все вокруг сотрясилось от разрывов артиллерийских снарядов, за прудом разгоралось зарево, и вода от этого казалась лилово-багровой.

Гитлеровцы поспешно отступали. Уже слышны были пулеметные очереди. Бой разгорался неподалеку.

Было уже темно, когда в комнату к русским рабочим ворвались двое солдат, одетые в серые мундиры, с автоматами на груди. Они потребовали, чтобы рабочие немедленно уходили с немецкими войсками, угрожая расстрелом каждому, кто попытается остаться. Но тут внезапно раздался сильный взрыв, небо будто расколосось пополам и обрушилось совсем рядом. Немцы молнией выскочили во двор.

Руденко вышла из дому и, прижимаясь к стене, бросила взгляд на дворец. Там сейчас хранилось все, от чего зависела ее судьба, ее жизнь.

Стрельба раздавалась все громче, все отчетливее. Было ясно, что до прихода советских войск оставались считанные часы.

И вдруг над крышей дворца взвилось огромное пламя. Руденко видела, как солдаты бросали в окна факелы. Огонь мгновенно охватил весь замок.

- Товарищи, товарищи, на помощь! - отчаянно закричала Ангелина Павловна, распахивая двери в домик. - Горит!

- Нехай горит, черт с ним, - зло отозвался мужской голос. - Нашего больше пожгли.

- Товарищи, так там же картины, вы понимаете, картины, им цены нет, товарищи! - умоляюще говорила Руденко, заглядывая в глаза каждому, кто стоял рядом.

- Картины картинами, а людей тоже пожалеть надо. Видишь? - и седоусый мужчина показал в окно. Там беспрерывным потоком тянулись колонны немецких войск. - Кто же тебя подпустит? Иди, коли жизнь тебе напоследок не дорога стала.

Несколько часов двигались войска мимо дворца. Багровое пламя освещало им путь - последний путь разгромленной фашистской армии. А у дверей домика, что стоял поодаль, плакала пожилая усталая женщина в накинутом на плечи пальто.



7

Поздний зимний рассвет еще не наступил, когда в Вильденгоф вступили подразделения Советской Армии.

Дворец догорал. Только кое-где временами еще вспыхивали последние языки пламени, да удушливый дым темной пеленой застилал окрестность.

Майор в запачканном копотью полушубке приказал всем, кто оставался в имении, немедленно уходить в город Ландсберг, расположенный в семи километрах от Вильденгофа. Взяв под руку старушку няню, Руденко машинально поплелась туда, забыв, казалось, обо всем на свете.

По дороге она спохватилась: может быть, еще удастся кое-что спасти! В Ландсберге она первым делом разыскала коменданта и сообщила ему о пожаре.

- Разрешите мне вернуться в Вильденгоф, я постараюсь сделать все, что возможно!

- Нет, гражданка, - вам сейчас там не место. Придется обождать.

Руденко приютилась в коридоре комендатуры и, не смыкая глаз (хотя не спала вот уже третьи сутки), стала ждать. К полудню она снова отправилась к коменданту:

- Я убедительно прошу вас отправить меня туда; моя помощь может понадобиться.

- Хорошо. С вами поедут полковник Днепровский и майор Вейцман.

Серые стены дворца стали черными, перекрытия обрушились, деревья вокруг обуглились, обнажилась грязная, изуродованная воронками земля. Из дверных проемов подвального этажа по-прежнему выбивались языки пламени и тянуло густым дымом.

- Не войдешь, - вздохнул Вейцман. - Даже пожарная команда не справилась бы. Придется возвращаться ни с чем.

На протяжении нескольких дней Руденко расспрашивали представители контрольных органов. Затем ее пригласил генерал и попросил снова рассказать все, что ей известно об украденных гитлеровцами сокровищах.

- Товарищ генерал, ради бога, дайте мне возможность еще раз поехать в имение! Меня не покидает надежда спасти хотя бы часть экспонатов.

Поездка состоялась 15 марта. Руденко и несколько рабочих спустились в подвал. Здесь выгорело все, что могло гореть. Груды теплого угля и пепла лежали во всех закоулках, покрывали пол. Раскопали толстый слой пепла и обнаружили обуглившиеся части ящиков и икон.

Коллекции сгорели. Сгорели картины и иконы киевских музеев, сгорели ящики с экспонатами «Художественных собраний Кенигсберга», ящики, содержимое которых было известно только доктору Роде... Тайна их осталась нераскрытой, и вряд ли теперь удастся ее раскрыть.

8

После войны Руденко поселилась в небольшом поселке Киевской области и стала работать медсестрой. Страх перед наказанием заставлял ее держаться вдали от Киева. Прошло полтора года, и Руденко начала понемногу успокаиваться, решив, что гроза миновала. Осенью 1946 года она перебралась в Киев.

Здесь она и написала свою «Исповедь», начатую словами знаменитого Ренана: «Всем, терпящим крушение в море бесконечности, - снисхождение...»

К кому обращала Руденко эти слова? Видимо, она понимала, что ей не уйти от ответа, и взывала о жалости. Но народ не прощает того, кто предал его в трудную минуту. Руденко была приговорена к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и с конфискацией имущества.

Так закончилась история искусствоведа Руденко, человека, потерявшего родину, человека, который стал предателем.

И вот теперь Сергеев сидел с Ангелиной Павловной Руденко в ее тесной комнате.

- Значит, вы здесь второй год?

- Да, отбыв срок наказания. Многое пережито... Теперь у меня есть родина. Как это много значит для человека! Тяжело и больно вспоминать прошлое, но я рассказываю о нем людям, чтобы моя катастрофа была поучительным уроком для тех одиночек, которые из-за мелких личных неудач, обид или ошибочных взглядов могут дойти до того, до чего дошла я. Вы мне верите, надеюсь?

- Верю, Ангелина Павловна.

- Я не боялась наказания. Что может быть страшнее пережитого? Еще там, в Восточной Пруссии, я поняла свое крушение и глубоко почувствовала, что не могу жить без своей страны, без ее культуры, без ее людей. Я уже старуха, мне пятьдесят девять лет, сейчас я изо всех сил стараюсь, работаю, чтобы заслужить прощение...

- Но вы, если не ошибаюсь, освобождены досрочно?

- Юридически - да, но я хочу заслужить прощение людей. Олег Николаевич, я хочу попросить вас... я очень вас прошу, - тихо и как-то просительно произнесла Руденко. - Я живой свидетель свершившегося насилия над мировой культурой, на моих глазах гитлеровцы уничтожали бесценные, неповторимые сокровища. Люди уже никогда не увидят эти гениальные творения человека. Это чудовищно! Разрешите мне помочь вам найти янтарную комнату. Сейчас каникулы, я могла бы поехать, если надо...

- Но ведь вы сказали, что все сгорело!

Руденко сокрушенно покачала головой.

- Да, в имении Вильденгоф все сгорело. Но я так и не узнала, что находилось в запломбированных ящиках, которые мне перепоручил Роде.

- Мы посоветуемся и решим. Я вам напишу, а теперь мне надо ехать...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ НЕ СДАВАТЬСЯ!

1

Олег Николаевич возвращался из Костромы мрачный. Он забрался на верхнюю полку и почти не слезал с нее. Извечные вагонные развлечения - домино, книжонка с лихим сюжетом, забавные дорожные истории - ничто его не привлекало. Сергеев лежал, подложив руки под голову, смотрел в потолок и нещадно ругал себя. Бросить Ленинград, бросить интересную работу, оставить Аню одну - и все лишь для того, чтобы без толку копать землю! «Тоже кладоискатель нашелся...» В этот момент Сергееву казалось, что он и впрямь больше ничего в Калининграде не делал и не делает.

Кох не признался. Этого и следовало ожидать. Роде умер. «Чего же боле?» - усмехаясь, совсем нехотая вспомнил Сергеев фразу из «Евгения Онегина». Ничего себе «Татьяна», старый дурак! Шерлок Холмс несчастный! Нет, хватит. Пора приниматься за ум...

Неизвестно, сколько времени еще продолжал бы он поносить себя, но пришла проводница и принесла чай. Сергеев взял стакан с таким видом, будто именно она, проводница, виновата во всех неудачах, связанных с поисками янтарной комнаты.

С таким настроением Олег Николаевич лег спать, а проснулся, когда уже был близок Калининград.

Последние минуты в поезде с детских лет вызвали у Сергеева немного тревожное и радостное чувство ожидания. Чемодан уже уложен и стоит на виду, и только остатки еды на столике напоминают о том, что еще совсем недавно это купе было обжитым домом. Пассажиры толпятся у окон, и ты уже живешь не общими вагонными интересами, а своей обособленной жизнью. Ты с нежностью смотришь на знакомые домики, на автобус, который прошел по шоссе, на товарную станцию, на будки стрелочников...

Сергеев, как и большинство пассажиров, стоял у окна и не то чтобы думал, а скорее ощущал свою связь со всеми этими местами. Оказывается, он все-таки здорово привык к Калининграду за эти годы!

Вон там, где копошатся люди, расчищая развалины, будет начинаться новый квартал - он соединит город с портом. А центр все-таки правильнее оставить там, где он был когда-то. Сергеев усмехнулся: сколько споров из-за этого... Он стал думать о предстоящих делах. Надо детально изучить проект Григоряна, - скоро обсуждение. И потом, пора решать, наконец, что делать с этими осточертевшими ему развалинами замка. Да, и янтарная комната!.. Так, наощупь, ничего не сделаешь. Надо искать людей. Но где? И есть ли смысл продолжать поиски? Нити, кажется, основательно оборваны.

С этим неясным и тревожным ощущением Сергеев пришел к себе в управление. Здесь на него сразу же свалилась новость: недавно по чьей-то инициативе решили вдруг запретить реставрацию старых домов на проспекте Калинина. Видите ли, нужен новый рабочий район, а то, что рабочим бондарно-тарного завода и мясокомбината пока негде жить - неважно. «Показуха» нужна, вот что! Построить всего три новых дома, а люди пусть где угодно ютятся!..

Сергеев сердито пододвинул к себе приготовленную секретарем почту. Нет, с обсуждением проекта Григоряна следует поспешить. Застройку центральной части города надо вести планомерно.

2

- Ты знаешь, какая у нас новость? Поймали вора!

- Какого вора? - удивился Сергеев.

- А того, что украл у тебя портфель с планами! - весело пояснил Денисов. - Помнишь? Кстати, при его непосредственном участии тебя чуть было и к праотцам не отправили, - добавил он уже серьезно. - Вот, читай.

Денисов протянул Сергееву бумагу, на которой крупными буквами было напечатано: «Рапорт».

Несколькими днями раньше, когда Сергеев сидел в зале варшавского суда и слушал, как нагло выкручивался и изворачивался Кох, здесь, в Калининграде, тоже шел допрос.

... - Итак, Дьяков, вы остались в Пушкине. Почему?

- Не было возможности эвакуироваться. Не все же уехали.

- Но и не все поступили на службу к оккупантам. Чем вы это объясняете?

- Боялся, гражданин следователь.

- Чего?

- Всего боялся. Думал - будут бить, жечь, расстреливать...

- Вы полагаете, что другие люди не испытывали страха?

Дьяков промолчал.

- Ладно. Оставим пока этот вопрос. Расскажите о своей работе в качестве агента гитлеровской полиции. Насколько нам известно, в первые же часы после вступления фашистов в Пушкин вы изъявили желание стать их проводником. Вы привели их во дворец. А дальше?

Кустистые, словно приклеенные, изрядно поредевшие брови Дьякова чуть дрогнули.

- Потом я получил задание узнать, где зарыты статуи и другие экспонаты из парка и дворца.

- Что вам удалось?

- Ничего. Я не хотел обнаруживать себя и действовал через подставных лиц, полагая, что когда немцам придется уйти, мне не сдобровать. Так и вышло: отступая, они даже не вспомнили обо мне.

- Зато о вас вспомнили в Бонне сразу после окончания войны.

- Да. Я стал их агентом.

- Что побудило вас к этому?

- Боялся, что меня разоблачат. Хотел заработать кроме того, - коротко ответил Дьяков. Следователь поморщился.

- Рассказывайте о своей «работе».

- Мне поручили следить за Сергеевым. Надо было достать его фотокарточку. Пришлось ехать вслед за ним в Пушкин. Я передал фотографию на явочной квартире. Но вскоре меня снова вызвали и приказали ехать в Калининград. Здесь я встретился с другим агентом - имени его я не знаю, знал только пароль. Он и должен был выполнять все поручения под моим руководством.

- Так сказать, повышение получили?

- Да, - не понял насмешки Дьяков.

- Зачем вы прибыли сюда, в Калининград, в тот вечер, когда вас арестовали?

- Мне было приказано выполнить задание особой важности. Дело в том, что...

И вот теперь Сергеев сидел у Денисова в кабинете и читал:

Рапорт

Доношу, что задержанный в сентябре 1958 года агент иностранной разведки Дьяков Леонид Яковлевич на предварительном следствии показал нижеследующее.

После того как разведке одного из враждебных нам государств стало известно о том, что в Калининграде в районе улицы Маяковского обнаружен крупный склад боеприпасов, оставленный немецкими фашистами и подготовленный ими к взрыву, Дьяков получил приказ немедленно выехать в Калининград и, после того как начнется разминирование склада, подорвать находившиеся там мины, снаряды, бомбы и гранаты числом около одиннадцати тысяч штук.

С этой целью Дьяков, одетый в форму старшины-сверхсрочника Советской Армии и обеспеченный необходимыми поддельными документами, должен был проникнуть в район разминирования и незаметно оставить там подрывной механизм, искусно смонтированный в ржавой консервной жестянке.

Своевременное задержание Дьякова сорвало этот диверсионный акт.

Как известно, группой воинов-саперов под командованием гвардии майора А. В. Еремина склад был благополучно разминирован, взрыва не произошло, что спасло от разрушения железнодорожный вокзал, близлежащую среднюю школу, значительное количество жилых домов, водопроводную и осветительную системы, а также ликвидировало угрозу жизни многих тысяч калининградцев.

Тот же Дьяков сообщил на допросе, что агент разведки, который совершил в 1945 году покушение на нынешнего архитектора города О. Н. Сергеева и затем похитил его портфель, перешел границу и скрылся в Западной Германии.

Следствие по делу изменника Родины Дьякова продолжается».

- А о янтарной комнате он что-нибудь сказал? - спросил Сергеев, кончив читать.

- Говорит, не знает, - ответил Денисов. - Думаю, не врет. Слишком мелкая сошка для того, чтобы его вводили в курс таких дел.

- Мелкая сошка, - усмехнулся Сергеев. - Вон Кох - крупная сошка, а толку столько же... Ничего не получается. Все концы как в воду... Слушай Денисов, отпусти-ка ты меня в Ленинград...

3

Рабочие треста Горстрой разбирали кирпичную стену оранжереи в бывшем имении одного из фашистских вельмож.

Ударив ломиком по кладке, молодой рабочий вдруг заметил, что из-под кирпичей выкатилась гильза крупнокалиберного патрона. Как она очутилась в стене? Зачем? Почему?

Парень поднял гильзу. Дульце ее оказалось залитым чем-то похожим на вар.

- Ребята, что-то интересное нашел! - закричал парень.

И вот на его ладони лежит, бережно прикрытая от ветра, бумажка серого цвета, какой-то немецкий бланк, на котором карандашом, наспех коряво нацарапано:

«Здесь работали русские
Соколов Петр, Брянской области,
Батов Демьян, Брестской области
1944 год».

Строители однажды обнаружили могилу, в которой лежали сотни скелетов. По остаткам одежды и полуистлевшей обуви они узнали тогда - это были советские воины.

А сейчас вот снова с болью рассматривали они поблекшую записку, осторожно передавая ее из рук в руки.

«Надо попытаться найти следы Соколова и Батова!» - решили члены комиссии по розыскам янтарной комнаты, после того как записка была вручена им.

В Брест и на Брянщину полетели запросы.

Через две недели пришел первый ответ: Батов Демьян Васильевич проживает с семьей в деревне Заеленье, Дрогического района Брестской области, работает в колхозе, а чуть позже пришло письмо и от самого Батова. Бывший солдат рассказывал о том, какой тяжелый путь страданий, лишений, голода и позора прошел он в немецком плену.

«О побеге не могло быть и речи, - писал Батов. - Нас окружали не только решетки и проволока, за нами неотступно следили охранники, эсэсовцы, лагерное гестапо...

Тысяча километров отделяла нас от Родины, мы находились в лагерях для военнопленных на территории Восточной Пруссии и, конечно, не могли рассчитывать на сочувствие местного населения. И тогда на алюминиевых ложках, самодельных портсигарах мы стали вырезать свои фамилии и адреса, а затем «теряли» вещи, в надежде, что когда-нибудь они будут найдены нашими советскими солдатами, и эта весточка о нас дойдет и до наших родных.

Сейчас это кажется наивным, а тогда мы верили в последнюю возможность сообщить о себе.

Не знаю, какими неведомыми путями, но в лагерь стали просачиваться слухи о положении на фронтах. Мы передавали их друг другу, и обычно к концу дня в лагере уже все знали новости с фронта. Новости были отрадные, это придавало нам силу, надежду и уверенность в том, что спасение близко, надо только выжить, выжить во что бы то ни стало!

В августе 1944 года большую группу советских военнопленных перевели в лагерь Метгеттен (в четырех километрах западнее Кенигсберга) и заставили работать на заводе бетонных конструкций. Здесь спешно изготовлялись блочные элементы оборонительных сооружений. Мы изнемогали от каторжного труда, но нас торопили, подгоняли: восточнее Кенигсберга возводилась еще одна «неприступная» линия обороны.

Затем я вместе с группой товарищей в сентябре 1944 года участвовал в сооружении каких-то тайников. Я не знаю, что там спрятано, но хорошо помню эти места».

Итак, Батов знал о каких-то неведомых тайниках!

- Надо обязательно, непременно пригласить его к нам! - воскликнул Сергеев.

- Конечно, - согласился Денисов. - Составь телеграмму, вышли денег на дорогу. Кто знает, не наведет ли нас Батов на важный след?

И вот Батов приехал и вел теперь членов комиссии к месту, где в сентябре 1944 года группа военнопленных закапывала какие-то предметы.

- Здесь! - уверенно указал Демьян Васильевич. Затем он быстро огляделся и почти бегом направился к стоящим в стороне деревьям. Денисов и Сергеев едва поспевали за ним. Взволнованный Батов показывал дрожащей рукой:

- Еще тут... и вот тут...

Однако сумерки сгущались. Решили начать раскопки утром.

Ночь прошла беспокойно. Члены комиссии договаривались с военным командованием о разминировании территории раскопок, подбирали добровольцев для предстоящей работы. Деятельность комиссии базировалась, - как говорил Денисов, - на «общественных началах». Она не имела никаких денежных средств, поэтому в необходимых случаях приходилось обращаться за помощью к населению, к военным. И помощь всегда приходила.

Так было и на этот раз. Рано утром на месте раскопок уже стояли два малых экскаватора. Неподалеку от них солдаты окружили генерала Егорова, который говорил о порядке работ. Генерал был активным участником поисков янтарной комнаты и главным советником по всем инженерным делам.

Место раскопок старались держать в секрете, и все-таки здесь собралась порядочная толпа «болельщиков». Вездесущие ребятишки шныряли между взрослыми: им хотелось раньше других узнать новости.

Прошло немало времени, пока саперы доложили:

- Мин нет!

Тогда солдаты провели трассировку площади, разбив ее на метровые квадраты. Длинными металлическими прутами они вели «зондаж», загоняя щупы в грунт на два-три метра.

Работали с большим напряжением, и все-таки всем казалось, что дело идет медленно. Особенно нервничал Батов. Он подходил то к одной, то к другой группе, убеждал, что не ошибся - тайник здесь или совсем рядом.

- Прошу не сомневаться, я хорошо помню, ошибки не должно быть, - заверял он.

Батов и в самом деле не ошибся: через некоторое время с западного угла площадки сообщили, что щуп натолкнулся на какой-то предмет и дальше не идет. Принесли еще несколько щупов, участок стали обследовать тщательнее. Сомнений не было: на глубине 170 сантиметров залегал какой-то твердый предмет!

Подождали экскаваторы и начали снимать верхний слой грунта. Все остальные работы на площадке прекратились. Теперь толпа стояла у котлована. Люди следили за тем, как быстро ковши экскаваторов углубляются в землю.

Напряжение нарастало. Затем в один и тот же миг раздались несколько голосов:

- Стоп, ящик!

- Стоп!

И не успел еще экскаваторщик застопорить стрелу, как в котлован уже прыгнул офицер, а за ним двое солдат с лопатами. Толпа еще ближе подвинулась к кромке котлована - всем хотелось увидеть, что нашли саперы.

Нестерпимо медленно тянулось время.

- Ну, что там, чего молчите? - торопили сверху. Но в котловане молчали. Затем один из солдат разочарованным тоном громко произнес:

- Механизмы какие-то!

Из тайника извлекли несколько ящиков. В них оказалось... около пятидесяти пишущих машинок. Они были покрыты ржавчиной и годились только в металлолом.

Во второй половине дня из другого тайника, указанного Демьяном Васильевичем, достали шесть ящиков с кожей. Гнилая, она расплзалась от первого прикосновения...

Все были разочарованы, один лишь Батов пребывал в отличном настроении. Он был доволен: память не подвела! Демьян Васильевич чувствовал себя героем дня.

- Найдём еще. Я знаю другие тайники в имениях, - уверенно говорил он, окруженный толпой.

На следующий день Батов повел Денисова и Сергеева в «одно место», как выражался он. К удивлению членов комиссии, этим местом оказались уже знакомые им бывшие имения гауляйтера Эриха Коха в Гроссфридрихсберге и Метгеттене.

- Здесь уже вели раскопки, - уныло пробурчал Сергеев.

- А вы еще попробуйте, - усмехнулся Батов. - Пока что я вас не подводил, а?..

В сентябре 1944 года человек двадцать военнопленных под конвоем привезли сюда.

Люди перешептывались: опять какие-то секретные работы. Они хорошо знали, чем кончались такие задания. Те, кто их выполнял, больше никогда не возвращались в лагерь. Так случилось в августе и с другом Батова - Петром Соколовым. Тяжелые предчувствия, неизвестность и страх делали пленных осторожными и внешне безразличными: они прекрасно понимали, что любое проявление чуть заметного любопытства может стоить им жизни.

...Из господского дома вышли два офицера-интенданта, приняли рапорт от старшего конвоя и тут же стали отдавать распоряжения.

Военнопленные вырыли яму, затем выложили дно ее кирпичом и опустили туда два широких бетонных цилиндра. После этого пленных отвели в сторону. Краем глаза они видели, как офицеры выносили из дома какие-то ларцы, ящики и укладывали их в трубы. Когда тайники были заполнены, припрятанное закрыли брезентом и рубероидом.

К тайнику опять подвели пленных и они, подняв блоками бетонные крышки, опустили их на цилиндры, потом засыпали яму землей, а сверху замаскировали дерном...

Обо всем этом Батов обстоятельно поведал членам комиссии. Вскоре подошли саперы и, не теряя ни минуты, приступили к «прощупыванию» грунта. Через некоторое время щуп натолкнулся на препятствие. Начались раскопки. Однако Демьян Васильевич был заметно встревожен. Он хорошо помнил, что бетонные крышки находились на глубине, ну, может быть, немногим больше метра, а тут - метра два - два с половиной!..

- Вроде что-то не так, - беспокойно сказал Батов.

Но ковши экскаваторов уже грызли грунт...

Такого сюрприза никто не ожидал! На глубине двух с половиной метров обнаружили площадку, выложенную кирпичом. Ту самую, на которую когда-то при участии военнопленного Батова были поставлены два бетонных цилиндра. А куда же девались они? Демьян Васильевич только разводил руками. Не нашли и тяжелых бетонных крышек. Демьян Васильевич был подавлен неожиданной неудачей. Он как-то притих, даже осунулся и стал собираться домой. Прощаясь, Батов долго извинялся, словно был причиной всех неудач.

- Ну что вы, Демьян Васильевич, - успокаивал его Сергеев. - Никто не подозревает вас в выдумках. Да и факты в той или иной степени подтверждают ваши слова. Что поделаешь, если так получилось! Будем думать, в чем тут секрет...

Да, разобраться в этой сложной задаче было нелегко. На заседаниях комиссии горячо обсуждались разные версии насчет исчезновения содержимого тайников.

Ценности могли быть расхищены прислугой имения. Многие, вероятно, видели, как возводились эти сооружения. А возможно, кто-нибудь из жителей поселка заметил, как прятали ценности в тайники, и в одну из январских ночей 1945 года, когда из имения все разбежались, решил посмотреть, что же укрыто в тайниках...

Все это могло быть. Но для чего тогда понадобилось откапывать и вытаскивать из ям тяжелые бетонные трубы? Чтобы овладеть ценностями, достаточно было снять слой земли в один метр и ломиком сдвинуть бетонную крышку бункера...

Вероятнее всего предположить, что это были временные тайники, сделанные в беспокойные сентябрьские дни 1944 года, чтобы уберечь ценности от воздушных бомбардировок, а затем перепрятать их в более надежные места. «Где же они, эти надежные места?» - ломали голову члены комиссии.

Как бы то ни было, но загадка оставалась загадкой.

4

- Кто-то сказал однажды: «Дома - как люди: каждый имеет свое лицо». Удивительно верно сказано! Я бы продолжил это сравнение так: города - как люди, у каждого свой характер, свое постоянное настроение, - сказал Сергеев, глядя через гранитный парапет на спокойную Неву.

- Не совсем понятно. Но... говори дальше, - улыбнулась Анна Константиновна.

- Ладно. Вот - Москва. Столица. Огромная. Величавая. И все-таки есть в ней что-то такое уютное, домашнее, немного суетливое... Это ощущаешь и в говорливости горожан, и в этой постоянной спешке - выйдешь на улицу и бежишь сломя голову, сам не зная, куда и почему, - словом, во всем! А взять, например, Ленинград. Здесь всегда чувствуешь себя, как на параде, - подтянутым, праздничным. Такой уж город! Сколько лет в нем прожил, а вот приехал сейчас - и сразу как-то чувствую и эту строгость линий, и величие памятников, и плавность Невы, - все то, что создает это особое, неповторимое, только Ленинграду присущее настроение. Смотри! - и Сергеев протянул вперед

Там, над золоченым шпилем Петропавловки, низко висело красное предвечернее солнце. Легкие перистые облачка над кронверками таяли и возникали вновь, будто наведенные слабыми мазками кисти.

Трезини знал, как использовать пейзаж: он укрыл приземистое здание собора за стеной, за густой зеленью, и только колокольня с ее закругленными линиями, с тонкой стрелой шпиля взлетала над островком, отражаясь в Неве, четко вырисовываясь на фоне прозрачного неба. А левее широким языком лежала на воде знаменитая «Стрелка» Васильевского острова с Ростральными колоннами, которые казались крылатыми. Бессмертное творение Тома де Томона - биржа, похожая на древний греческий храм, украшала набережную, которая без нее могла бы показаться блеклой и неяркой.

- Когда здесь живешь, так и не замечаешь иной раз всего этого! - воскликнул Олег Николаевич. - Не зря говорят, что приезжий за две недели успеваешь посмотреть в Ленинграде больше, чем иной старожил за всю жизнь. Ведь как некоторые рассуждают: «Успею, погляжу, впереди целые годы». А там, глядишь, годы и промелькнут. Мне, правда, повезло: я город вдоль и поперек исходил, насмотрелся вволю. Но зато каждый раз уезжать отсюда грустно. Да. Ну, ладно, что-то я в лирику ударился. Словом, даю тебе месяц срока, укладывайся.

- Слушаюсь, товарищ капитан! Прибуду в срок. А помнишь, как ты ко мне в Пушкин приезжал? Боже мой, как давно это было! И как недавно.

- И даже помню, как мы поспорили, - сказал Сергеев. - И знаешь, Аннушка, боюсь, что придется обращаться к умельцам. Уж и не знаю, где еще искать эту комнату. Кажется, все люди опрошены, а толку нет.

- Олешек, Олешек, что-то ты мне не нравишься! «Все люди!» Откуда ты знаешь, что все? Ты очертил какой-то круг и хочешь им ограничиться. А я верю - жизнь преподнесет тебе еще такое негаданное решение, о котором ты и не подозреваешь. Надо только не сдаваться, ни за что не сдаваться! - Глаза Анны Константиновны блеснули. - Почему ты опускаешь руки? А что касается умельцев, - помолчав, добавила она, - тут я готова снова с тобой поспорить. Есть вещи невозможные, особенно когда речь идет о произведениях искусства. Имитация, как бы она ни была хороша, все-таки имитация... И не будем ссориться, - прервала она на полуслове собиравшегося было возразить Олега Николаевича.

5

На следующий день Сергеев спозаранку отправился в Пушкин. Он хорошо помнил, каким неприглядным был дворец, и приготовился снова увидеть мрачную картину. Действительность приятно обманула его ожидания.

Оба фасада дворца покрывали строительные леса. Правда, к работам приступили совсем недавно и еще не успели развернуть их во всю ширь, но первые результаты ее были уже заметны. Если смотреть со стороны плаца, левое крыло, в котором помещалась прежде дворцовая церковь, уже приняло свой первоначальный облик. Сочетание лазури с золотом и белизной придавало восстановленной части здания парадный и торжественный вид.

Знакомой дорожкой Сергеев подошел к циркумференции, где на одном из входов висела небольшая вывеска: «Дирекция парков и дворцов-музеев», и направился туда.

Директор, внимательно выслушав Сергеева, разрешил ему осмотреть дворец и ознакомиться с необходимыми материалами. Олег Николаевич пошел в научный отдел.

Преодолев не одну кучу стройматериалов (это порадовало его: значит, за работу принялись всерьез, если столько добра сюда навозили), Сергеев миновал строительные леса, поднялся по щербатым ступеням и, с силой толкнув неподатливую дверь, очутился во дворце.

Неразговорчивый старшина милиции, проверив документы, молча показал рукой направо, туда, где висела рукописная табличка со стрелкой: «В научный отдел».

Учреждение со столь громким названием занимало, как и раньше, одну-единственную комнату, правда весьма просторную и светлую. На столах громоздились старинные фолианты, папки с негативами, картотеки, свитки. Ни одного знакомого лица Олег Николаевич не увидел. Ну, что ж, годы прошли...

Пожилая женщина с гладко зачесанными волосами и близоруко прищуренными глазами назвала себя:

- Галкина, Софья Федоровна. Заведующая отделом. Чем могу служить?

Пришлось рассказать все заново. Увлеченный Олег Николаевич и не заметил, как вокруг него собрались все сотрудники отдела. Посыпались вопросы:

- Не узнали, где Файерабенд теперь?

- А с Германской Демократической Республикой связывались?

- В Берлин писали?

- Как вы думаете, комнату найдут?

Сергеев отвечал с удовольствием, понимая, что это - не праздное любопытство.

- Да, чуть не забыл. Разрешите передать вам, Софья Федоровна, скромный подарок калининградцев - вырезки из нашей газеты, статьи о поисках янтарной комнаты.

- Спасибо! Очень хорошо. Нам столько вопросов о ней задают экскурсанты...

Теперь пришла очередь удивляться Сергееву:

- Какие экскурсанты? Ведь музея еще нет!

- Но мы открыли выставку - полтора десятка залов. Там представлены сохранившиеся экспонаты, рассказано об истории строительства дворца, о его восстановлении, показаны проекты восстановительных работ. Народу много приходит... Вы непременно побывайте на выставке. Там найдете немало интересного и полезного для себя. А пока, девушки, - обратилась она к сотрудницам, - надо подобрать Олегу

Николаевичу литературу и освободить место для работы. Давайте-ка все сообща, поскольку времени у товарища маловато.

Через час Сергеев углубился в просмотр документов и книг.

До вечера он успел сделать многое.

Он перелистал издавна знакомые ему старинные толстые книги, богато иллюстрированные, снабженные солидным справочным аппаратом, перебрал тонкие брошюры и вырезки из журналов, машинописные копии статей, пересмотрел десятки фотографий, вспоминая, что уже использовано в диссертации, сделал пометки в своем блокноте и закладки в некоторых томах, чтобы вернуться к ним завтра. Потом, когда уже начало темнеть и сотрудники собрались домой, Сергеев еще долго бродил по пустынному парку, обдумывая все прочитанное и услышанное за день.

С утра он отправился на выставку.

Сначала экспозиция показалась ему чуть ли не убогой по сравнению с довоенным великолепием. В самом деле, разве могли эти несколько залов со случайно подобранными экспонатами заменить прежнюю сверкающую трехсотметровую Анфиладу, разве могли обломки разных украшений создать хотя бы приблизительное представление о мастерстве их создателей, о парадной пышности дворцовых покоев, разве могли простые полы из штучного паркета хоть в малой степени заменить те удивительные, похожие на ковры орнаменты!

«Вряд ли следовало открывать эту выставку», - подумал Олег Николаевич, сунув блокнот в карман.

Он стоял сейчас в помещении, где прежде размещалась янтарная комната. Казалось почти невыносимым, что здесь, в таком обычном, не слишком большом зале с белым потолком и стенами, окрашенными, как в простом административном здании, совсем недавно, всего семнадцать-восемнадцать лет назад, сверкал и переливался сказочным светом овеянный древними легендами «морской камень», радуя людей своим мягким блеском. Теперь на стенах висели картины и таблицы, в центре комнаты на постаменте был выставлен для обозрения макет одного из первоначальных вариантов застройки дворца, выполненный по проекту Квасова, по полу тянулись обыкновенные ковровые дорожки,

Постояв еще минуту, Олег Николаевич свернул в дверь направо, которая вела в бывший Картинный зал. Узкий коридорчик был отделен от остальной части зала фанерной переборкой. Из-за нее доносился негромкий перестук молотков.

- Восстанавливают зал. Скоро откроем. Картины удалось почти все сохранить, - сообщила старушка смотрительница. - Вы, наверное, приезжий? Издалека?

Сергеев ответил.

- А, знаю, слышала. Это Кенигсберг бывший? Говорят, будто туда янтарную комнату вывезли. Правда?

Пришлось Олегу Николаевичу вновь рассказывать всю историю.

- Значит, ищите? Ну и слава богу. А то у нас народ интересуется. Вот, посмотрите-ка сами.

Она протянула Сергееву толстую книгу в массивном кожаном переплете. «Книга отзывов», - прочитал он тисненую надпись.

Полистав ее страницы, исписанные разными почерками на разных языках, Олег Николаевич собрался было вернуть книгу смотрительнице, но тут внимание его привлекла довольно категорическая запись: «Дворец нельзя считать восстановленным, пока в нем нет янтарной комнаты и других ценностей, похищенных фашистами. Надо возвратить их непременно. Алексеева. 30 августа 1958 года».

Сергеев стал читать внимательнее, устроившись поудобнее у круглого столика возле окна.

«Спасибо людям, которые спасли от фашистов часть экспонатов! Очень интересные вещи собраны здесь».

«Экспозиция производит большое впечатление. Если даже сохранившееся так великолепно, то можно себе представить, насколько изумителен был и будет дворец после восстановления».

«Нельзя без гнева смотреть на развалины дворца. Какие варвары! Мы будем бороться за мир, чтобы все это не повторилось вновь!»

Записей оказалось несколько сотен. И это за один месяц! Значит, люди идут, значит, им нужна выставка!

«Я упустил главное, - грустно усмехнулся Олег Николаевич. - То, что не всем людям на земле переваляло далеко за тридцать. Есть и значительно моложе... Вот они и не видели того, что довелось увидеть нам, не видели ни Екатерининского дворца, ни нетронутого войной парка...»

Сергеев снова полистал альбом.

«Мы, студенты Ленинградского технологического института, были на практике в Калининграде. Мы узнали от местных жителей, будто янтарная комната из Екатерининского дворца находится в подполье, вернее где-то в подземном ходе Кенигсберг - Берлин (якобы недалеко от Королевского замка). Интересно, правда ли это?

Тимошенко и другие. 7 сентября 1958 года».

Олег Николаевич усмехнулся: «И сюда проникли эти басни о подпольях... Сколько еще легковых людей на свете!»

Выписав в блокнот некоторые строки из книги, Сергеев пошел дальше. Он внимательно осматривал залы. Во втором разделе выставки были собраны документы потрясающей силы: снимки разрушенного, разграбленного гитлеровцами дворца, материалы о том, как коллектив работников по камешку, по крохотным деталям собирал уцелевшее от пожаров. Сергеев увидел многочисленные проекты восстанов-

ления дворца, отдельных его частей и помещений, прочитал пояснительные таблички и еще раз подумал: «Нет, выставка нужна, непременно нужна!»

Перед отъездом Софья Федоровна долго водила его по дворцу. Почти всюду кипела работа. Оказалось, что уже по плану ближайшего года пять залов должны принять свой прежний вид. Гостю показали куски шелка с синими узорами, изготовленного на одной из московских фабрик: он точно повторял старинную обивку одной из гостиных; показали, как возрождается рисунок паркета в другой комнате, познакомили с архитектурно-планировочными заданиями, сообщили, что на реставрацию только одних фасадов дворца государство щедро ассигновало десять миллионов рублей.

- Говорят, у вас, в Калининградской области, очень много янтаря добывается сейчас, - сказала на прощанье Софья Федоровна. - Вот мы и мечтаем: на первых порах хотя бы уменьшенную копию янтарной комнаты сделать, пока ее не нашли...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ, НО НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

1

Сергеев проснулся сегодня намного раньше обычного. Он открыл окно в сад, откуда сразу полился в комнату чуть приторный запах сирени, посмотрел на термометр, высунулся до пояса наружу и решил: «Пойду прогуляюсь часок, а потом - за работу».

Он быстро оделся и легко выпрыгнул из окна прямо в садик. Холодные капли росы обдали его с головы до ног, насквозь промочив рубашку и светлые брюки. Олег Николаевич поежился и тут же рассмеялся.

Отломив тяжелую ветку, сплошь усыпанную крупными кистями сирени, Сергеев вышел на улицу.

Узкая дорожка, протоптанная вдоль рва, привела его к форту. Каждый день Олег Николаевич проходил и проезжал мимо, и всякий раз в памяти его вставали те грозные апрельские дни сорок пятого, когда командир батальона Сергеев штурмовал последние опорные пункты врага в разбитом, сожженном Кенисберге.

И вот прошло четырнадцать лет. Только едва заметная надпись на стене форта, кичливая надпись из нескольких слов - «Дойче, геденкет унзерен колониен!»²¹, - напоминает о том, что ушло и не вернется сюда никогда.

Ушло и не вернется...

Сергееву вспомнилось славное погожее утро 30 апреля 1956 года. Тысячи калининградцев слушали тогда в аэропорту выступление Никиты Сергеевича Хрущева, только что возвратившегося из поездки в Англию. Тысячи горожан горячо рукоплескали первому секретарю Центрального Комитета в ответ на его слова:

- Да здравствуют советские люди, заселившие эти земли, которые навеки останутся социалистическими!

Вот как иногда бывает: одна фраза вдруг озаряет то, что доселе оставалось неосознанным по-настоящему.

«А ведь и в самом деле, поработали на славу, - размышлял Олег Николаевич, задумчиво глядя на ленивую воду канала. - Сколько понастроено! Одной жилой площади стало теперь вдвое больше, чем досталось нам после войны. А предприятия! Вагоностроительный, литейно-механический, рыбоконсервный, башенных кранов, торгового машиностроения... Одних заводов десять два. И фабрики - мебельная, трикотажная...»

Сергеев швырнул в красную стену форта голыш. Не долетев, камень звонко булькнул в воду, быстрые круги пробежали по сонной поверхности и растаяли. Олег Николаевич зашагал дальше. Забытая ветка сирени осталась на высоком откосе берега.

Миновав трамвайную остановку, на которой уже стояли два ранних пассажира, Олег Николаевич вышел к Верхнему озеру. Его в этом году решили - впервые после войны - очистить от мусора и хлама, накопившегося с давних пор. Несколько дней назад воду начали спускать, и теперь она медленно убывала, обнажая илистое, покрытое корягами, обломками, остатками разбитой техники дно.



²¹ «Немцы, помните свои колонии!» (нем.)

Днем на отмелях копошились вездесущие мальчишки, посредине озера сидели в лодках сосредоточенные рыболовы. Сейчас здесь было пустынно. Только какой-то беспокойный рыболов медленно выгребал на середину, почти задевая веслами за дно.

«Кто он? - подумал Сергеев, глядя на непоседливого удильщика. - Инженер с трикотажной фабрики? Или слесарь с ремонтно-механического? Может быть, учитель двадцать пятой школы? И откуда приехал сюда, в наши края, - из Москвы, Пскова, Вологды или из Удмуртии? Я этого не знаю. Да и неважно это. Важно другое: обжился человек, не чувствует себя здесь ни гостем, ни временным жильцом без прописки. И лодкой обзавелся, а может быть, и домик свой выстроил. Словом устроился здесь накрепко. Надолго. Навсегда. Вот такие, как он, неторопливые, немногословные, домовитые люди и строили этот город, воскрешали его - дом за домом, квартал за кварталом, улицу за улицей...» В этот день Олег Николаевич впервые опоздал на работу.

2

Веселое солнце пробивалось сквозь густые ветви каштана и светлыми пятнами ложилось на зеленое сукно письменного стола.

Толстым синим карандашом Сергеев делал пометки: «Разобраться и доложить», «Интересное предложение. Проверить и пригласить автора», «В архив». Обычная почта главного архитектора города... И вдруг карандаш застыл в воздухе. Олег Николаевич прочитал:

«В 1951 году я заканчивал строительный техникум. Однажды мне пришлось снимать план здания, подлежащего ремонту.

Составив эскиз подвала и проставив размеры, я начал «увязывать цепочку». Получалась какая-то чертовщина: одна стена короче другой на три метра! Тогда я решил вычертить план подвала в масштабе. И в плане рядом с лестничной клеткой обрисовалось «белое пятно» - квадратная комнатка метра три в поперечнике. Кругом были капитальные стены.

Размышлять о том, что это за помещение, у меня не было времени. А потом все забылось. И вот теперь я, прочитав о поисках янтарной комнаты, вспомнил этот случай, вероятно потому, что здание находится на Барнаульской улице, упомянутой в очерке.

С уважением - Куликовских».

Вскоре Сергееву попало еще одно письмо.

«Дорогие товарищи!

Прочитав материалы о поисках янтарной комнаты, я вспомнил, что в 1949 году мой сын вместе с другими детьми играл в районе форта, который расположен на выезде из Калининграда в сторону Зеленоградска, и приносил собранные там монеты, в том числе чеканки XVII-XVIII веков. Можно думать, что некоторые коллекции музеев Кенигсберга были запрятаны именно в этом форту. Считаю, что там стоит поискать.

Закаев.

Калининград, Походная, дом 11»

«А Аннушка-то, кажется, права! - с удовольствием подумал Олег Николаевич. - Пожалуй, еще рановато ставить крест».

Он начал складывать письма в папку. Но в этот момент дверь отворилась и на пороге появился Денисов.

- Главному архитектору привет! - весело проговорил он. - Ну, как съездил? Ты, я вижу, повеселел. То-то, брат, а то уж и бросать собрался. Бросить легко, найти трудно. - Денисов пододвинул к себе стул. - А мы тут тоже не дремали. Вот слушай. Новость номер один. Обнаружили закрытый наглухо подземный ход, соединяющий Южный вокзал с центром города. Как показали обмеры, ход идет под нынешнем тоннелем. Пока трогать не решились, надо саперам все это как следует разведать, и тогда пошевелим кладку. Новость номер два. На Большой Торговой, где, помнишь, нам говорили про какой-то колодец, саперы нашли кладку под мостовой. Бурить не стали - опасно, рядом Балтрыбтрест, рыбный институт, жилые дома. Также понадобится время для обследования района. А вот и еще: Анна Егоровна Бредова. Живет на Барнаульской, дом 2, старожил Калининграда. Рассказывала такую историю.

- Олег Николаевич, извините, почта прибыла, - перебила секретарша. - И насчет янтарной комнаты есть. Я потому и побеспокоила - может быть, товарищу Денисову тоже будет интересно.

- Спасибо, сейчас посмотрим.

- Постой, Олег Николаевич, давай уж доскажу, - попросил Денисов. - Слушаешь?

- Ну, конечно.

- Так вот. Бредова в сорок пятом году приехала в наш город. Тогда она жила на Николайштрассе... Ежедневно ей приходилось проходить мимо замка. Там, помнишь, в те годы стояли сплошные руины. И вот однажды, в конце февраля или в начале марта 1946 года, она возвращалась с работы. Навстречу по пустынной улице шел мужчина в черном пальто и шляпе. Весь его облик говорил достаточно красноречиво: это немец! Бредова немного перепугалась - место пустынное, обстановка не слишком спокойная. Она решила разминуться с незнакомцем и шагнула в сторону, за угол разбитого здания. Прохожий не

обратил на нее внимания. Казалось, он вообще ничего не замечал, поглощенный своими мыслями. Бредова видела, как немец приблизился к стене одного из домов и, наклонившись, сделал какую-то пометку. Оглянувшись, он поспешил удалиться. Бредова, выждав, пока немец скроется, подошла к зданию. На стене она увидела какие-то знаки и надпись карандашом. Разобрать то, что написано, она не смогла - немецкий язык знала слабо. А наутро, когда пришла туда с товарищами, надпись исчезла...

- Не думаю, чтобы этот факт заслуживал внимания, - задумчиво проговорил Сергеев. - Серьезных надписей на стенах не делают.

- Я тоже так полагаю. Но важно другое: как наши люди помогают нам, как старательно вспоминают они мельчайшие происшествия, факты, события. И ведь не исключено, что именно таким образом, отобрав наиболее достоверные сведения, мы и натолкнемся на след янтарной комнаты!

- В этом ты прав.

3

Карл-Хайнц Вегнер, главный редактор журнала Общества германо-советской дружбы «Фрайе вельт», славился своей деловитостью. Сухощавый, быстрый в движениях, решительный и порой резковатый, он внушал уважение сотрудникам собранностью, четкостью, организованностью в работе. Похоже было, что еще с юношеских лет он избрал

своим девизом «Не терять даром ни одной минуты» и с тех пор руководствовался им неуклонно.

Так и сегодня. Приехав в дом 63/64 на Моргенштрассе, где помещалась редакция, пунктуально, минута в минуту к началу рабочего дня, он быстрыми шагами прошел в кабинет, а уже через пятнадцать минут передал машинистке листок бумаги.

- Прошу переписать.

Вскоре письмо, отпечатанное на бланке журнала, легло на редакторский стол.

«СССР, Калининград, редакция молодежной газеты, М. П. Зубаревой.

Уважаемая товарищ Зубарева! Обращаемся к Вам, поскольку мы с Вами были некогда знакомы по совместной работе в германской демократической печати.

В связи с тем что в настоящее время происходит передача ГДР значительных культурных ценностей, хранившихся с окончания войны в Советском Союзе, мы готовим полемический фоторепортаж о культурных ценностях, похищенных в свое время немецкими фашистами у Советского Союза и находящихся сейчас, по всей вероятности, в Западной Германии. Мы хотели бы содействовать тому, чтобы это советское имущество было найдено и возвращено Советскому Союзу. Наша работа находится, правда, еще на стадии подготовки. Через профессора Штрауса из университета им. Гумбольдта мы узнали, что недавно в одной из калининградских газет была опубликована статья о похищенных немецкими фашистами культурных ценностях. Мы были бы очень благодарны, если бы Вы прислали нам газету с этой статьей. Мы думаем, что найдем там несомненно ценные указания для нашей работы. С сердечным приветом и пожеланием здоровья

Редакция «Фрайе вельт»

главный редактор Вегнер».

4

Совещание оказалось бурным.

В зале заседания облисполкома, стены которого были сплошь увешаны синьками проектов, собрались архитекторы, инженеры горкомхоза, работники городского транспорта, депутаты Советов, партийные работники - все, для кого судьба родного города стала личным делом, таким же близким, как будущее собственной семьи.

Автор проекта Григорян, человек подвижный, обычно веселый и общительный, сейчас молча сидел в первом ряду и, не отвечая на шутки, нетерпеливо ожидал начала заседания.

«Волнуется, - подумал Сергеев. - Еще бы! Не каждому архитектору выпадает такая почетная задача - спроектировать целый район большого города. Это тебе не отдельное здание и не квартал... А проект, кажется, неплох. Впрочем, послушаем, что скажут остальные».

Зал утих. Григорян начал доклад. Это был деловой, даже суховатый перечень улиц, домов, подземных сооружений. Десятки цифр... Глядя на этого спокойного, уверенного в себе человека, трудно было представить, что еще несколько минут назад он был так взволнован. И действительно, выйдя на трибуну, Григорян успокоился, как человек убежденный в своей правоте. Слушали его внимательно, не перебивая. Сергеев торопливо записывал в блокнот: он должен был выступить непременно и не хотел пропустить ни одного принципиально важного тезиса Григоряна.

- Итак, товарищи, - звонким тенором говорил между тем автор проекта, - мы предлагаем создавать центральную часть города в районе от Южного вокзала вдоль улиц Маяковского и Житомирской и до площади Победы. Почему именно здесь? Потому что, во-первых, тут исторически сложился центр города. Во-вторых, все основные подземные инженерные коммуникации - водопровод, газовые и канализационные сети - здесь сохранились лучше. Наконец, именно здесь можно создать широкие парадные магистрали при въезде в город от его ворот - вокзала. Что предлагается сделать? - продолжал Григорян. - Вот, прошу обратить внимание на макет. На месте руин замка, сохранять которые явно нецелесообразно

- ни культурной, ни исторической ценности они не представляют, - мы планируем сооружение административного здания, в котором разместятся все областные организации. Справа и слева будут два корпуса размерами поменьше. От них уступами спускается к озелененному берегу Прегеля терраса. Сзади от широкой площади расходятся по радиусам три магистрали - это улица Горького, доведенная до бывшего замка, выпрямленная Житомирская и новая улица, пробитая сквозь бывшие завалы по направлению к площади Победы мимо здания бывшей ратуши, теперь - общезнания китобоев.

Остров, который раньше назывался Кнайпхоф, а сейчас в разговорной речи именуется островом Канта, озеленяется и превращается в парк. Развалины собора мы предлагаем законсервировать, предохранить их от дальнейшего разрушения, поскольку здание это, хотя и не очень интересное в архитектурном отношении, является памятником глубокой старины. С острова на обе стороны перекидываются новые мосты. Старые мосты реконструируются - вместо подъемных они станут железобетонными, на высоких опорах. Здание биржи восстанавливается под клуб работников морского торгового порта. А от него к вокзалу пойдет прямая, как стрела, магистраль - улица Маяковского. Площадь Калинина подлежит частичной застройке. Мы сохраняем ее основную, привокзальную часть в том виде, в каком она существует теперь. А вот здесь, ближе к центру, поставим несколько многоэтажных домов из крупных блоков. Они создадут как бы парадный вход в город.

- Будут ли вопросы к докладчику? - привычно спросил Денисов. - Записок не поступало.

- Есть вопрос! - немедленно откликнулся кто-то из задних рядов. - Почему решено создавать центр города на новом месте? Ведь практически он сложился у нас в районе площади Победы. Здесь и надо бы его сохранить, а не строить на месте развалин.

- Я ждал этого вопроса, - спокойно ответил Григорян. - Дело вот в чем, товарищи. Во-первых, нельзя считать центром города какую-то определенную точку, даже площадь или перекресток улиц. Центр современного города - это целый район со многими кварталами. В этом смысле площадь Победы тоже войдет в будущий центр, хотя и не будет тем полюсом, каким она является сейчас. Собственно говоря, центр города здесь сложился чисто случайно, лишь потому, что здесь уцелело несколько административных зданий и линии городского транспорта. С самого начала этот центр носил временный характер, и теперь наступает пора отказаться от его дальнейшего развития в качестве центра. Подземные коммуникации здесь сравнительно бедны, больших перспектив развития район, прилегающий к площади Победы, не имеет. Далее. Нельзя не считаться со значительной перегрузкой площади и окрестных улиц. Сейчас здесь расположены обком и горком партии, облисполком, рыбный институт, универмаг, совнархоз, Балтрыбтрест, продовольственный рынок, ряд других учреждений, драматический театр, скоро будет построено еще несколько крупных общественных зданий. Такая перегрузка недопустима, она ставит перед нами почти неразрешимую проблему организации городского транспорта, обеспечения столовыми и другими бытовыми предприятиями, для которых попросту трудно найти здесь место. Стоимость строительства на этом участке окажется значительно выше, чем в районе, предусмотренном проектом. Вот те основные соображения, которые легли в основу нашего плана.

- Будут ли еще вопросы? - обратился к залу Денисов.

- Есть вопрос!..

Совещание, как и предполагал Олег Николаевич, затянулось допоздна. Споры продолжались и после обеденного перерыва и вечером, пока собравшиеся не пришли к единодушному выводу: проект в принципе следует одобрить, хотя некоторые детали нуждаются в уточнении, а кое-что придется менять в ходе работ.

5

Сквозь плотную завесу табачного дыма еле виднеется в глубине прокопченного зала кабачка черно-бело-красное знамя. На трибуне - человек с высоко поднятой головой. Кажется, будто стены вздрагивают от аплодисментов.

- Сотоварищи!! Я прошу вас теперь поднять бокалы и выпить за священную Великую Германию, за память о фюрере, чью неповторимость однажды признают не только в Германии, но и во всем мире! За наш райх, за нашего фюрера! Зиг-хайль!

- Зиг-хайль! Зиг-хайль! Зиг-хайль! - орут вокруг. Десятки пьяных, хриплых голосов затягивают песню.

20 апреля 1959 года. День рождения фюрера. Западная Германия...

- А вы, генерал? - чья-то потная рука опускается на плечи высокому, чуть сутуловатому старику. Он брезгливо вздрагивает и тут же сильным тенором подтягивает куплет.

Он стар, генерал от инфантерии Бернгардт-Отто фон Лаш. Он прожил долгую жизнь, знал и победы и поражения. Он был приговорен к смерти фюрером, которого столь громогласно чествуют сейчас в кабачке. Фюрер... Его кости сгнили где-то в берлинских подземельях, и бог с ним, о нем не стоило бы вспоминать. Но пока нет иного имени, под которым надо сплотить германскую нацию для борьбы с коммунистической опасностью, - о, фон Лаш готов даже провозглашать славу бесноватому ефрейтору. Народу нужен вождь, Лаш это знает. Германская молодежь еще пойдет на восток, когда наступит время. А пока - пусть режут в кабачках осипшие глотки, старый генерал даже готов подтянуть им.

- Зиг-хайль! Зиг-хайль!

6

- Здорово сделали, что и говорить! Молодцы, настоящие журналисты. Броско, ярко, оригинально, - восторгался Сергеев, глядя на развернутые перед ним страницы девятого номера журнала «Фрайе вельт» с пометкой: 22 февраля 1959 года. - Ничего не скажешь, здорово. Как тебе нравится?

- Я в журналистике не силен, как тебе известно. С этой точки зрения судить не могу, - ответил Денисов. - Но что касается другого, тут могу сказать - неважно, в конце концов, как это подано. Важно другое: наши товарищи в Германии взяли нам помочь по-настоящему. И это - отлично! Давай почитаем, что там написано. Ты переводы, хорошо?

Они перевернули обложку еще пахнущего краской журнала.

- Крупный заголовок наверху звучит в переводе так: «Где находится янтарная комната?». Ниже подзаголовки: «Пользующееся мировой известностью сокровище искусства похищено гитлеровскими войсками по личному указанию военного преступника Эриха Коха из дворца в г. Пушкине. Впоследствии янтарная комната находилась в Кенигсберге. Доктор Роде знал о местонахождении сокровища. Почему Роде убит? Где его бывший шеф? «Фрайе вельт» печатает изложение статьи из газеты «Калининградская правда». - Интересно, - сказал Денисов. - Давай дальше.

Вот что они прочли.

...Когда искусствоведы Германской Демократической Республики недавно вновь приняли в свои руки несметное количество спасенных от уничтожения немецких художественных ценностей, многие из них одновременно с радостью при виде возвращенного испытывали и чувство тайного стыда. Заботливо отреставрированными, бережно, со знанием дела сохраненными передали советские власти немецкому народу огромные культурные ценности, ради спасения которых советские солдаты и специалисты не раз подвергали себя смертельной опасности. Мы же в свою очередь практически оказываемся бессильными отблагодарить в этом отношении советский народ. Еще далеко не все похищенные фашистами из Советского Союза культурные ценности возвращены туда: судьба многих из них неизвестна. Но разве действительно сделано все, что в пределах наших возможностей, и каждый след вплоть до последнего уже обнаружен? Журнал «Фрайе вельт» хотел бы обратить внимание читателей на одну из самых болезненных потерь - на пропажу янтарной комнаты, представлявшей собой высокую художественную ценность. Журнал «Фрайе вельт» настоятельно призывает всех, кто может дать хотя бы малейший намек на возможный след пропавшего сокровища, поддержать журнал в усилиях, которые он прилагает с целью отыскания этого сокровища искусства».

А дальше, на правой стороне листа, на красной полосе белыми буквами было напечатано:

КТО МОЖЕТ УКАЗАТЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ?

КТО В 1944-1945 гг. ИМЕЛ ОТНОШЕНИЕ К ЯНТАРНОЙ КОМНАТЕ?

КТО СЛЫШАЛ О НЕЙ, ВЕЛ ПЕРЕПИСКУ ИЛИ ПРОСМАТРИВАЛ ТАКУЮ ПЕРЕПИСКУ?

КТО ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ЗАХОРОНЕНИИ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ В ЯНВАРЕ 1945 ГОДА В КЕНИГСБЕРГСКОМ ЗАМКЕ? КТО В ЭТО ВРЕМЯ ЭВАКУИРОВАЛ ОТТУДА ЯЩИКИ?

КТО В КАЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КЕНИГСБЕРГСКОГО ГАРНИЗОНА ИЛИ ДРУГИХ ДИСЛОЦИРОВАННЫХ В ГОРОДЕ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ НАБЛЮДАЛ ЗА ЭВАКУАЦИЕЙ ЭТИХ ЯЩИКОВ?

КТО ЗНАЕТ МЕСТО ХРАНЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ИМУЩЕСТВА, КОТОРОЕ РАНЬШЕ НАХОДИЛОСЬ В КЕНИГСБЕРГЕ?

ГДЕ ЖИВЕТ ПАУЛЬ ФАЙЕРАБЕНД, В СВОЕ ВРЕМЯ ХОЗЯИН ТРАКТИРА «БЛЮТГЕРИХТ», РАСПОЛОЖЕННОГО В КЕНИГСБЕРГСКОМ ЗАМКЕ?

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ» БУДЕТ БЛАГОДАРЕН ЗА ЛЮБОЕ УКАЗАНИЕ, ПУСТЬ ЕСЛИ ДАЖЕ ОНО И БУДЕТ КАЗАТЬСЯ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМ.

РЕДАКЦИЯ СОХРАНИТ ПОСТУПАЮЩУЮ К НЕЙ ИНФОРМАЦИЮ В СЕКРЕТЕ, ЕСЛИ ЭТОГО ПОЖЕЛАЕТ АВТОР.

За обращением следовало изложение материалов, опубликованных в свое время в «Калининградской, правде».

7

В дверь постучали. Сергеев поморщился: он просил секретаршу до обеда никого не впускать, за исключением посетителей с особо важными, неотложными делами. Однако нельзя же отказать!..

- Да, прошу вас.

Пожилая женщина робко вошла в кабинет. Неуверенно огляделась и, видимо смущенная не слишком приветливым взглядом хозяина кабинета, тихо промолвила.

- Я хотела товарища Сергеева видеть.

- Слушаю.

- Моя фамилия Гиль. Я по поводу янтарной комнаты.
- Суховатую сдержанность Сергеева словно рукой сняло.
- Садитесь, прошу вас...
- Эльза Арнольдовна, - подсказала женщина.
- Прошу вас, Эльза Арнольдовна. Я вас слушаю со всем вниманием.

Вот что рассказала Сергееву посетительница.

В Кенигсберг Гиль, немка из бывшей Республики немцев Поволжья, приехала после долгих странствований по оккупированной территории. Искала «красивой» жизни... Но даже работы по специальности здесь ей, врачу-рентгенологу, не нашлось: гитлеровцы не слишком доверяли своим соплеменникам, выросшим на чужой земле. Через несколько недель Эльзе Арнольдовне посчастливилось: она пристроилась не то экономкой, не то просто приживалкой в семью профессора литературы Кенигсбергского университета Артура Франца.

Здесь ее не стеснялись, фрау Эльза вскоре стала в доме своим человеком. Долгие разговоры за вечерним чаем, за утренним кофе, когда герр профессор не спешил на лекции, происходили в ее присутствии. И вот однажды Гиль впервые услышала о янтарном кабинете...

- Да, фрау Эльза, вам непременно надо посмотреть это чудо, - говорил профессор, дымя сигаретой. - Это изумительно, это неповторимо! Только немецкий народ мог создать такое великолепное произведение.

Гиль подумала, что речь идет о каком-то янтарном кабинете, созданном в Германии и принадлежащем ей. Она не слишком интересовалась искусством и о существовании янтарной комнаты в Пушкине не имела ни малейшего понятия. Однако горячность обычно сдержанного профессора заинтересовала ее. Она обратилась к Францу с просьбой добыть ей пропуск в замок. Профессор пообещал, на вскоре выяснилось, что это обещание было опрометчивым: шло лето 1944 года, все посещения замка прекратились...

- Я уверена, что янтарная комната находилась в замке. В нашей... то есть в семье профессора. Франца о ней упоминали не раз. Что же касается бункера на улице Штайндамм, то тут мои сведения могут оказаться более определенными, - волнуясь, говорила Сергееву Гиль. - Я часто гуляла в том районе, по Штайндаммштрассе. Хорошо помню: она была сплошь застроена высокими, красивыми зданиями, только в одном месте находилась маленькая озелененная площадка. Мне кажется, что именно там и был бункер. Это место располагалось сразу же за угловым зданием, в котором размещался ресторан, около главпочтамта. Площадка называлась Кирхенплац. В глубине ее возвышалась небольшая кирха. Так вот, левее кирхи мне приходилось видеть на зеленой насыпи отдушины, какие обычно встречаются у бункеров. Входа в помещение я не видела. Мне кажется, что именно тут и был бункер, о котором упоминается в статьях «Калининградской правды», - продолжала Гиль, - если, разумеется, Роде говорил правду и если не ошибся профессор Барсов, которого Роде водил к бункеру на Штайндаммштрассе.

- Спасибо, Эльза Арнольдовна. Мы тщательно осмотрим эти места.

8

Теперь Сергеев регулярно получал журнал «Фрайе вельт» прямо из Берлина. Он с нетерпением разворачивал большие страницы, отыскивая знакомый заголовок: «Во ист дас бернштайнциммер?»²². Почти в каждом номере он находил что-нибудь интересное. Главное было сделано: немцы откликнулись на призыв журнала и сообщали все, что им было известно.

Так, Эмма Лупп, бургомистр города Коппенбрюк из уезда Кириц, писала:

«Из разговора с польским военнопленным мне стало известно, что в начале января из Кенигсберга был отправлен вагон с сокровищами искусства, которые затем замуровали в подвалах замка в уезде Ландсберг. Поляки, которых заставили это делать, через несколько дней были вывезены в неизвестном направлении. Я сообщаю вам эти сведения для того, чтобы внести свою лепту в розыски всемирно известного произведения искусства».

А вот письмо Альфреда Блекка, жителя города Карл-Маркс-штадт, опубликованное в пятнадцатом номере еженедельника:

«С юных лет я отлично ориентировался в тогдашнем Кенигсберге. Я несколько лет жил поблизости от упомянутой вами улицы Ланге Райе и учился в расположенной там школе. Мне известно, что на углу Ланге Райе и Бернштайнштрассе находился Геологический институт, в котором хранилась городская коллекция янтаря. Очевидно, экспонаты института и были помещены в упомянутом вами «бункере № 3». Я, правда, такого обозначения не знаю, но мне точно известно, что подле Геологического института находился бункер. Полагаю, что месторасположение его, несмотря на изменения, происшедшие за это время в облике города, можно установить. Думаю, что то место, где находился бункер, оказалось непригодным для строительных работ, в противном случае на этот бункер уже наткнулись бы».

Рядом Сергеев прочитал еще одно сообщение - Маргариты Тинковской из города Галле:

«Я выросла в Кенигсберге и знаю, можно сказать, каждый уголок города. Бункер, о котором идет речь в статье, может быть только бункером, находившимся под Буттербергом».

Если смотреть со стороны замка влево от Штайндамм в направлении Нойросгертерской кирхи, то там находился большой бункер, который в 1943 или 1944 годах был значительно расширен. Во время англо-

²² Где находится янтарная комната? (нем.)

американского воздушного налета 30 августа 1944 года вход в бункер был засыпан обрушившимся куполом колокольни Нойросгертерской кирхи. Я сама не была в бункере, но мои знакомые, прятавшиеся там при налете, вынуждены были выбираться оттуда через другой ход».

«Снова этот бункер, - размышлял Сергеев. - Прямо какой-то заколдованный круг! Все говорят о нем, многие его видели, а мы никак не можем отыскать даже примерного места, где он находился».

А через несколько дней Олег Николаевич прочитал в журнале редакционное сообщение:

«КУДА ДЕВАЛАСЬ ЯНТАРНАЯ КОМНАТА? Желанием помочь ответить на этот вопрос проникнуто каждое из многочисленных писем, полученных нами с востока и запада Германии, из социалистических и капиталистических стран. В них содержится много сведений, заслуживающих того, чтобы идти по их следам. Но и в этом нам нужна дальнейшая помощь».

В одном из писем, например, говорится, что некий Манн, мастер столярного дела, служивший в свое время в Кенигсбергском музее искусства, *осуществлял техническое руководство при перевозке музейных ценностей!*²³

Мы просим господина Манна дать о себе знать, в случае если этот призыв дойдет до него. Одновременно мы просим обращаться к нам всех тех, кто знает о судьбе или местонахождении господина Манна».

Словом, журнал делал свое доброе дело, письма поступали, публиковались, изучались. И становилось все очевиднее, что поиски следует продолжать - еще упорнее и энергичнее.

9

Записки Рудольфа Рингеля

Я хочу попытаться рассказать обо всем, что узнал от моего отца о янтарной комнате.

Мой отец, Густав-Георг Рингель, родился 18 августа 1905 года. Профессии он не имел. До 1931 года работал в разных местах, в том числе и на почте. В 1931 году был выдвинут на руководящую политическую работу в местной группе НСДАП Шлосстайх²⁴.

Во время переворота 1933 года он перешел из СА в СС, где служил и во время войны²⁵, когда он находился в особой группе войск, подчинявшейся непосредственно главному управлению имперской безопасности. К концу войны он был в чине оберштурмбаннфюрера, имел награды.

Дома отец был невыносим, постоянно придирался к моей матери и бабушке. Фактически он с нами не жил, а только время от времени приходил домой (Егергофштрассе, 13). Однажды в доме гауляйтера Коха, которого отец считал своим названным братом, он избил мою мать за то, что она не вступила в партию. В этот вечер мать выставила отца за дверь, и он окончательно переехал жить на Шарнгорстштрассе, 24. Это было в 1940 году.

В 1944 году, во время бомбардировки, рухнул наш дом, и мы были вынуждены переехать на квартиру отца, в которой он все равно почти никогда не бывал. В декабре 1944 года мы переселились в Ельстербург - Фогтланд. В феврале 1945 года, когда уже пал Кенигсберг, отец неожиданно появился у нас, утверждая, что выбрался из Кенигсберга на подводной лодке.

Во время войны отец заболел туберкулезом, подал прошение о пенсии и получил ее. Его отношение ко мне немного улучшилось, но с матерью отец так и не примирился.

Примерно за месяц до смерти он начал со мной говорить о разных вещах. Он хвастался своими делами. Среди прочего отец также говорил о том, что последние дни и недели перед оставлением Кенигсберга он как будто бы принимал участие в захоронении различных ценностей. Он говорил о церкви в Кнайпхоф, о пассаже на Кенигштрассе, о Ластадиншпейхерн и других местах, которые я, естественно, уже не могу припомнить.

Среди прочего он упоминал также, что янтарная комната, часть коллекции» янтаря и военный архив были доставлены в бункер № 3 на Штайндамм. На мой вопрос, где расположен бункер, он только улыбнулся и ответил, что это меня не касается, я еще мал и глуп, чтобы это понять. Разговор на эту тему возобновлялся еще несколько раз, но отец становился вдруг замкнутым и беседа прерывалась.

Умер отец 17 октября 1947 года. Он не оставил ничего, кроме одного драгоценного камня, который находится у меня, и нескольких костюмов. Примерно в январе или феврале 1948 года в подвале я нашел книгу, в которой обнаружил отпечатанные на тонкой бумаге вторые экземпляры приказов и донесений об их выполнении. Здесь в двух записях упоминалось о вывозе янтарной комнаты.

Я прочел все документы, хотя понял из них очень мало, потому что там были военные заметки, о которых я ранее не имел ни малейшего представления. Постепенно все это забылось.

Только в начале 1959 года, когда в журнале «Фрайе вельт» появилась статья, посвященная розыску янтарной комнаты, я снова вспомнил о рассказах отца, а также о найденных мною записях. Случайно в это время на нашем предприятии были товарищи из райкома СЕПГ, с которыми я посоветовался, - сле-

²³ Выделено редакцией журнала.

²⁴ НСДАП - официальное название фашистской партии; Шлосстайх - район королевского замка в Кенигсберге.

²⁵ Переворот 1933 года - фашистский путч, закончившийся приходом Гитлера к власти; СА - штурмовые отряды гитлеровской партии; СС - вначале так наз. охранные отряды, затем специальная организация по истреблению всех, кого фашисты считали нежелательными. Международный трибунал признал СС преступной организацией, виновной в истреблении миллионов невинных людей.

дует ли мне об этом заявить. Я, собственно говоря, опасался, что у меня из-за моего отца могут быть неприятности. Товарищи мне сказали, что я должен обо всем сразу же сообщить, если даже я так мало знаю.

Поэтому я написал в редакцию «Фрайе вельт». Вскоре из Берлина в Ельстербург приехали сотрудники журнала, и я им рассказал, что знал. Через некоторое время меня пригласили в Берлин, а затем в Советский Союз. Я с радостью принял приглашение, надеясь хоть в какой-то степени загладить то неправомерное, что сделал мой отец.

Рудольф Рингель

Прилагаю несколько документов.

* * *

Приказ

Оберштурмбаннфюреру Рингель.

Предполагается, что в скором времени в Кенигсберге будет проведена операция «Грюн». По этой причине Вам необходимо провести акцию янтарной комнаты и доставить ее в известный вам Б. III... После проведения операции входы, как условились, замаскировать, в случае если здание еще сохранилось, - взорвать.

За выполнение приказа Вы несете полную ответственность. После выполнения вернетесь к известному Вам пункту, где Вас встретят, или получите дальнейшие указания.

Подпись неразборчива

* * *

В Главное управление имперской безопасности. Приказ выполнен. Акция янтарной комнаты окончена. Входы, согласно предписанию, замаскированы.

Взрыв дал нужные результаты.

Георг Рингель.

* * *

Передано руководителю транспорта 30 ящиков с плитами янтаря и ящики коллекций янтаря согласно приказу Главного управления имперской безопасности.

Подписи охраны

Ниже:

Транспорт принял.

Георг Рингель».

* * *

Рудольф Рингель приехал в Калининград летом 1959 года. Совершенно искренне, от всей души он пытался помочь в розысках «бункера № 3». Но не смог.

- Это не тот город, который я знал, - заявил Рингель. - В моей памяти остались руины, завалы, темные, мрачные дома, иногда освещаемые заревом пожарищ, испуганные люди. А сейчас все цветет, толпы жизнерадостных советских граждан на улицах, всюду движение, жизнь, рост... Нет, я не узнаю города.

10

Чем дальше шли поиски, тем чаще Сергеев ловил себя на мысли, что уже не одна янтарная комната интересует его в этом разрушенном и возрожденном городе, но и сам он, весь этот город, в восстановлении которого Олег Николаевич принимал такое деятельное участие, дорог ему. Сергеев жил этим новым городом, видел его перед собою, ежечасно думал о нем. Правда, этот новый, великолепный город существовал пока главным образом в его воображении, он только в самых общих чертах был нанесен на ватман - темные кварталы без разбивки отдельных зданий, сады, улицы.

Есть люди, которые видят вещи, только когда они встают перед глазами. Архитекторы умеют вообразить себе то, что они видят в линиях чертежа. Сергеев видел восстановленный город так реально, словно он уже существовал. Не раз, бывало, он со своими помощниками лазил по развалинам и, уставая, садился на груду кирпичей. В эти минуты он был рассеян, потому что мысленно бродил по улицам возрожденного города.

- О чем вы думаете, Олег Николаевич? - спрашивали его.

Он отвечал задумчиво:

- Здесь слишком оживленное автомобильное движение, на углу неизбежны простои - это нехорошо.

Собеседники его удивлялись:

- Автомобильное движение? Где?

Сергеев смущенно улыбался:

- Нет, я думал о новой улице, которая пройдет по этим местам. Вы представляете: высокие дома, пересечение двух магистралей, никаких боковых ответвлений - сколько газа и копоти напустят эти машины! Нужны площадь и сквер, чтобы создать простор и обеспечить приток чистого воздуха. Как по-вашему?

И все эти мысли о городе жили в нем одновременно с мыслями и заботами, связанными с поисками янтарной комнаты.

Еще одна забота одолевала Сергеева. Анна Константиновна, самый близкий ему человек, все еще жила в Ленинграде. Считалось, что ей мешают уехать семейные обстоятельства - родители, которых трудно везти с собой в Калининград, потому что они, как и большинство людей их возраста, да еще перенесших блокаду, были больны и немощны. Но на самом деле существовала еще одна причина, о которой в семье не говорили, но о ней знали оба. Анна Константиновна не хотела покидать Ленинград, с которым у нее было так много связано. «Найдет янтарную комнату - и вернется обратно», - говорила она себе.

И Сергеев тоже считал, что ей, в самом деле, нечего делать на новом месте: ведь переезд был бы не только переменой квартиры:

Это была странная семейная жизнь - они встречались во время отпуска или командировок. «Еду к жене в командировку», - шутливо писал Сергеев, но в шутке этой была горечь. Анна Константиновна, чувствуя ее, старалась делать вид, что ничего не замечает.

Уже после поездки в Ленинград, когда, казалось, они обо всем договорились, Олег Николаевич получил письмо: отъезд откладывается. Сергеев написал жене, что речь идет о том, будет ли, наконец, у них семья или нет. Это было резкое письмо, Сергеев долго носил его в портфеле, не отправляя, - он знал, что оно доставит жене боль.

А на третий день после того, как письмо было брошено в ящик, пришла телеграмма: «Встречай, еду». Ни ласкового слова, ни приветия. Номер поезда и вагона - больше ничего. Сергеев угадывал в каждом слове невысказанный упрек, обиду и боль - нелегко давалось Анне Константиновне прощание с любимым городом. Но, прочтя телеграмму, он вздохнул глубоко и облегченно. Пусть приезжает недовольной, расстроенной, неласковой, - все это неважно, настроение изменится - только бы приехала! Но Анна Константиновна вышла из вагона, против ожидания Сергеева, веселая, первой побежала ему навстречу.

Он повел ее к машине и сам сел за руль. Анна Константиновна уселась рядом.

- Ты очень устала? - спросил Сергеев. - Поедем сразу домой или прокатимся?

- Нет, я не устала, - сказала она. - Покажи мне город.

Они поехали по улице Маяковского. Здесь начинался район самых больших разрушений, от кварталов после войны остались только развалины. Но Анна Константиновна не видела руин: на их месте были разбиты цветочные клумбы, посажены кустарники. А кое-где уже поднимались многоэтажные дома - новые, яркой окраски, с широкими окнами и балконами.

- Отсюда начинался средневековый, бюрократический и финансовый центр Кенигсберга, - сказал Сергеев. - Ты, надеюсь, догадалась, что скверы эти - временные, только чтоб прикрыть разрушения. Скоро на их месте будут воздвигнуты новые дома.

- Надеюсь, дома не временные? - пошутила Анна.

- Нет, - рассмеялся Сергеев. - Дома настоящие. Тебе понравятся.

Они въехали на остров, где стоял Кафедральный собор. Даже сейчас, наполовину разрушенный, он поражал своей грандиозностью. Анна Константиновна вышла из машины, постояла у могилы Канта.

Развалины Королевского замка заинтересовали ее еще больше, чем Кафедральный собор. Она потребовала, чтобы муж показал ей, где хранилась украденная янтарная комната. Они поднимались по полуразрушенным лестницам, опускались в подвалы, проходили под арками. Анна Константиновна качала головой, глядя на метровые стены, распавшиеся от взрывов авиабомб.

- Здесь лучше, - сказала она, выбравшись на свежий воздух.

Теперь они ехали по Житомирской улице - главной улице города. Развалин на ней уже не было. Новые нарядные дома поднимались по обеим ее сторонам, за ними виднелись заборы и краны - строились целые кварталы.

Когда они проехали площадь Победы, Анна Константиновна повернула к мужу возбужденное лицо.

- В общем, я понимаю, почему ты не хотел уезжать, - сказала она. - Здесь, в этом царстве разрушения, особенно чувствуется, как идет созидание. Да, конечно, это тебя должно было увлечь - и строительство, и поиски янтарной комнаты. Я понимаю, - повторила она.

Сергеев наклонился к ней и сказал мягко:

- Надеюсь, и тебя это теперь увлечет.



11

Очередное заседание в облисполкоме закончилось поздно: сегодня окончательно решался вопрос о перспективном плане восстановления и реконструкции Калининграда. Снова несколько часов подряд рассматривали эскизные проекты, любовались тщательно вычерченными на ватмане перспективами

будущих улиц, красотой новых зданий, по-хозяйски спорили, соглашались, возражали, доказывая свою точку зрения. И вот теперь время близится к полуночи.

Сергеев решил пройтись пешком.

Он пересек небольшую площадь перед облисполкомом, купил в гастрономе напротив стадиона пачку папирос, а затем направился домой.

Олег Николаевич задержался возле театра. Величественные колонны фасада четко белели в сумраке майской ночи.

Сергеев шел дальше. Мельком взглянув на бронзового Шиллера, он свернул с тротуара и зашатал по дорожке мимо областной библиотеки и редакции. Он любил это место, отделенное от шумного Сталинградского проспекта густой стеной каштанов, уютное и в то же время по-своему по-особому оживленное.

Из широких - во всю стену - окон редакции и типографии лился на асфальт свет неоновых ламп - голубоватый, мягкий; на третьем этаже все еще суетились люди. «В секретариате заканчивают работу над номером», - решил Олег Николаевич, хорошо знакомый с редакционными порядками и делами. А внизу уже гудели ротационные машины, - равномерно, ровно, и это означало, что начали печатать тираж. Сергеев хотел было заглянуть на минутку туда, попросить у приятелей свежий номер газеты, но раздумал - хотелось побыть одному, освежиться после совещания.

Он снова вышел на проспект. В здании рыбного института горели огни: приближалась пора экзаменов. У подъезда прохаживались дружинники с красными повязками на рукавах. Постовой милиционер стоял на перекрестке. Светили лампочки у Северного вокзала, обнесенного строительным забором.

А чуть правее, освещенная с разных сторон мощными прожекторами, возвышалась над площадью величественная и стремительная фигура Ильича. Он простирал руку над городом, словно указывая людям путь вперед.

Олег Николаевич миновал трамвайное кольцо, шумное, несмотря на поздний час, и вышел на Гаражную. Здесь было тихо. Деревья издавали острый, приятный запах молодой листвы. Весна подходила к концу. Скоро отцветут каштаны, скоро станут непролазными заросли молодых побегов в чащах парков и скверов, скоро наступят длинные летние ночи с высоким небом и песнями до рассвета. Веселее станет работать, веселее отдыхать.

По пустынным улицам Калининграда шел, распахнув летний габардиновый плащ и сдвинув на затылок шляпу, человек среднего роста, не очень молодой, но оживленный и веселый. Он шел и думал о домах, которые он построит, об улицах, что украсятся новыми скверами, о садах - они раскинутся зеленым кольцом вокруг города, о янтарной комнате, поиски которой стали для него одним из важнейших дел жизни, которую будут искать и дальше, непременно будут искать!

А когда на пороге Сергеева встретила жена, он обнял ее и сказал очень тихо:

- Знаешь, Аннушка, жить - это все-таки чертовски интересно!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Перевернута последняя страница. Но повесть о поисках янтарной комнаты не закончена. У этой правдивой истории пока еще нет конца.

Поиски продолжаются. Их ведут члены комиссии, солдаты и офицеры гарнизона, рабочие калининградских предприятий, служащие и студенты, колхозники и инженеры. Поисками янтарной комнаты заняты и наши друзья в Германской Демократической Республике.

Поиски продолжаются. Трудно пока сказать, будут ли они успешными. Каждому теперь ясно: есть три основных предположения о судьбе янтарной комнаты.

Первое. Возможно, что янтарная комната вывезена доктором Альфредом Роде в Западную Германию и до сих пор находится там. Если это так, следует надеяться на ее возвращение в СССР после того, как наладятся отношения между нашей страной и Федеративной Республикой Германии.

Второе. Не исключено, что янтарная комната сгорела при пожаре Королевского замка, хотя поверить в это трудно, зная, как бережно относился Роде к заполученному им сокровищу.

Наконец, есть и третье предположение - что комната искусно запрятана где-то в Калининграде или в его окрестностях и необходимы систематические, планомерные поиски, которые одновременно могут дать ценные сведения о подземном хозяйстве города, принести ряд интересных и важных находок, помогут быстрее завершить восстановление городского хозяйства, разрушенного войной.

Ну, а если янтарная комната не будет найдена? На этот вопрос отвечает в своем письме инженер В. Петров из Вильнюса. «Можно было бы сделать другую (точную копию творения Шлюттера-Туссо-Растрелли) янтарную комнату. Это возможно потому, что самое крупное в мире месторождение янтаря находится в Калининградской области. Там же расположен и крупнейший в мире комбинат по обработке янтаря. Поэтому вопрос о сооружении новой янтарной комнаты можно успешно решить, тем более, что к изготовлению облицовки и изделий из янтаря, аналогичных тем, которые были в янтарной комнате, можно было бы привлечь мастеров Ленинграда, Калининграда, Латвии, Литвы, умельцев с Урала, из Якутии, замечательных северных косторезов, а также мастеров из других городов и республик нашей страны».

Что ж, возможно и так.

Но пока еще есть надежда - и надежда немалая! - обойтись без многомиллионных затрат на изготовление новой янтарной комнаты. Поиски ее продолжаются!

Они продолжают в тиши архивов и в теплых комнатах музеев, в оживленных помещениях редакций и на калининградских улицах, в развалинах замков и в подземельях фортов, в подвалах еще не восстановленных зданий и в заброшенных бункерах. Продолжаются изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц. Потому что наш народ любит свое искусство и гордится им. Потому что достояние нашей Родины должно быть возвращено ей. Потому что бывшие дворцы должны вновь засиять для своего хозяина - народа еще ярче и прекраснее.

Поиски продолжают!

Вот почему одна из глав этой книги названа: «Заключительная, но не последняя». Вот почему авторы не ставят на этой странице слово: «Конец». Ибо конца у книги пока нет. Но жизнь со временем обязательно допишет ее.